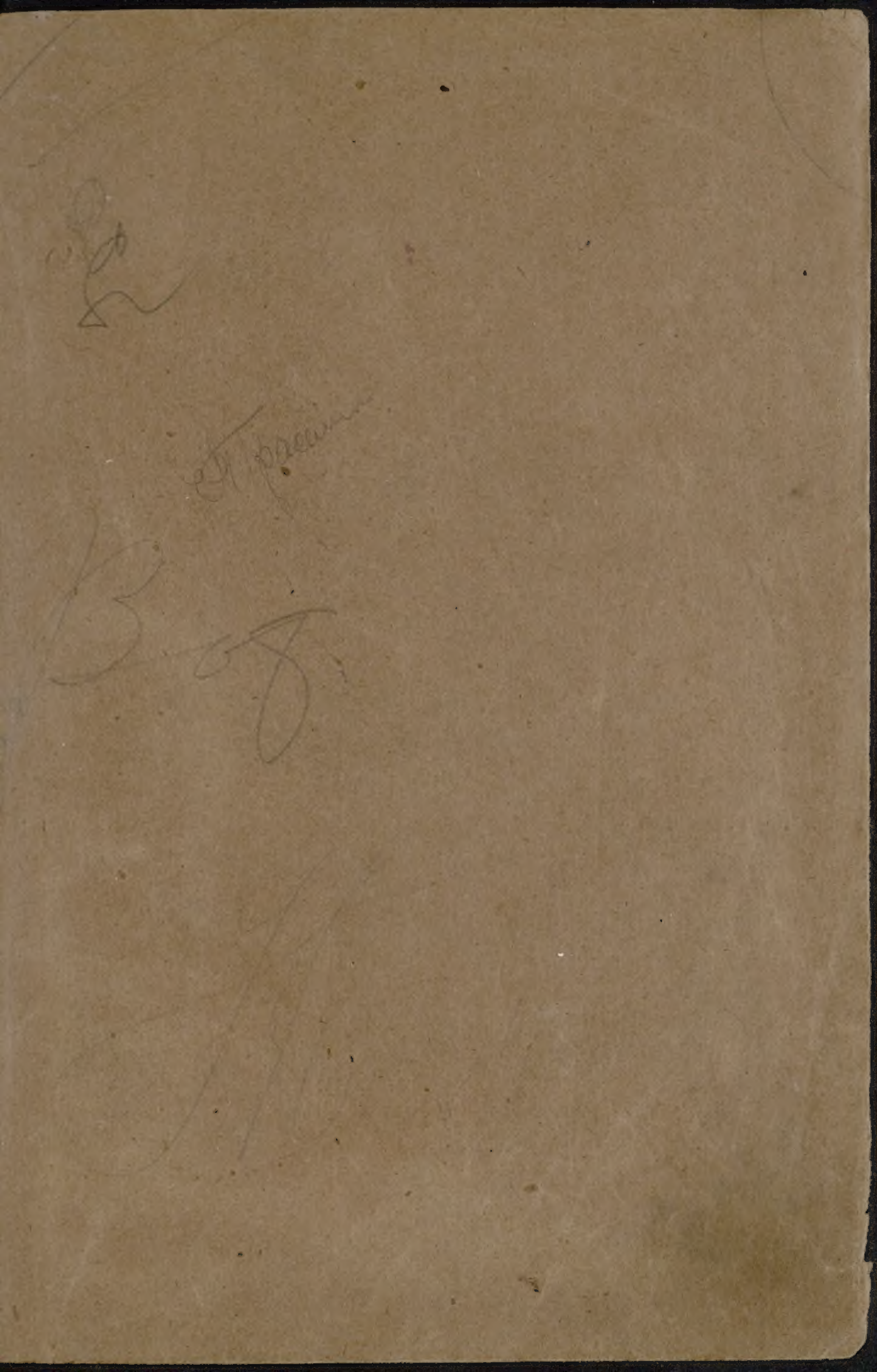
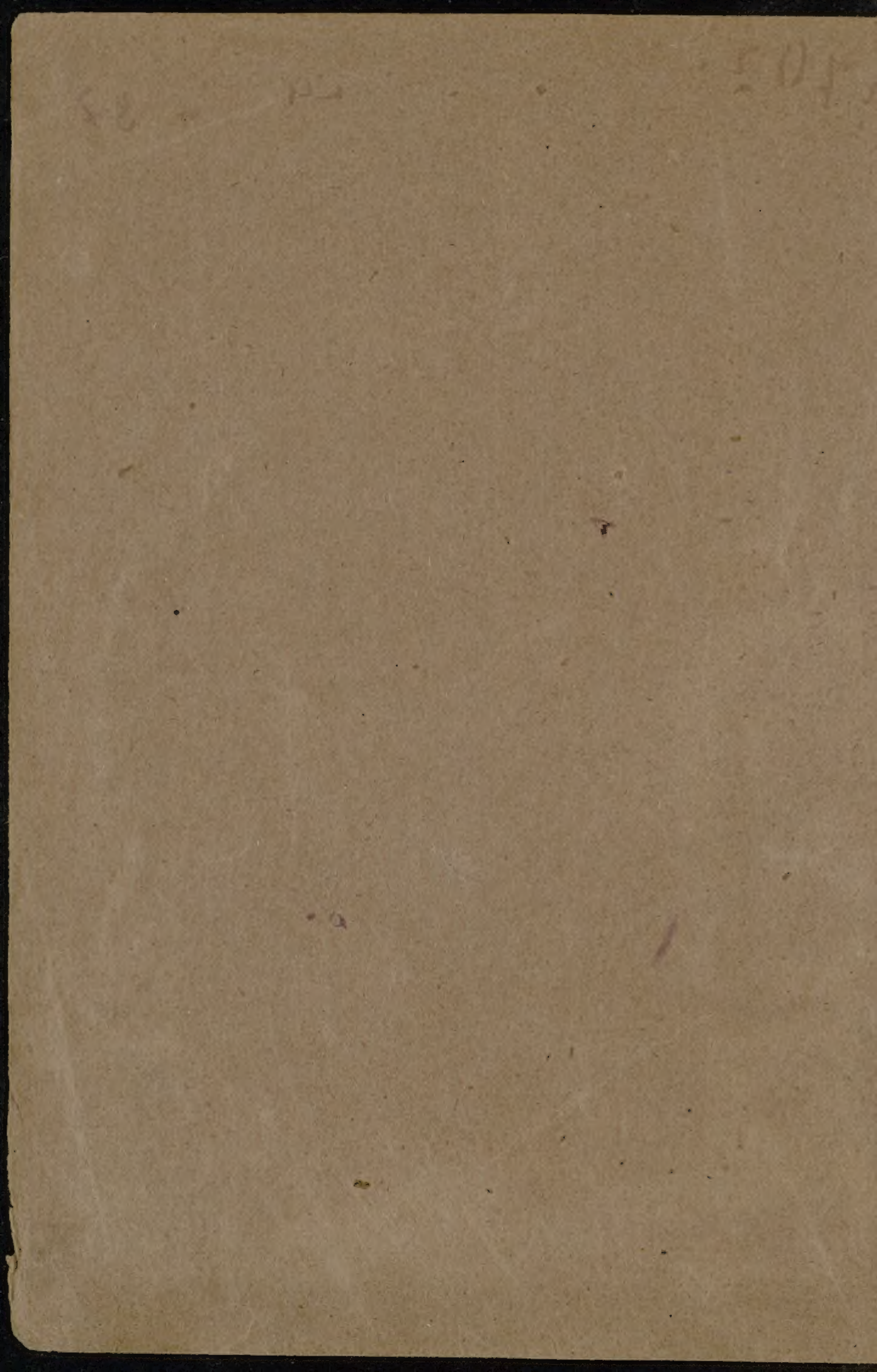
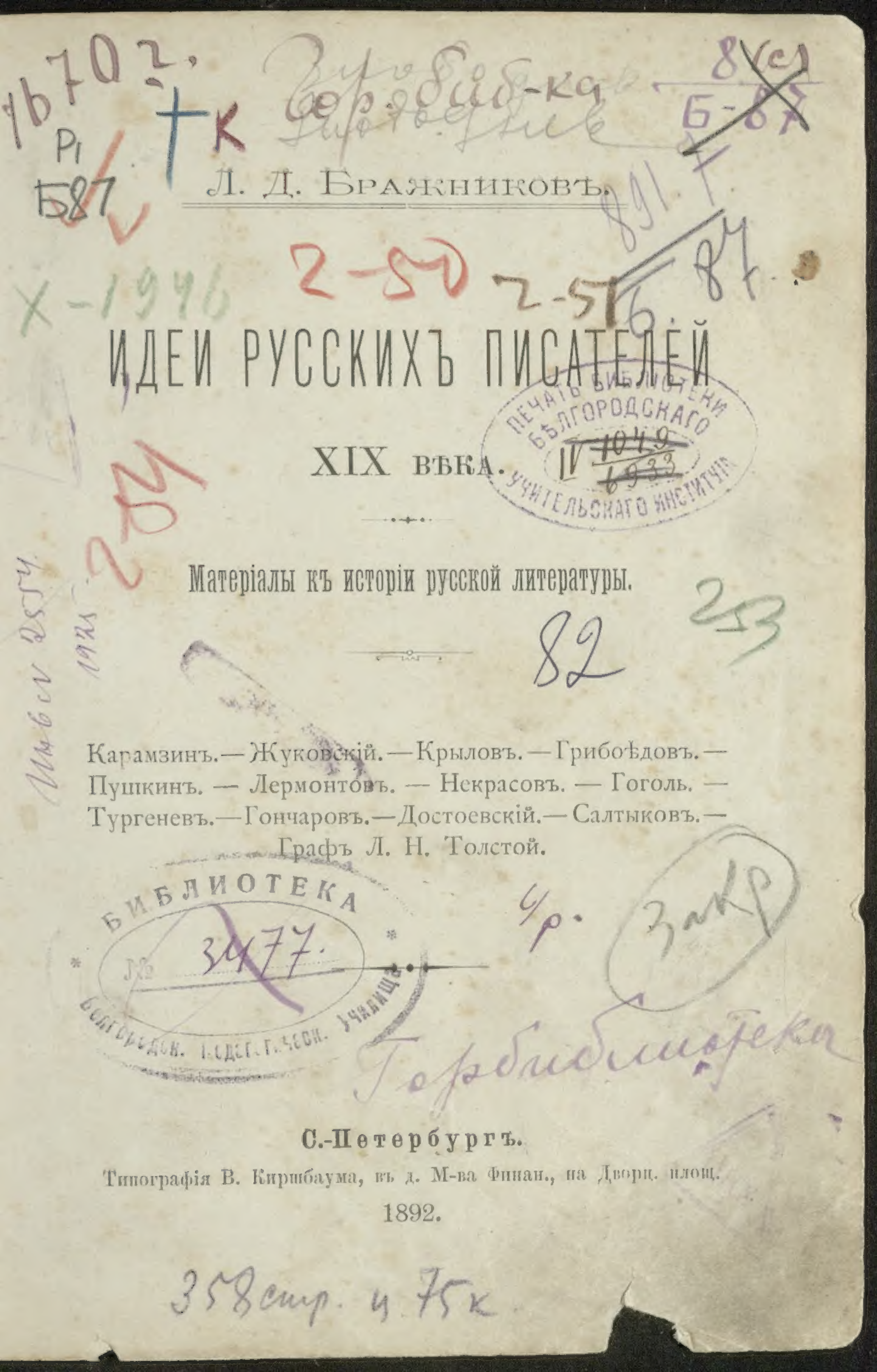

8P1
Б-87

Л. Д. Бражниковъ.

ИДЕИ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ

XIX вѣка.

Матеріалы къ исторіи русской литературы.

Карамзинъ. — Жуковскій. — Крыловъ. — Грибоѣдовъ. — Пушкинъ. — Лермонтовъ. — Некрасовъ. — Гоголь. — Тургеневъ. — Гончаровъ. — Достоевскій. — Салтыковъ. — Графъ Л. Н. Толстой.

С.-Петербургъ.
Типографія В. Киршбаума, въ д. М-ва Финан., на Дворц. площ.
1892.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 20 Декабря 1891 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Цѣль настоящаго изданія — изложить въ систематическомъ по возможности порядкѣ и собственными словами авторовъ идеи нашихъ знаменитыхъ писателей нынѣшняго вѣка и наглядно обрисовать, такимъ путемъ, духовно-нравственныя личности литературныхъ дѣятелей, имѣвшихъ несомнѣнное и крупное вліяніе на наше умственное движеніе.

Идеи такихъ дѣятелей, являющихся не одинокими представителями того или другого философскаго ученія, а отражающихъ на себѣ умственный складъ передовыхъ людей современной имъ эпохи, въ большинствѣ случаевъ излагаются не въ видѣ систематическихъ трактатовъ (какъ напр. иногда у графа Льва Толстаго *), а бываютъ разсѣяны, безъ всякой системы, въ многочисленныхъ ихъ произведеніяхъ беллетристическаго характера и, остановивъ на себѣ мимолетное вниманіе читателя, исчезаютъ за тѣмъ безслѣдно, не пуская прочныхъ корней. Будучи же сконцентрированы и приведены въ систему, онѣ проливаютъ яркій свѣтъ на личность писателя, характеризуя вмѣстѣ съ тѣмъ и современную эму эпоху.

---

*) Считаю долгомъ при этомъ оговорить, что нѣкоторыя изъ характеристическихъ воззрѣній графа Толстаго не вошли въ мой сборникъ.

Мы можемъ, кромѣ того, видѣть, при извѣстномъ расположеніи идей, какъ постепенно развивалось и видоизмѣнялось міровоззрѣніе писателя. Понятно, что при такихъ условіяхъ въ значительной степени уясняется и становится нагляднѣе смыслъ самыхъ художественныхъ произведеній, созданныхъ писателями. Считаю излишнимъ распространяться о томъ, на сколько идеи, выраженныя великими писателями, представляютъ поучительнаго для всякаго образованнаго человѣка сами по себѣ, т. е. независимо отъ заключающейся въ нихъ характеристики самого писателя и современной ему эпохи.

Перехожу теперь къ плану и выполненію предпринятаго мною труда.

Классифицируя идеи избранныхъ мною русскихъ писателей 19-го вѣка, я имѣлъ прежде всего въ виду представить какъ можно рельефнѣе основныя идеи ихъ міровоззрѣнія, не усложняя дѣла многочисленными отдѣлами, и остановился на тѣхъ изъ послѣднихъ, подъ которые можно подвести всѣхъ писателей.

Такихъ отдѣловъ оказалось четыре, а именно:

I. *Религія; политика; наука и искусство.* Первый отдѣлъ распадается слѣдовательно, на три подотдѣла или главы: 1) религія, 2) политика и 3) наука и искусство. Если произведенія автора представляли матеріалъ для всѣхъ трехъ главъ, то каждая изъ послѣднихъ отмѣчена арабскою цифрою [1), 2), 3)]. Если же отсутствуетъ первая или вторая глава, то весь матеріалъ перваго отдѣла помѣщается или слитно, если обнимаетъ собою лишь одну главу, или же главы отдѣляются одна отъ другой оглавленіемъ.

II. *Человѣкъ со всѣми его свойствами.* Этотъ отдѣлъ распадается на двѣ главы, изъ которыхъ вторая посвящена любви и женщинамъ.

III. Сюда вошли главнымъ образомъ случайныя, высказанныя такъ сказать вскользь, а потому и не мотивированныя мысли и изреченія, которыя, именно въ силу случайности, неудобно было отнести къ первымъ двумъ отдѣламъ. Въ этомъ отдѣлѣ помѣщены и мысли, иногда подробно развитыя, но представляющія, по самому характеру произведеній автора, интересъ случайный, второстепенный. Третій отдѣлъ тоже раздѣляется на двѣ главы, изъ которыхъ ко второй отнесены изреченія, вошедшія въ поговорку.

IV. *Россія и иностранныя государства.* Подъ эту рубрику отведено все, что писалось о Россіи, русскомъ народѣ, русской литературѣ, а равно о другихъ странахъ въ частности. Отдѣлъ этотъ вмѣщаетъ въ себѣ всѣ предшествующіе отдѣлы, но только по отношенію къ Россіи или къ другимъ національностямъ въ отдѣльности, которымъ посвящена вторая глава.

Стихотворныя произведенія классифицированы отдѣльно отъ прозаическихъ.

При расположеніи идей автора въ каждомъ отдѣлѣ у меня на первомъ планѣ было, какъ и при установленіи самыхъ отдѣловъ, передать какъ можно нагляднѣе и яснѣе духовную личность писателя, и потому я не могъ, конечно, постоянно и строго держаться точной, въ матеріальномъ такъ сказать смыслѣ, классификаціи. Вообще же я старался переходить отъ общаго къ частному, отъ болѣе важнаго къ менѣе важному; когда нѣсколько идей относились

къ одному и тому же предмету, онѣ располагались въ хронологическомъ порядкѣ, равно какъ и во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда возникало сомнѣніе или затрудненіе относительно распредѣленія матеріала по его внутреннему содержанію.

Что касается III отдѣла, въ которомъ помѣщены мысли и изреченія, высказанныя случайно, вскользь, а также обратившіяся въ поговорки, то характеръ и объемъ этого отдѣла въ значительной степени обусловливаются содержаніемъ предыдущихъ отдѣловъ. Если идеи автора съ достаточною ясностію и полнотою высказаны въ предыдущихъ двухъ отдѣлахъ, то третій отдѣлъ является наиболѣе богатымъ; въ противномъ случаѣ и мысли, высказанныя вскользь и случайно, помѣщались въ первомъ и второмъ отдѣлахъ. Мысли, изложенныя во второй главѣ II отдѣла (любовь и женщины) и въ IV отдѣлѣ (Россія и иностранныя государства), въ виду строгой опредѣленности этихъ рубрикъ, не относились обыкновенно къ III отдѣлу и тогда даже, когда онѣ имѣли случайный, мимолетный характеръ.

Подъ каждою выпискою помѣщенъ въ скобкахъ годъ, къ которому относится произведеніе, давшее матеріалъ для выписки *), а также обозначены томъ и страница сочиненія, изъ которыхъ сдѣлано извлеченіе. На каждой страницѣ моего изданія показаны въ заголовкѣ, рядомъ съ именемъ автора, годы его рожденія и смерти, такъ что читатель всегда легко можетъ справиться, въ какую пору жизни высказана авторомъ та или другая мысль—обстоятельство, зна-

*) За исключеніемъ тѣхъ немногихъ случаевъ, когда въ самомъ собраніи сочиненій автора не указаны годы появленія отдѣльныхъ его произведеній.

чительно уясняющее ходъ развитія и измѣненія идей автора. Въ помѣщенныхъ въ концѣ книги источникахъ, т. е. въ названіяхъ сочиненій, изъ которыхъ извлечены мысли писателей, указано и число страницъ въ каждомъ сочиненіи, такъ что читатель, имѣющій подъ рукою не то изданіе сочиненій, которымъ пользовался я, легко можетъ сдѣлать желательную для него справку. Въ самомъ концѣ настоящаго изданія, т. е. послѣ источниковъ, помѣщенъ алфавитный указатель идей писателей, съ обозначеніемъ страницъ, на которыхъ онѣ помѣщены, и инициаловъ писателей, у которыхъ онѣ заимствованы. При помощи такого указателя можно прослѣдить и развитіе одной и той же идеи у различныхъ авторовъ.

При выпискахъ мнѣ часто приходилось выпускать мѣста, не имѣющія существеннаго значенія для развитія идеи автора; мѣста пропуска обозначены подстрочными точечками ( ). Если выписка начинается личнымъ мѣстоимѣніемъ, то въ нужныхъ случаяхъ я объяснялъ въ скобкахъ или выноскахъ лицо или предметъ, о которомъ идетъ рѣчь. Все добавленное мною обозначено скобками [ ]. Скобки же ( ) принадлежатъ самимъ авторамъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ я считалъ нужнымъ помѣщать краткія введенія, объясняющія излагаемыя за тѣмъ мысли автора, или пояснять въ концѣ выписки поводъ, вызвавшій ту или другую мысль. Переводы мыслей, выраженныхъ авторами (Карамзинымъ, Пушкинымъ) по-французски, сдѣланы мною же.

Въ однихъ случаяхъ авторъ высказываетъ мысль отъ своего собственнаго имени, въ другихъ — влагаетъ ее въ уста одного изъ дѣйствующихъ лицъ. Такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ дѣйствующее лицо

можетъ высказывать и такія мысли, которыхъ самъ авторъ не раздѣляетъ, то я считалъ нужнымъ разграничить мысли этихъ двухъ категорій. Мысли, высказанныя самимъ авторомъ, помѣщены безъ всякихъ оговорокъ, т.-е. отмѣтокъ. При изложеніи же мыслей, высказанныхъ однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ того или другого произведенія, помѣщено передъ годомъ имя лица, если оно является однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ или типичныхъ лицъ, если же такого характера оно не носитъ, то передъ годомъ поставлено тире (—).

Идеи, проводимыя Базаровымъ въ романѣ Тургенева „Отцы и дѣти“, не разбиты мною по рубрикамъ, а помѣщены въ концѣ IV отдѣла (Россія).—Главныя идеи, высказанныя Гоголемъ въ его перепискѣ съ друзьями, тоже помѣщены отдѣльно, съ подраздѣленіемъ ихъ на рубрики.

Въ трехъ случаяхъ мысли авторовъ изложены мною со словъ другихъ лицъ, а именно: Пушкина—о значеніи монарха (стр. 116)—со словъ Гоголя, и Грибоѣдова—о женщинахъ (стр. 104—5) и его же—о русскихъ церквахъ (стр. 106)—со словъ А. А. Бестужева и Булгарина.

Комедія Грибоѣдова „Горе отъ ума“,- единственное изъ драматическихъ произведеній нашихъ писателей по богатству выраженныхъ въ немъ мыслей, потребовало особой классификаціи изложеннаго въ немъ матеріала. Какъ всякое драматическое произведеніе, оно заключаетъ въ себѣ рядъ разнородныхъ и даже противорѣчащихъ одна другой идей, что̀ обусловливается, разумѣется, характеромъ дѣйствующихъ лицъ. При подобныхъ условіяхъ изложеніе идей въ принятомъ мною порядкѣ по отношенію

къ другимъ авторамъ, произвело бы сбивчивую пестроту, во избѣжаніе которой я распредѣлилъ матеріалъ по типамъ дѣйствующихъ лицъ, помѣстивъ въ началѣ взгляды Чацкаго, изложенные въ двухъ главахъ, изъ которыхъ первая посвящена русскому обществу; за мыслями Чацкаго слѣдуютъ взгляды другихъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ (Молчалина, Фамусова и т. д.); въ концѣ же помѣщены мысли тѣхъ же лицъ, съ Чацкимъ во главѣ, не имѣющія собственно серьезнаго внутренняго содержанія, но пріобрѣвшія популярность какъ поговорки.

Въ моемъ трудѣ я пользовался полными собраніями сочиненій авторовъ, если таковыя были изданы, что̀ значительно упрощало указанія на источники, изъ которыхъ заимствованы цитаты. Но не всегда это было возможно. Такъ напр., полнаго собранія сочиненій Карамзина не существуетъ и послѣднія разсѣяны въ четырехъ изданіяхъ: 1) Смирдинское изданіе въ 3 томахъ, 2) Исторія Государства Россійскаго въ 12 томахъ, 3) Переписка Карамзина, изданная въ 1862 г., и 4) Записка о Древней и Новой Россіи, напечатанная въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1870 г. Поэтому, въ ссылкахъ на Карамзина, я слѣдовалъ принятой мною для всѣхъ авторовъ системѣ лишь по отношенію къ Смирдинскому изданію (1848 г., 3 тома); извлеченія изъ Исторіи Государства Россійскаго помѣчены инициалами И. Г. Р. безъ указанія годовъ, такъ какъ произведеніе это, начатое въ 1804 году, завершено было лишь къ концу жизни автора; ссылки же на переписку, изданную въ 1862 году, и на Записку о Древней и Новой Россіи, легко различить по числу страницъ, заключающихся въ названныхъ изданіяхъ: первая заключаетъ въ себѣ 240 стра-

ницъ, а послѣдняя, напечатанная въ „Русскомъ Архивѣ“, начинается съ 2228 страницы названнаго журнала и кончается на 2350 страницѣ. Такъ какъ письма Тургенева не вошли пока въ полное собраніе его сочиненій, то въ извлеченіяхъ изъ его переписки прямо указано въ ссылкахъ, что матеріаломъ для нихъ послужили письма.

Въ заключеніе я долженъ сказать нѣсколько словъ по поводу И. А. Крылова. У насъ почти исключительно извѣстны однѣ его басни. Прозаическія же его сочиненія, главнымъ образомъ сатирическія, знакомы очень не многимъ, тѣмъ болѣе, что они относятся къ прошлому столѣтію и въ настоящее время составляютъ библіографическую рѣдкость. Между тѣмъ они представляютъ, по моему мнѣнію, немаловажный интересъ, значительно уясняющій какъ личность самого Крылова, такъ и наши нравы конца прошлаго столѣтія. Поэтому я считалъ долгомъ воспользоваться въ моемъ трудѣ и сатирическими произведеніями Крылова.

Левъ Бражниковъ.

Николай Михайловичъ Карамзинъ

(1766—1826).

Стихи.

I.

Свобода, рабство, равенство. — Власть. — Торжество нравовъ. — Война и миръ.

Свобода тамъ, гдѣ есть уставы,
Гдѣ добрый не боясь живетъ;
Тамъ рабство, гдѣ законовъ нѣтъ,
Гдѣ гибнетъ правый и неправый!
Свобода мудрая свята,
Но равенство—одна мечта.

[1801. I—205/6].

Народы! власти покоряйтесь;
Свободой ложной не прельщайтесь:
Она призракъ, страстей обманъ.

Питайте въ сердцѣ добродѣтель:
Тогда не будетъ вашъ Владѣтель
Святыхъ законовъ попирать.

.....

Въ правленьяхъ новое опасно,
А безначаліе ужасно.
Какъ трудно общество создать!

[1814. I—252/3].

Онъ *) зналъ, что царское правленье
Есть царство свѣта, а не тьмы.

Онъ зналъ обязанность царей,
Быть Провидѣніемъ людей!

[1801. I—208/9].

Примѣръ Двора для насъ законъ.
Развратъ, стыдомъ запечатлѣнный,
Въ чертогахъ у царя презрѣнный,
Бываетъ нравовъ торжествомъ.

[Id. 202].

Перуномъ будь, и стрѣлы грома
Бросай на нихъ и всѣхъ губи!
Да въ бурѣ гнѣва гласъ промчится:
Умри, умри, Россіи врагъ!

Губи! — Когда же врагъ погибнетъ,
Сраженный храбростью твоей,
Смой кровь съ себя слезами сердца:
Ты ближнихъ, братій поразилъ!

[1789. I—29].

Поэтъ. — Поэзія. — Наука.

Что есть поэтъ? искусный лжецъ:
Ему и слава и вѣнецъ!

[1796. I—66].

Поэзія — цвѣтникъ чувствительныхъ сердецъ.

[1798. I—198].

Наукой счастливъ человѣкъ.

[1801. I—203].

*) Императоръ Александръ I.

II.

1) Гимнъ глупцамъ. — Жизнь для себя. — Любовь и дружба. — Страсти.

Блаженъ — не тотъ, кто всѣхъ умнѣе:
Ахъ нѣтъ! онъ часто всѣхъ грустнѣе —
Но тотъ, кто, будучи глупцомъ,
Себя считаетъ мудрецомъ!

Съ умомъ всѣ люди — Гераклиты,
И не жалѣютъ слезъ своихъ;
Глупцы же сердцемъ Демокриты:
Родъ смертныхъ Арлекинъ для нихъ!

[1802. I—213 и 216].

Тотъ бѣденъ, кто въ семъ мірѣ
Живетъ лишь для себя.

[I—80].

Любовь и дружба — вотъ чѣмъ можно
Себя подъ солнцемъ утѣшать!

[1793. I—41].

Какъ бѣденъ человѣкъ! Намъ страсти — горе, мука;
Безъ страсти жизнь — не жизнь, а скука:
Люби, и слезы проливай,
Покоенъ будь, и ввѣкъ зѣвай!

[1795. I—119].

Три страсти правятъ свѣтомъ:
Одна имѣетъ честь предметомъ,
Другая — золото, а третьею живемъ
Для вашихъ *) милыхъ глазъ.

[1795. I—99].

*) Женскихъ.

2) Любовь.

Любви покорно все, любовь... одной судьбѣ.
[1796. I—121].

Гдѣ трудится голова,
Тамъ труда для сердца мало;
Тамъ любви и не бывало;
Тамъ любовь — одни слова.
[Id. 168].

III.

Страсть глупцовъ. — Избытокъ благъ. — Любовь и ненависть къ великимъ людямъ.

Вздыхать, роптать, есть страсть глупцовъ.
[1796. I—62].

Избытокъ благъ и наслажденья
Есть хладный гробъ воображенья.
[Id. 64].

Великихъ любятъ всѣ... въ романахъ, на словахъ,
Но въ свѣтѣ часто ихъ сердечно ненавидятъ.
[1798. I—193].

* * *

Проза.

I.

1) Вѣра. — Христіанство.

Общежитіе, пробуждая или ускоряя дѣйствіе разума соннаго, медленнаго въ людяхъ дикихъ, разсѣянныхъ, по большей части уединенныхъ, рождаетъ не только законы и правленіе, но и самую вѣру, столь

естественную для человѣка, столь необходимую для гражданскихъ обществъ, что мы ни въ мірѣ, ни въ исторіи не находимъ народа, совершенно лишеннаго понятій о Божествѣ. Люди и народы, чувствуя зависимость или слабость свою, укрѣпляются, такъ сказать, мыслію о Силѣ Вышней, которая можетъ спасти ихъ отъ ударовъ рока, неотвратимыхъ никакою мудростію человѣческою,— хранить добрыхъ и наказывать тайныя злодѣйства. Сверхъ того вѣра производитъ еще тѣснѣйшую связь между согражданами. Чтя одного Бога и служа ему единообразно, они сближаются сердцами и духомъ.

[И. Г. Р. I—70].

Всѣ народы любятъ вѣру отцовъ своихъ, и самыя грубыя, самыя жестокія обыкновенія, на ней основанныя и вѣками утвержденныя, кажутся имъ святынею.

[Id. 89].

Вѣра торжествуетъ въ бѣдствіяхъ и смягчаетъ оныя.

[Id. IV 13].

Исторія подтверждаетъ истину, предлагаемую всѣми политиками-философами, и только для однихъ легкихъ умовъ сомнительную, что вѣра есть особенная сила государственная.

[Id. V—330].

Христіанство, представляя въ единомъ невидимомъ Богѣ создателя и правителя вселенныя, нѣжнаго отца людей,— снисходительнаго къ ихъ слабостямъ, и награждающаго добрыхъ,—здѣсь миромъ и покоемъ совѣсти, а тамъ, за тьмою временной смерти, блаженствомъ вѣчной жизни — удовлетворяетъ всѣмъ главнымъ потребностямъ души человѣческой.

[Id. I—185].

2) Библія и исторія. — Судьба гражданскихъ обществъ. – Любовь къ отечеству. — Аристократы, демократы, либералисты и сервилисты. — Политика и государство.

Что Библія для христіанъ, то исторія для народовъ.
[205 *)].

Исторія въ нѣкоторомъ смыслѣ есть священная книга народовъ: главная, необходимая; зерцало ихъ бытія и дѣятельности; скрижаль откровеній и правилъ; завѣтъ предковъ къ потомству; дополненіе, изъясненіе настоящаго и примѣръ будущаго. Правители, законодатели дѣйствуютъ по указаніямъ исторіи и смотрятъ на ея листы, какъ мореплаватели на чертежи морей. Но и простой гражданинъ долженъ читать исторію. Она миритъ его съ несовершенствомъ видимаго порядка вещей, какъ съ обыкновеннымъ явленіемъ во всѣхъ вѣкахъ; она питаетъ нравственное чувство, и праведнымъ судомъ своимъ располагаетъ душу къ справедливости.
[И. Г. Р. I—VIII].

Мы не найдемъ въ исторіи никакихъ повтореній. Всякій вѣкъ имѣетъ свой особливый нравственный характеръ, — погружается въ нѣдра вѣчности, и никогда уже не является на землѣ въ другой разъ.
[1794. III—455/6].

Исторія не терпитъ оптимизма и не должна въ происшествіяхъ искать доказательства, что все дѣлается къ лучшему: ибо сіе мудрованіе несвойственно обыкновенному здравому смыслу человѣческому, для коего она пишется.
[И. Г. Р. V—327].

*) Неизданныя сочиненія и переписка Н. М. Карамзина. Ч. I Спб. 1862.

Исторія не рѣшитъ вопроса о нравственной свободѣ человѣка; но, предполагая оную въ сужденіи своемъ о дѣлахъ и характерахъ, изъясняетъ тѣ и другіе, во-первыхъ, природными свойствами людей, во-вторыхъ, обстоятельствами или впечатлѣніями предметовъ, дѣйствующихъ на душу.

[Id. IX—5].

Такова судьба гражданскихъ обществъ: хорошо сверху, въ срединѣ, а внизъ не заглядывай.

[1790. II—753].

Бѣдность есть съ одной стороны несчастіе гражданскихъ обществъ, а съ другой — причина добра: она заставляетъ людей быть полезными, и, такъ сказать, отдаетъ ихъ въ расположеніе Правительства; бѣдные готовы служить во всѣхъ званіяхъ, чтобы только избѣжать жестокой нищеты.

[1803. III—343].

Любовь къ отечеству можетъ быть физическая, нравственная и политическая. Человѣкъ любитъ мѣсто своего рожденія и воспитанія. Сія привязанность есть общая для всѣхъ людей и народовъ, есть дѣло природы, и должна быть названа физическою. Любовь къ согражданамъ, или къ людямъ, съ которыми мы росли, воспитывались и живемъ, есть вторая или нравственная любовь къ отечеству, столь же общая, какъ и первая. Но физическая и нравственная привязанность къ отечеству, дѣйствіе натуры и свойствъ человѣка, не составляетъ еще той великой добродѣтели, которою славились Греки и Римляне. Патріотизмъ есть любовь ко благу и славѣ отечества, и желаніе способствовать имъ во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ требуетъ разсужденія — и потому не всѣ люди имѣютъ его.

[1802. III—465].

Аристократы, демократы, либералисты, сервилисты! Кто изъ васъ можетъ похвалиться искренностью? Вы всѣ авгуры, и боитесь заглянуть въ глаза другъ другу, чтобы не умереть со смѣху. Аристократы, сервилисты хотятъ стараго порядка, ибо онъ для нихъ выгоденъ; демократы, либералисты хотятъ новаго безпорядка, ибо надѣются имъ воспользоваться для своихъ личныхъ выгодъ.

Аристократы! Вы доказываете, что вамъ надобно быть сильными и богатыми въ утѣшеніе слабыхъ и бѣдныхъ; но сдѣлайте же для нихъ слабость и бѣдность наслажденіемъ. Либералисты! Чего вы хотите? Счастія людей? Но есть ли счастіе тамъ, гдѣ есть смерть, болѣзни, пороки, страсти? Основаніе гражданскихъ обществъ неизмѣнно: можете низъ поставить на верху, но будетъ всегда низъ и верхъ, воля и неволя, богатство и бѣдность, удовольствіе и страданіе.

Для существа нравственнаго нѣтъ блага безъ свободы; но эту свободу даетъ не государь, не парламентъ, а каждый изъ насъ самому себѣ, съ помощію Божіею. Свободу мы должны завоевать въ своемъ сердцѣ миромъ совѣсти и довѣренностію къ Провидѣнію!

[1826—194/5].

Правило народовъ и государей не есть правило частныхъ людей; благо сихъ послѣднихъ требуетъ, чтобы первые болѣе всего думали о внѣшней безопасности: а безопасность—есть могущество.

[1801. I—282].

Самое добро въ философическомъ смыслѣ можетъ быть вредно въ политикѣ, какъ скоро оно не соразмѣрно съ гражданскимъ состояніемъ народа.

[Id. 370].

Первое добро государственное есть безопасность и покой; честь драгоцѣнна для народовъ благоденствующихъ: угнетенные желаютъ только облегченія, и славятъ Бога за оное.

[И. Г. Р. IV—190].

Государству, для его безопасности, нужно не только физическое, но и нравственное могущество; жертвуя честію, справедливостію, вредимъ послѣднему.

[1811. 2280].

Всякая новость въ государственномъ порядкѣ есть зло, къ коему надобно прибѣгать только въ необходимости: ибо одно время даетъ надлежащую твердость уставамъ; ибо мы болѣе уважаемъ то, что̀ давно уважаемъ и все дѣлаемъ лучше отъ привычки.

[Id. 2282].

Гораздо легче отмѣнить новое, нежели старое.

[Id. 2292].

Новости ведутъ къ новостямъ и благопріятствуютъ необузданностямъ произвола.

[Id. 2292].

Частыя перемѣны государственной власти рождаютъ недовѣріе къ ея твердости и любовь къ перемѣнамъ.

[И. Г. Р. XII—10].

Вы [Императоръ Александръ I] думаете возстановить Польшу въ ея цѣлости, дѣйствуя какъ христіанинъ, благотворя врагамъ. Государь! Вѣра христіанская есть тайный союзъ человѣческаго сердца съ Богомъ; есть внутреннее, неизглаголанное, небесное чувство; она выше земли и міра; выше всѣхъ законовъ — физическихъ, гражданскихъ, государственныхъ, — но ихъ не отмѣняетъ. Солнце течетъ и нынѣ

по тѣмъ же законамъ, по которымъ текло до явленія Христа-Спасителя; такъ и гражданскія общества не перемѣнили своихъ коренныхъ уставовъ; все осталось, какъ было на землѣ, и какъ иначе быть не можетъ. Мы сблизились съ небомъ въ чувствахъ, но дѣйствуемъ на землѣ, какъ прежде дѣйствовали. Въ дѣлахъ государственныхъ чувство и благодарность безмолвны; а независимость есть главный законъ гражданскихъ обществъ.

[1819. 3/4].

Личная безопасность есть первое для человѣка благо.

[1801. I—303].

Человѣческое правосудіе не можетъ быть истиннымъ правосудіемъ безъ милосердія.

[Id. 373].

Не столько злое намѣреніе, сколько грубое невѣжество бываетъ причиною неправосудія.

[1803. III—356/7].

Гдѣ много героевъ, тамъ много кровопролитія; гдѣ много судей, тамъ много ябеды и неправосудія; гдѣ много купцовъ, тамъ много роскоши; но гдѣ много пахарей, тамъ много хлѣба, а хлѣбъ есть корень изобилія.

[Id. 568].

Или людямъ надлежитъ быть ангелами, или всякое многосложное правленіе, основанное на дѣйствіи различныхъ воль, будетъ вѣчнымъ раздоромъ, а народъ несчастнымъ орудіемъ нѣкоторыхъ властолюбцевъ, жертвующихъ отечествомъ личной пользѣ своей.

[1801. I—312/3]

Республика безъ добродѣтели и геройской любви къ отечеству есть неодушевленный трупъ.

[Id. 297].

Лѣтописи республикъ обыкновенно представляютъ намъ сильное дѣйствіе страстей человѣческихъ, порывы великодушія и нерѣдко умилительное торжество добродѣтели среди мятежей и безпорядка, свойственныхъ народному правленію.

[И. Г. Р. VI—117].

Народы дикіе любятъ независимость, народы мудрые любятъ порядокъ: а нѣтъ порядка безъ власти самодержавной.

[1803. III—169].

Народъ слѣпъ и безразсуденъ: рѣшительностію правителей онъ долженъ быть самъ отъ себя спасаемъ.

[Id. I—411].

Народъ дерзко зоветъ къ себѣ опасности издали; но, видя ихъ вблизи, бываетъ робокъ и малодушенъ!

[Id. III—211].

Цѣлый народъ никогда самъ собою не дѣйствуетъ.

[И. Г. Р. III—9].

Самовольныя управы народа бываютъ для гражданскихъ обществъ вреднѣе личныхъ несправедливостей или заблужденій государя. Мудрость цѣлыхъ вѣковъ нужна для утвержденія власти: одинъ часъ народнаго изступленія разрушаетъ основу ея, которая есть уваженіе нравственное къ сану властителей.

[1811. 2243].

Сила народнаго повиновенія есть сила государственная.

[И. Г. Р. IX—144].

Народъ не любитъ расточительности въ государяхъ, ибо страшится налоговъ.

[Id. XI—185].

Всѣ человѣческіе законы имѣютъ свои опасности, неудобства, иногда вредныя слѣдствія, но бываютъ душою порядка, священны для благоразумныхъ, нравственныхъ людей и служатъ оплотомъ, твердынею державъ.

[Id. VIII—181].

Законодатель долженъ смотрѣть на вещи съ разныхъ сторонъ, а не съ одной: иначе, пресѣкая зло, можетъ сдѣлать еще болѣе зла.

[1811. 2300].

Когда сдѣлалось неминуемое зло, то надобно размыслить и взять мѣры въ тишинѣ, не ахать, не бить въ набатъ, отъ чего зло увеличивается.

[Id. 2312].

Храбрость, всегда знаменитое свойство народное, можетъ ли въ людяхъ полудикихъ основываться на одномъ славолюбіи, сродномъ только человѣку образованному? Скажемъ смѣло, что она была въ мірѣ злодѣйствомъ прежде, нежели обратилась въ добродѣтель, которая утверждаетъ благоденствіе государствъ: хищность родила ее, корыстолюбіе питало.

[И. Г. Р. I—50].

Государство не можетъ достигнуть до совершеннаго величія безъ флотовъ и знаменитыхъ успѣховъ мореплаванія.

[1803. I—395].

Люди угнетенные обыкновенно считаютъ своихъ тирановъ способными ко всякому злодѣйству; самая грубая клевета кажется имъ доказанною истиною.

[Id. IV—179].

Облегченіе цѣпей не миритъ насъ съ рабствомъ, но усиливаетъ желаніе прервать оныя.

[Id. V—55].

Кто родился управлять народомъ, тотъ предупреждаетъ опасность мудростію или отражаетъ ее великодушіемъ, или гибнетъ, держа твердою рукою жезлъ правленія.

[1803. I—408].

Самовластіе государя утверждается только могуществомъ государства, и въ малыхъ областяхъ рѣдко находимъ монарховъ неограниченныхъ.

[И. Г. Р. III—177/8].

Іоаннъ [III] имѣлъ славолюбіе не воина, но государя; а слава послѣдняго состоитъ въ цѣлости государства, не въ личномъ мужествѣ: цѣлость, сохраненная осмотрительною уклончивостью, славнѣе гордой отважности, которая подвергаетъ народъ бѣдствію.

[Id. VI—130].

Самодержавіе не есть отсутствіе законовъ, ибо гдѣ обязанность, тамъ и законъ: никто же и никогда не сомнѣвался въ обязанности монарховъ блюсти счастіе народное.

[Id. VII—171].

Самодержецъ съ высоты престола видитъ лица и вещи въ обманчивомъ свѣтѣ отдаленія.

[Id. VIII—88].

Царь долженъ не властвовать только, но властвовать благодѣтельно: его мудрость, какъ человѣческая, имѣетъ нужду въ пособіи другихъ умовъ, и тѣмъ превосходнѣе въ глазахъ народа, чѣмъ мудрѣе совѣтники,

имъ выбираемые. Монархъ, опасаясь умныхъ, впадаетъ въ руки хитрыхъ, которые въ угодность ему притворятся даже глупцами; не плѣняя въ немъ разума, плѣнятъ страсть и поведутъ его къ своей цѣли.

[Id. 190].

Истинная политика велитъ быть другомъ, ежели нѣтъ силъ быть врагомъ; прямодушіе можетъ иногда усовѣстить и властолюбца, отнимая у него предлогъ законной мести: ибо не легко наглымъ образомъ топтать уставы нравственности, и самая коварная или дерзкая политика должна закрываться ея личиною.

[Id. 234].

Государь унижается местію долговременною: онъ наказываетъ преступника только однажды.

[Id. I—138].

Любить добро для его собственныхъ прелестей есть дѣйствіе высшей нравственности, явленіе рѣдкое въ мірѣ: иначе не посвящали бы алтарей добродѣтели. Обыкновенно же люди соблюдаютъ правила честности, не столько въ надеждѣ пріобрѣсти тѣмъ особенныя нѣкоторыя выгоды, сколько опасаясь вреда, сопряженнаго съ явнымъ нарушеніемъ сихъ правилъ.

[1811. 2338].

Строгость безъ сомнѣнія непріятна для сердца чувствительнаго, но гдѣ она необходима для порядка, тамъ кротость неумѣстна. Какъ живописцы изображаютъ монарха? Воиномъ и съ мечемъ въ рукѣ, не пастушкомъ и не съ цвѣтами. Спасительный страхъ долженъ имѣть вѣтви: гдѣ десять за одного боятся, тамъ десять смотрятъ за однимъ. Начинайте всегда съ головы. Равные не могутъ отвѣтствовать другъ

за друга. Казнь виновнаго вмѣстѣ съ правымъ отнимаетъ стыдъ у казни. Малѣйшее наказаніе, но безполезное, ближе къ тиранству, нежели самое жестокое, коего основаніемъ есть справедливость, а цѣлію общее добро.

[Id. 2339/40].

Миролюбіе, которое спасаетъ виновнаго отъ казни, бываетъ вреднѣе самой жестокости.

[И. Г. Р. II—155].

Казни тайныя всегда доказываютъ малодушную злобу, всегда беззаконны.

[Id. VIII—13].

За деньги не дѣлается ничего великаго; изобиліе располагаетъ человѣка къ праздной нѣгѣ, противной всему великому. Честь, честь должна быть главною наградою. [О государственной службѣ].

[1811. 2342].

Тиранъ можетъ иногда безопасно господствовать послѣ тирана, но послѣ государя мудраго — никогда.

[Id. 2273].

Самодержецъ гнѣвный уподобляется раздраженному Божеству, предъ коимъ надобно только смириться; но многочисленные тираны не имѣютъ сей выгоды въ глазахъ народа: онъ видитъ въ нихъ людей ему подобныхъ, и тѣмъ болѣе ненавидитъ злоупотребленіе власти.

[И. Г. Р. VIII—8].

Худыхъ царей наказываетъ только Богъ, совѣсть, исторія: ихъ ненавидятъ въ жизни, клянутъ и по смерти. Сего довольно для блага гражданскихъ обществъ, безъ яда и желѣза; или мы должны отвергнуть необходимый уставъ монархіи, что особа вѣнценосцевъ неприкосновенна.

[Id. 38].

Нѣтъ исправленія для мучителя, всегда болѣе и болѣе подозрительнаго, болѣе и болѣе свирѣпаго; кровопійство не утоляетъ, но усиливаетъ жажду крови, оно дѣлается лютѣйшею изъ страстей, неизъяснимою для ума, ибо есть безуміе, казнь народовъ и самаго тирана.

[Объ Іоаннѣ Грозномъ. И. Г. Р. IX—19].

Милость тирана столь же опасна, какъ и ненависть его;.... онъ не можетъ долго вѣрить людямъ, коихъ гнусность ему извѣстна;.... малѣйшее подозрѣніе, одно слово, одна мысль, достаточны для ихъ паденія; губитель, карая своихъ услужниковъ, наслаждается чувствомъ правосудія, — удовольствіе рѣдкое для кровожаднаго сердца, закоснѣлаго во злѣ, но все еще угрызаемаго совѣстію въ злодѣяніяхъ!

[Id. 134].

Малодушіе свойственно тирану, ибо бѣдствія — для него казнь, а не искушеніе, и довѣренность къ Провидѣнію столь же чужда его сердцу боязливому, сколь и довѣренность къ народному усердію!

[Id. 227].

Правосудіе Всевышняго Мстителя и въ семъ мірѣ караетъ иногда исполиновъ безчеловѣчія, болѣе для примѣра, нежели для ихъ исправленія, ибо есть, кажется, предѣлъ во злѣ, за коимъ уже нѣтъ истиннаго раскаянія, нѣтъ свободнаго рѣшительнаго возврата къ добру; есть только мука, начало адской, безъ надежды и перемѣны сердца.

[Id. 304].

Жизнь тирана есть бѣдствіе для человѣчества, но его исторія всегда полезна для государей и народовъ: вселять омерзѣніе ко злу есть вселять любовь къ добродѣтели.

[Id. 377].

Царствованіе жестокое часто готовитъ царствованіе слабое: новый вѣнценосецъ, боясь уподобиться своему ненавистному предшественнику и желая снискать любовь общую, легко впадаетъ въ другую крайность, въ послабленіе, вредное государству.

[Id. X—4].

Россіяне, казнивъ и бродягу [Лжедимитрія], не могли хвалиться своимъ дѣломъ, соединеннымъ съ нарушеніемъ присяги, ибо святость ея нужна для цѣлости гражданскихъ обществъ и вѣроломство есть всегда преступленіе.

[Id. XI—253].

Политика осуждаетъ брачные союзы государей съ подданными, особенно въ правленіяхъ самодержавныхъ: свойственники требуютъ отличія безъ достоинствъ, милостей безъ заслугъ; и сіи, такъ сказать, родовые вельможи, пользуясь исключительными правами, рѣдко не употребляютъ оныя во зло, думая, что государь обязанъ въ нихъ уважать самого себя, то есть честь своего дома.

[Id. VI—295].

Давно замѣчено историками, что рѣдко брачные союзы между государями способствуютъ благу государствъ: каждый вѣнценосецъ желаетъ употребить свойство себѣ въ пользу; вмѣсто уступчивости, рождаются новыя требованія, и тѣмъ чувствительнѣе бываютъ отказы.

[Id. 223].

3) Науки и просвѣщеніе. — Словесность. — Что нужно автору. — Поэзія. — Искусство. — Свобода писать. — Педанты. — Критика.

Я всегда готовъ плакать отъ сердечнаго удовольствія, видя, какъ науки соединяютъ людей, живу-

щихъ на сѣверѣ и югѣ. Что ни говорятъ мизософы, а наука святое дѣло!

[1790. II—524/5].

Просвѣщеніе есть палладіумъ благоправія — и когда вы, вы, которымъ вышняя власть поручила судьбу человѣковъ, желаете распространить на землѣ область добродѣтели, то любите науки, и не думайте, чтобы онѣ могли быть вредны; чтобы какое нибудь со стояніе въ гражданскомъ обществѣ долженствовало пресмыкаться въ грубомъ невѣжествѣ.

[1793. III—399/400].

Законодатель и другъ человѣчества! ты хочешь общественнаго блага: да будетъ же первымъ закономъ твоимъ — просвѣщеніе!. Когда свѣтъ ученія, свѣтъ истины озаритъ всю землю и проникнетъ въ самыя темнѣйшія пещеры невѣжества, тогда, можетъ быть, исчезнутъ всѣ нравственныя гарпіи, доселѣ оскверняввшія человѣчество.

[Id.—402].

Просвѣщеніе всегда благотворно; просвѣщеніе ведетъ къ добродѣтели, доказывая намъ тѣсный союзъ частнаго блага съ общимъ, и открывая неизсякаемый источникъ блаженства въ собственной груди нашей; просвѣщеніе есть лекарство для испорченнаго сердца и разума; одно просвѣщеніе живодѣтельною теплотою своею можетъ изсушить сію тину нравственности, которая ядовитыми парами своими мертвитъ все изящное, все доброе въ мірѣ; въ одномъ просвѣщеніи найдемъ мы спасительный антидотъ для всѣхъ бѣдствій человѣчества!

[Id. 453/4].

Просвѣщеніе сближаетъ свойства народовъ и людей, равняя ихъ какъ дерева въ саду регулярномъ.

[1803. III—260].

Одно просвѣщеніе долговременное смягчаетъ сердца людей.

[И. Г. Р. I—223].

Словесность, главный органъ генія и чувствительности.

[1801. I—362].

Говорятъ, что автору нужны таланты и знанія: острый, проницательный разумъ, живое воображеніе и проч. Справедливо: но сего недовольно. Ему надобно имѣть и доброе нѣжное сердце, если онъ хочетъ быть другомъ и любимцемъ души нашей; если хочетъ, чтобы дарованія его сіяли свѣтомъ не мерцающимъ; если хочетъ писать для вѣчности и собирать благословенія народовъ.

[1793. III—370].

Однимъ словомъ: я увѣренъ, что дурной человѣкъ не можетъ быть хорошимъ авторомъ.

[Id. 372].

Я думаю, что первое піитическое твореніе было не что иное, какъ изліяніе томно горестнаго сердца; то есть, что первая поэзія была элегическая. Человѣкъ веселящійся бываетъ столько занятъ предметомъ своего веселія, своей радости, что не можетъ заняться описаніемъ своихъ чувствъ; онъ наслаждается, и ни о чемъ болѣе не думаетъ. Всѣ веселыя стихотворенія произошли въ позднѣйшія времена, когда человѣкъ сталъ описывать не только свои, но и другихъ людей чувства, не только настоя-

щее, но и прошедшее; не только дѣйствительное, но и возможное или вѣроятное.

[Id. 380].

Что суть искусства? Подражаніе натурѣ.

[Id.].

Но чтожъ заставило насъ подражать натурѣ, то есть, что произвело искусства? Природное человѣку стремленіе къ улучшенію бытія своего, къ умноженію жизненныхъ пріятностей.

[Id. 381].

Искусство самая безстыдная обезьяна природы, когда оно хочетъ спорить съ нею въ величіи!

[1790. II—702].

Всѣ прелести изящныхъ искусствъ суть не что иное, какъ подражаніе натурѣ: но копія бываетъ иногда лучше оригинала—по крайней мѣрѣ дѣлаетъ его для насъ всегда занимательнѣе: мы имѣемъ удовольствіе сравнивать.

[1795. I—144].

Разумъ можетъ уклоняться отъ истины, подобно какъ сердце отъ добродѣтели, и неограниченная свобода писать столь же безразсудна, какъ неограниченная свобода дѣйствовать.

[1801. I—368].

Для успѣховъ всякой науки, всякаго искусства надобно желать педантовъ; они могутъ быть иногда смѣшны, но всегда полезны.

[1803. III—317].

Иногда чувствительность бываетъ безъ дарованія, но дарованіе не бываетъ безъ чувствительности: должно щадить ее.

[По поводу критики. 1818. III—645].

II.

1) Назначеніе человѣка. — Воспитаніе. — Натура. — Добродѣтель. — Человѣческая натура. — Наша жизнь. — Истинный философъ. — Умъ, разсудокъ и геній. — Душа человѣка. — Холодные люди. — Равнодушные и чувствительные люди. — Путешествіе. — Благополучіе. — Наслажденіе въ несчастіи. — Дружба. — Земное счастіе. — Горесть. — Бѣдствіе. — Злодѣи и зло. — Лицемѣріе. Слабость и порокъ. — Страсти. — Честолюбіе.

Человѣкъ рожденъ къ общежитію и дружбѣ.

[1789. II—59].

Первое воспитаніе опредѣляетъ судьбу однѣхъ обыкновенныхъ душъ; великія, разрывая, такъ сказать, его узы, свободно предаются внутреннему стремленію, подобно Сократу внимаютъ тайному генію, ищутъ своего мѣста на земномъ шарѣ и образуютъ себя для онаго.

[1801. I—278/9].

Первое воспитаніе едва ли не всегда рѣшитъ и судьбу, и главныя свойства человѣка.

[1803. III—246].

Безъ хорошихъ отцовъ нѣтъ хорошаго воспитанія, несмотря на всѣ школы, институты и пансіоны.

[1802. III—595].

Какъ первые пріемы философіи склоняютъ людей къ вольнодумству, а дальнѣйшее употребленіе сего драгоцѣннаго элексира снова обращаетъ ихъ къ вѣрѣ предковъ: такъ первые шаги общежитія удаляютъ человѣка отъ натуры, а дальнѣйшіе снова приводятъ его къ ней.

[1803. III—334].

Вѣрю, и всегда буду вѣрить, что добродѣтель свойственна человѣку, и что онъ сотворенъ для добродѣтели.

[1794. III—452].

Умереть за добродѣтель есть верхъ человѣческой добродѣтели.

[И. Г. Р. IX—126]

Въ человѣческой натурѣ есть двѣ противныя склонности: одна влечетъ сердце наше всегда къ новымъ предметамъ, а другая привлекаетъ насъ къ старымъ; одну называютъ непостоянствомъ и любовію къ новостямъ, а другую привычкою. Мы скучаемъ однообразіемъ и желаемъ перемѣнъ; однакожь, разставаясь съ тѣмъ, къ чему душа наша привыкла, чувствуемъ горесть и сожалѣніе. Счастливъ тотъ, въ комъ сіи двѣ склонности равносильны! Но въ комъ одна другую перевѣситъ, тотъ будетъ или вѣчнымъ бродягою, вѣтреннымъ, безпокойнымъ, мелкимъ въ духѣ; или холоднымъ, лѣнивымъ, нечувствительнымъ.

[1789. II—335].

Жизнь наша дѣлится на двѣ эпохи: первую проводимъ въ будущемъ, а вторую въ прошедшемъ. До нѣкоторыхъ лѣтъ, въ гордости надеждъ своихъ, человѣкъ смотритъ все впередъ. Потери мало огорчаютъ его; будущее кажется ему несмѣтною казною, приготовленною для его удовольствій. Но когда горячка юности пройдетъ; когда сто разъ оскорбленное самолюбіе по неволѣ научится смиренію; когда сто разъ обманутые надеждою, наконецъ перестаемъ ей вѣрить: тогда, съ досадою оставляя будущее, обращаемъ глаза на прошедшее, и хотимъ нѣкоторыми пріятными воспоминаніями замѣнить потерянное счастіе лестныхъ ожиданій, говоря себѣ въ утѣшеніе: и мы, и мы были въ Аркадіи! Тогда, тогда единственно научаемся дорожить и настоящимъ; тогда же бываемъ до крайности чувствительны и къ самомалѣйшей тратѣ.

[1790. II—719].

Я всегда думалъ, что дальнѣйшіе успѣхи просвѣщенія должны болѣе привязать людей къ домашней жизни. Не пустота ли душевная вовлекаетъ насъ въ разсѣяніе? Первое дѣло истинной философіи есть обратить человѣка къ неизмѣннымъ удовольствіямъ натуры. Когда голова и сердце заняты дома пріятнымъ образомъ; когда въ рукѣ книга, подлѣ милая жена, вокругъ прекрасныя дѣти, захочется ли ѣхать на балъ, или на большой ужинъ? — Мысль моя не та, чтобы супруги должны были всю жизнь провести съ глазу на глазъ. Гименей не есть ни тюремщикъ, ни отшельникъ, и мы рождены для общества; но согласитесь, что въ свѣтскихъ собраніяхъ всего менѣе наслаждаются обществомъ. Тамъ нѣтъ мѣста ни разсужденіямъ, ни разсказамъ, ни изліяніямъ чувства; всякій долженъ сказать слово мимоходомъ и увернуться въ сторону, чтобъ пустить другаго на сцену; всѣ безпокойны, чтобы не проговориться и не обличить своего невѣжества въ хорошемъ тонѣ. Однимъ словомъ, это вѣчная дурная комедія, называемая принужденіемъ, безъ связи, а всего болѣе безъ интереса. Но пріятностію общества наслаждаемся мы въ короткомъ обхожденіи съ друзьями и сердечными пріятелями, которыхъ первый взоръ открываетъ душу; которые приходятъ къ намъ мѣняться мыслями и наблюденіями, шутить въ веселомъ расположеніи, грустить въ печальномъ. Выборъ такихъ людей зависитъ отъ ума супруговъ; и не всего ли ближе искать ихъ между тѣми, которыхъ сама натура предлагаетъ намъ въ друзья, т. е. между родственниками? О милые союзы родства! вы бываете твердѣйшею опорою добрыхъ нравовъ.

[Id. 744/5].

Жить — есть не писать исторію, не писать трагедію или комедію, а какъ можно лучше мыслить, чувствовать и дѣйствовать, любить добро, возвышаться душою къ его источнику; все другое есть шелуха, не исключая и моихъ томовъ.

[III—703].

Способъ быть счастливымъ въ жизни есть: быть полезнымъ свѣту и въ особенности отечеству.

[III—704].

Тотъ есть для меня истинный философъ, кто со всѣми можетъ ужиться въ мирѣ; кто любитъ и несогласныхъ съ его образомъ мыслей. Должно показывать заблужденія разума человѣческаго, съ благороднымъ жаромъ, но безъ злобы.

[1789. II—68].

Истинный философъ или (что все одно) истинно благоразумный человѣкъ смотритъ на міръ съ того мѣста, на которое онъ поставленъ судьбою, ищетъ удовольствій на своемъ горизонтѣ, вокругъ себя; пользуется тѣмъ, что у него подъ рукою; знаетъ, что всякое состояніе въ гражданскомъ обществѣ имѣетъ свои пріятности и непріятности, и для того покойно остается въ своемъ, не завидуя никому; ... знаетъ, что будуще невѣрно, и для того располагаетъ только настоящимъ.

[1797. III—498].

L'esprit ne voit que les ressemblances; le jugement et le genie voient les différences. C'est que les objets se ressemblent par les côtés les plus grossiers, au lieu qu'ils diffèrent par les plus délicats. [Умъ видитъ только сходства; разсудокъ и геній видятъ различія. Это происходитъ отъ того, что предметы походятъ другъ на

друга самыми грубыми сторонами и различествуютъ самыми утонченными].

[1797. I—97].

Душа человѣка есть зеркало окружающихъ его предметовъ.

[1790. II—384].

Душа, слишкомъ чувствительная къ удовольствіямъ страстей, чувствуетъ сильно и непріятности ихъ: рай и адъ для нея въ сосѣдствѣ; за восторгомъ слѣдуетъ или отчаяніе или меланхолія, которая столь часто отворяетъ дверь въ домъ сумасшедшихъ.

[Id. 695].

Холодные люди вообще бываютъ великіе эгоисты. Въ нихъ дѣйствуетъ болѣе умъ, нежели сердце; умъ же всегда обращается къ собственной пользѣ, какъ магнитъ къ сѣверу. Дѣлать добро, не зная для чего, есть дѣло нашего бѣднаго, безразсуднаго сердца.

[Id. 777].

Холодные люди иногда болѣе чувствительныхъ нравятся женщинамъ. Послѣдніе съ излишнею скоростью и безъ всякой экономіи обнаруживаютъ себя; а первые долѣе скрываются за щитомъ равнодушія и возбуждаютъ любопытство, которое сильно дѣйствуетъ на женское воображеніе.

[1803. III—630].

Равнодушные люди бываютъ во всемъ благоразумнѣе, живутъ смирнѣе въ свѣтѣ, менѣе дѣлаютъ бѣдъ и рѣже разстроиваютъ гармонію общества; но одни чувствительные приносятъ великія жертвы добродѣтели, удивляютъ свѣтъ великими дѣлами.

[Id. 620].

Эрастъ, обнимая друга, сказалъ съ великодушнымъ чувствомъ:

— Я всего лишился; но въ общихъ бѣдствіяхъ хорошо забывать себя...

— „Очень дурно“, отвѣчалъ Леонидъ съ хладнокровіемъ: „человѣкъ созданъ думать сперва о себѣ, а тамъ о другихъ; иначе нельзя стоять свѣту“.

Они [Эрастъ и Леонидъ] въ одно время оставили пансіонъ и вмѣстѣ отправились въ армію. Эрастъ твердилъ: надобно искать славы! Леонидъ говорилъ: долгъ велитъ служить дворянину...

[Id. 622/3].

Всего вѣрнѣе, отвѣчалъ ему [Эрасту] Леонидъ,— итти въ свѣтѣ большою дорогою и запасаться такими деньгами, которыя вездѣ принимаются. Служба есть у насъ вѣрнѣйшій путь къ уваженію, а чины ходячая монета; положимъ, что слава драгоцѣннѣе, но многіе ли знаютъ ея клеймо и высокую пробу? Это не монета, а медаль: одинъ знатокъ возьметъ ее вмѣсто денегъ. Къ тому же дарованія ума всегда оспориваются, и причина ясна: души малыя, но самолюбивыя, какихъ довольно въ свѣтѣ, хотятъ возвеличиться униженіемъ великихъ.

[Id. 633].

Эрастъ искалъ разсѣянія въ путешествіи, плѣнительномъ въ тѣ годы, когда свѣтъ еще новъ для сердца; когда мы, въ очарованіяхъ надежды, только готовимся жить, дѣйствовать умомъ и наслаждаться чувствительностію; когда, однимъ словомъ, хотимъ запасаться пріятными воспоминаніями для будущаго и средствами нравиться людямъ. Но душа, изнуренная страстями,—душа, которая вкусила всю сладость и горечь жизни,—можетъ ли еще быть любопытною?

[Id.—636/7].

Сердца нѣжныя всегда готовы прощать великодушно и радуются мыслію, что они пріобрѣтаютъ тѣмъ новыя права на любовь виновнаго; но раскаяніе души слабой ненадолго укрѣпляетъ ее въ добродѣтельныхъ чувствахъ: оно, какъ трепетаніе музыкальной струны, постепенно утихаетъ, и душа входитъ опять въ то расположеніе, которое довело ее до порыва.

[Id. 631].

Натура и сердце—вотъ гдѣ надобно искать истинныхъ пріятностей, истиннаго возможнаго благополучія, которое должно быть общимъ добромъ человѣчества, не собственностію нѣкоторыхъ избранныхъ людей.

[1797. III—493/4].

Въ самомъ несчастіи можно найти нѣкоторое услажденіе. Силою души своей превозмогать болѣзнь тѣлесную; покойною ясностію сердца освѣщать мракъ темницы, есть нѣчто святое, божественное, кротко-восхитительное.

[Id. 495/6].

Для добрыхъ сердецъ нѣтъ счастія, когда они не могутъ дѣлить его съ другими.

[1794. III—441].

Что всего болѣе плѣняетъ меня въ дружбѣ? Довѣренность, которую два сердца имѣютъ одно къ другому.

[Id. 450].

Возможное земное счастіе состоитъ въ дѣйствіи врожденныхъ склонностей, покорныхъ разсудку—въ нѣжномъ вкусѣ, обращенномъ на природу—въ хорошемъ употребленіи физическихъ и душевныхъ силъ.

[1797. III—503].

Le bonheur parfait dans ce monde serait une parfaite résignation [Полное счастіе въ этомъ мірѣ заключается въ полной покорности Провидѣнію].

[1825—196].

Не только безконечная, но и продолжительная горесть не естественна, вопреки всѣмъ піитическимъ элегіямъ.

[Id. 497].

Говорятъ, что бѣдствіе есть учитель: оно имѣетъ сію выгоду только для умовъ основательныхъ; другіе, испытавъ несчастіе, хотятъ руководствоваться въ дѣлахъ новыми правилами и впадаютъ въ новыя заблужденія.

[И. Г. Р. III—115].

Совершенный злодѣй, или человѣкъ, который любитъ зло для того, что оно зло, и ненавидитъ добро для того, что оно добро, есть едва ли не дурная піитическая выдумка.

[1797. III—502].

Мы дѣлаемъ зло только ошибкою, надѣясь найти въ немъ то, что съ нимъ несовмѣстно.

[Id.].

Должны ли вѣроломные надѣяться на вѣрность обманутыхъ ими? Но злодѣи, освобождая себя отъ узъ нравственности, мыслятъ, что не всѣмъ дана сила попирать ногами святыню, и сами бываютъ жертвою легковѣрія.

[И. Г. Р. V—279].

Лицемѣріе, хитрость слабодушныхъ, заслуживаетъ единственно хвалу лицемѣрную и бываетъ предъ неумолимымъ судилищемъ нравственности новымъ обвиненіемъ.

[Id. VIII—37].

Слабость тайная есть только слабость; явная — порокъ, ибо соблазняетъ другихъ.

[1811. 2265].

Страсти ... необходимы для дѣятельности въ физическомъ и нравственномъ мірѣ.

[1797. III—484].

Уединеніе ..... питаетъ страсти.

[1803. III—517].

Страсти, страсти! какъ вы ни жестоки, какъ ни пагубны для нашего спокойствія, но безъ васъ нѣтъ въ свѣтѣ ничего прелестнаго; безъ васъ жизнь наша есть прѣсная вода, а человѣкъ кукла.

[Id. 244].

Натура употребила съ своей стороны всѣ средства удержать наши страсти въ естественномъ или (что все одно) въ благомъ ихъ теченіи, соединивъ съ истиннымъ путемъ живое удовольствіе, а съ заблужденіемъ горе и страданіе.

[1797. III—490].

Оно [честолюбіе] есть самая благороднѣйшая, нравственная страсть, собственно человѣку данная.

[Id. 489].

Для успѣховъ честолюбія нужны гибкость, постоянство, холодность, терпѣніе.

[1803. III—624].

2) Любовь и женщины.

Любовь, любовь, причина и цѣль жизни нашей!

[III—672].

Истинная любовь можетъ наслаждаться безъ чувственныхъ наслажденій, даже и тогда, когда предметъ ея за отдаленными морями скрывается. Мысль:

меня любятъ! должна быть счастіемъ нѣжнаго любовника — и какъ пріятно, какъ сладко думать ему, что вѣтерокъ, который въ сію минуту прохлаждаетъ жаръ лица его, вѣялъ можетъ быть и на прелестяхъ любезной; что птичка, въ глазахъ его подъ небомъ парящая, за нѣсколько дней передъ тѣмъ сидѣла можетъ быть на томъ деревѣ, подъ которымъ красавица размышляла о своемъ другѣ!

[1790. II—426/7].

Любовь можетъ сдѣлать преступникомъ самаго добродѣтельнѣйшаго человѣка! И кто, любивъ пламенно въ жизни своей, не поступилъ ни въ чемъ противъ строгой нравственности: тотъ — счастливъ, счастливъ тѣмъ, что страсть его не была въ противоположности съ добродѣтелью — иначе послѣдняя признала бы слабость свою, и слезы тщетнаго раскаянія полились бы рѣкою.

[1792. III—108].

Мы не можемъ сильно любить безъ надежды и взаимности.

[1797. III—487].

Съ осторожностью, съ благоразуміемъ, любовь дѣлаетъ насъ только счастливыми.

[Id.—488].

Надобно отдать справедливость вамъ, любезныя женщины: когда вы на что нибудь рѣшитесь, не въ минуту легкомыслія, не словомъ, но душею, и съ глубокимъ чувствомъ истины: твердость ваша бываетъ тогда удивительна — и славнѣйшіе герои потомства, которыхъ до небесъ возноситъ исторія, должны раздѣлить съ вами лавры свои.

[1794. III—61]

Нескромное желаніе нравиться — плодъ безразсуднаго воспитанія и худыхъ примѣровъ.

[Id. 67].

Мужчина десять разъ перемѣняетъ мысли свои; женщина остается при первомъ чувствѣ, — и рѣдко обманывается.

[1795. I—105].

Женщины во всѣ времена и во всѣхъ земляхъ жили болѣе для семейственнаго счастія, нежели для славы.

[1803. I—381].

Женщины любезны и слабы какъ дѣти: надобно многое спускать имъ.

[Id. III—631].

III.

Судьба. — Богъ и государство. — Защита и повиновеніе. — Любимцы государей. — Талантъ великихъ душъ. — Величіе въ ошибкахъ. — Роскошь. — Любовь къ славѣ. — Пристойность. — Слабые характеры. — Дерзость. — Таланты. — Злодѣи. — Злодѣйство. — Зло общее. — Честь народная и великодушіе. — Умѣренность. — Суровость. — Жестокость. — Великодушіе. — Разумъ человѣческій. — Измѣнники. — Памятники стыда и славы. — Трудность начала въ государственныхъ твореніяхъ. — Бореніе слабаго съ сильнымъ. — Бѣгство отъ тирана и месть отечеству. — Злопамятность исторіи. — Лицемѣрная скорбь и лицемѣрное веселіе. — Уединеніе и геній. — Любовь къ славѣ. — Меланхолія. — Музыка. — Пристрастіе и зависть. — Раскаяніе. — Надежда. — Оптимизмъ. — Жизнь передъ началомъ увяданія. — Неблагодарность смертныхъ. — Признаніе въ своей несправедливости. — Время. — Истинные ученые. — Общественное мнѣніе. — Совѣсть и стыдъ. — Лесть при Дворѣ. — Счастіе. — Важничанье и дѣйствительное величіе.

Судьба испытываетъ людей и государства многими неудачами на пути къ великой цѣли, а мы заслуживаемъ счастіе мужественною твердостію въ противностяхъ онаго.

[И. Г. Р. V—4].

Богъ не оставляетъ государства, гдѣ многіе или немногіе граждане еще любятъ отечество и добродѣтель.

[Id. XII—118].

Гдѣ нѣтъ защиты отъ правительства, тамъ нѣтъ къ нему и повиновенія.

[Id.—231].

Рѣдко случается, чтобы любимцы государей пользовались любовію народною; ихъ судятъ жестоко, ибо судіею бываетъ зависть, которую трудно обезоружить и добродѣтелью.

[1803. I—400].

Талантъ великихъ душъ есть узнавать великое въ другихъ людяхъ.

[1801. I—283/4].

Полководцы, министры, законодатели не родятся въ такое или такое царствованіе, но единственно избираются; чтобы избрать,—надобно угадать, угадываютъ же людей только великіе люди.

[1811—2250].

Великій мужъ самыми ошибками доказываетъ свое величіе.

[1811. 2258].

Роскошь бываетъ гробомъ вольности и добрыхъ нравовъ.

[1789. II—241].

Надобно по крайней мѣрѣ сохранять пристойность, когда уже справедливость нарушена.

[1802. I—548].

Ничтожныя побужденія бываютъ для характеровъ слабыхъ сильнѣе государственнаго блага.

[1803. I—404/5].

Дерзость бываетъ спасительна только въ крайности.

[Id.—556].

Никакіе таланты не возвысятъ человѣка въ государствѣ безъ угожденія людямъ.

[Id. III—624].

Злодѣи не знаютъ благодарности.

[И. Г. Р. II—12].

Злодѣйство есть несчастіе.

[Id. 14].

Зло общее бываетъ иногда частною выгодою.

[Id. 270].

Честь народная и великодушіе не слѣдуютъ внушеніямъ боязливаго разсудка.

[Id. IV—8].

Умѣренность, вынужденная обстоятельствами, не есть добродѣтель.

[Id. V—7].

Суровость не есть мужество.

[Id. 25].

Одна жестокость рождаетъ часто необходимость другой.

[Id. 154].

Великодушіе дѣйствуетъ только на великодушныхъ.

[Id. 66].

Разумъ человѣческій въ самомъ величайшемъ стѣсненіи находитъ какой нибудь способъ дѣйствовать, подобно какъ рѣка, запертая скалою, ищетъ тока хотя подъ землею, или сквозь камни сочится мелкими ручейками.

[Id. 352/3].

Къ счастію всѣхъ правленій, измѣнники рѣдко торжествуютъ.

[Id. VII—16,7].

Видѣть во время славы памятники минувшаго стыда легче, нежели во время уничиженія видѣть памятники минувшей славы.

[Id. VIII—197].

Великія усилія рождаютъ великое, а въ твореніяхъ государственныхъ начало едва ли не труднѣе совершенія.

[Id. 200].

Всякое бореніе слабаго съ сильнымъ, возбуждая въ сердцахъ естественную жалость, склоняетъ насъ искать справедливости на сторонѣ перваго.

[Id. 234].

Бѣгство не всегда измѣна; гражданскіе законы не могутъ быть сильнѣе естественнаго: спасаться отъ мучителя; но горе гражданину, который за тирана мститъ отечеству!

[О Князѣ Андреѣ Курбскомъ. И. Г. Р. IX—50].

Исторія злопамятнѣе народа.

[Объ Іоаннѣ IV. Id. 405].

Легче показывать лицемѣрную скорбь въ тайномъ удовольствіи, нежели веселіе лицемѣрное въ тайной печали.

[Id. X—131].

La solitude est la mère du génie [Уединеніе создаетъ генія].

[1797.—197].

Божественная любовь ко славѣ—источникъ всѣхъ дѣлъ великихъ.

[1801. I—281].

Священная небесная меланхолія, мать всѣхъ безсмертныхъ произведеній ума человѣческаго!

[1793. III—396].

Небесная музыка! наслаждаясь тобою, возвышаюсь духомъ, и не завидую ангеламъ. Кто докажетъ мнѣ, чтобы душа моя, удобная къ такимъ святымъ, чистымъ, эѳирнымъ радостямъ, не имѣла въ себѣ чего нибудь божественнаго, нетлѣннаго? Сіи

нѣжные звуки, вѣющіе какъ зефиръ на сердце мое, могутъ ли быть пищею смертнаго, грубаго существа?

[1790. II—489 90].

Гдѣ люди, тамъ пристрастіе и зависть.

[Id. 522].

Добродѣтельныя чувства несовмѣстны съ тоскою; самыя горькія слезы раскаянія имѣютъ въ себѣ нѣчто сладкое. Прекрасна и заря добродѣтели; а что иное есть раскаяніе?

[1794. III—62].

Надежда возрастаетъ иногда съ бѣдствіемъ, подобно свѣтильнику, который, готовясь угаснуть, расширяетъ пламя свое.

[1803. III—226/7].

Оптимизмъ есть не философія, а игра ума.

[Id. 327].

Какъ плодъ дерева, такъ и жизнь бываетъ всего сладостнѣе передъ началомъ увяданія.

[Id. 328/9].

Такова неблагодарность смертныхъ: кто однажды удивилъ насъ и еще остается на сценѣ, отъ того мы не перестаемъ требовать новыхъ чудесъ и въ случаѣ отказа готовы освистать славнаго актера.

[О Бонапарте. 1803. I—551].

Тотъ, кто по любви къ истинѣ искренно признается въ своей несправедливости, едва ли не лучше того, кто всегда справедливымъ бываетъ.

[1797. 197[.

Le temps n'est que la succession de nos pensées [Время выражаетъ собою лишь послѣдовательность нашихъ мыслей].

[1797.—199]

Истинно ученые презираютъ и хвалу и брань невѣжи.

[III—704].

Il est difficile de lutter contre l'opinion publique [Трудно бороться съ общественнымъ мнѣніемъ].

[1816.—162].

Мало совѣсти и стыда въ свѣтѣ.

[Id. 171].

При Дворѣ опасно хвалить: самая искренность кажется лестію.

[1816.—186].

Mériter le bonheur vaut encore mieux que d'être heureux [Заслужить счастіе лучше чѣмъ быть счастливымъ].

[—196].

Мы всѣ какъ муха на возу: важничаемъ и въ своей невинности считаемъ себя виновниками великихъ происшествій!—Великъ тотъ, кто чувствуетъ свое ничтожество—предъ Богомъ.

[1825.—197].

IV.

1) Россія.— Смиреніе въ политикѣ.—Реформы Петра Великаго.— Самовластіе въ Россіи.— Крѣпостное право.— Возстановленіе Польши.— Дворянство.— Русскій языкъ.— Употребленіе французскаго языка въ русскомъ обществѣ.

Для насъ, русскихъ, съ душею, одна Россія самобытна, одна Россія истинно существуетъ: все иное есть только отношеніе къ ней, мысль, привидѣніе.

[III 701].

Мы излишне смиренны въ мысляхъ о народномъ своемъ достоинствѣ—а смиреніе въ политикѣ вредно. Кто самого себя не уважаетъ, того безъ сомнѣнія и другіе уважать не будутъ.

[1802. III—469].

Путь образованія или просвѣщенія одинъ для народовъ; всѣ они идутъ имъ въ слѣдъ другъ за дру-

гомъ. Иностранцы были умнѣе русскихъ: и такъ надлежало отъ нихъ заимствовать, учиться, пользоваться ихъ опытами. Какой народъ не перенималъ у другаго? И не должно ли сравняться, чтобы превзойти? Избирать во всемъ лучшее, есть дѣйствіе ума просвѣщеннаго; а Петръ Великій хотѣлъ просвѣтить умъ во всѣхъ отношеніяхъ. Монархъ объявилъ войну нашимъ стариннымъ обыкновеніямъ во первыхъ для того, что они были грубы, недостойны своего вѣка; во вторыхъ и для того, что они препятствовали введенію другихъ, еще важнѣйшихъ и полезнѣйшихъ иностранныхъ новостей. Надлежало, такъ сказать, свернуть голову закоренѣлому русскому упрямству, чтобы сдѣлать насъ гибкими, способными учиться и перенимать. Всѣ жалкія іеремиады объ измѣненіи русскаго характера, о потерѣ русской нравственной физіономіи, или не что иное какъ шутка, или происходятъ отъ недостатка въ основательномъ размышленіи. Все народное ничто передъ человѣческимъ. Главное дѣло быть людьми, а не славянами. Что хорошо для людей, то не можетъ быть дурно для русскихъ; и что англичане или нѣмцы изобрѣли для пользы, выгоды человѣка, то мое, ибо я человѣкъ!

[1790. II—513/5].

Петръ не хотѣлъ вникнуть въ истину, что духъ народный составляетъ нравственное могущество государствъ, подобно физическому, нужное для ихъ твердости. Искореняя древніе навыки, представляя ихъ смѣшными, глупыми, хваля и вводя иностранные, государь Россіи унижалъ россіянъ въ собственномъ ихъ сердцѣ. Государство можетъ заимствовать отъ другаго полезныя свѣдѣнія, не слѣдуя ему въ обычаяхъ. Пусть сіи обычаи естественно из-

мѣняются, но предписывать имъ уставы есть насиліе беззаконное и для монарха самодержавнаго. Мы стали гражданами міра, но перестали быть въ нѣкоторыхъ случаяхъ гражданами Россіи, — виною Петръ.

[1811. 2251/4].

Можно ли и какими способами ограничить самовластіе въ Россіи, не ослабивъ спасительной царской власти? Умы легкіе не затрудняются отвѣтомъ и говорятъ: „можно; надобно только поставить законъ еще выше государя“. Но кому дадимъ право блюсти неприкосновенность этого закона? Сенату ли? Совѣту ли? Кто будутъ члены ихъ? Выбираемые государемъ, или государствомъ? Въ первомъ случаѣ, они угодники царя; во второмъ, захотятъ спорить съ нимъ о власти. Вижу аристократію, а не монархію. Далѣе, что сдѣлаютъ сенаторы, когда монархъ нарушитъ уставъ? Представятъ о томъ его величеству? А если онъ десять разъ посмѣется надъ ними, объявятъ ли его преступникомъ? Возмутятъ ли народъ? Всякое доброе русское сердце содрогается отъ сей ужасной мысли. Двѣ власти государственныя въ одной державѣ суть два грозные льва въ одной клѣткѣ, готовые терзать другъ друга; а право безъ власти есть ничто.

[1811. 2271/2].

Первая обязанность государя есть блюсти внутреннюю и внѣшнюю цѣлость государства; благотворить состояніямъ и лицамъ — есть уже вторая. Онъ желаетъ сдѣлать земледѣльцевъ счастливѣе свободою; но ежели сія свобода вредна для государства? И будутъ ли земледѣльцы счастливы, освобожденные отъ власти господской, но преданные въ жертву ихъ собственнымъ порокамъ, откупщикамъ и судьямъ безсовѣстнымъ? Не знаю, хорошо ли сдѣлалъ Го-

дуновъ, отнявъ у крестьянъ свободу (ибо тогдашнія обстоятельства не совершенно извѣстны), но знаю, что теперь имъ неудобно возвратить оную. Тогда они имѣли навыкъ людей вольныхъ, нынѣ имѣютъ навыкъ рабовъ. Мнѣ кажется, что для твердости бытія государственнаго безопаснѣе поработить людей, нежели дать имъ не во-время свободу, къ которой надобно готовить человѣка исправленіемъ нравственнымъ.

[1811. 2303/4].

Возстановленіе Польши будетъ паденіемъ Россіи.

[1819—7].

Дворянство есть душа и благородный образъ всего народа.

[1802. III—597].

Гордость дворянская есть чувство своего достоинства, которое удаляетъ человѣка отъ подлости и дѣлъ презрительныхъ.

[1803. III—264].

Самодержавіе есть палладіумъ Россіи; цѣлость его необходима для ея счастія; изъ сего не слѣдуетъ, чтобы государь, единственный источникъ власти, имѣлъ причины унижать дворянство, столь же древнее, какъ и Россія. Надлежало бы не дворянству быть по чинамъ, но чинамъ по дворянству, то-есть, для пріобрѣтенія нѣкоторыхъ чиновъ, надлежало бы необходимо требовать благородства. Если часто будете выводить простолюдиновъ въ министры, въ вельможи, въ генералы, то съ знатностью приведется давать имъ и богатство, необходимое для ея сіянія: казна истощается. Дворянинъ, облагодѣтельствованный судьбою, навыкаетъ отъ самой колыбели уважать себя, любить отечество и государя за выгоды

своего рожденія, плѣняется знатностію, удѣломъ его предковъ и наградою личныхъ будущихъ заслугъ его. Сей образъ мыслей и чувствованій даетъ ему то благородство духа, которое, сверхъ иныхъ намѣреній, было цѣлію при учрежденіи наслѣдственнаго дворянства,—преимущество важное, рѣдко замѣняемое естественными дарами простолюдина, который въ самой знатности боится презрѣнія, обыкновенно не любитъ дворянъ и мыслитъ личною надменностію изгладить изъ памяти людей свое низкое происхожденіе. Добродѣтель рѣдка. Ищите въ свѣтѣ болѣе обыкновенныхъ, нежели превосходныхъ душъ.

[1811. 2343/5].

Честь и слава нашему языку, который въ самородномъ богатствѣ своемъ, почти безъ всякаго чуждаго примѣса, течетъ какъ гордая, величественная рѣка — шумитъ, гремитъ — и вдругъ, если надобно, смягчается, журчитъ нѣжнымъ ручейкомъ и сладостно вливается въ душу, образуя всѣ мѣры, какія заключаются только въ паденіи и возвышеніи человѣческаго голоса!

[1790. II—751].

Побѣды, завоеванія и величіе государственное, возвысивъ духъ народа россійскаго, имѣли счастливое дѣйствіе и на самый языкъ его, который, будучи управляемъ дарованіемъ и вкусомъ писателя умнаго, можетъ равняться нынѣ въ силѣ, красотѣ и пріятности съ лучшими языками древности и нашихъ временъ. Будущая судьба его зависитъ отъ судьбы государства.

[И. Г. Р. I- 91].

У насъ всякій, кто умѣетъ только сказать: comment vous porter-vous? безъ всякой нужды коверкаетъ

французскій языкъ, чтобы съ русскимъ не говорить по русски; а въ нашемъ такъ называемомъ хорошемъ обществѣ безъ французскаго языка будетъ глухъ и нѣмъ. [1790. II—681].

2) Жиды.—Характеръ французовъ.—Англичанинъ.

Общее бѣдствіе соединяетъ людей тѣснѣйшимъ союзомъ. Такимъ образомъ и жиды, гонимые рокомъ и угнетенные своими сочеловѣками, находятся другъ съ другомъ въ тѣснѣйшей связи, нежели мы, торжествующіе христіане.

[1789. II—173].

Скажу: огонь, воздухъ — и характеръ французовъ описанъ. Я не знаю народа умнѣе, пламеннѣе и вѣтреннѣе. Кажется, будто онъ выдумалъ, или для него выдумано общежитіе: столь мила его обходительность, и столь удивительны его тонкія соображенія въ искусствѣ жить съ людьми! Сіе искусство кажется въ немъ любезною природою. Французъ непостояненъ и незлопамятенъ; удивленіе, похвала, можетъ скоро ему наскучить: ненависть также. По вѣтренности оставляетъ онъ доброе, избираетъ вредное: за то самъ первый смѣется надъ своею ошибкою. Чувствителенъ до крайности, страстно влюбляется въ истину, въ славу, въ великія предпріятія; но любовники непостоянны! Минуты его жара, изступленія, ненависти, могутъ имѣть страшныя слѣдствія: чему примѣромъ служитъ революція.

[1790. II 646/7].

Англичанинъ человѣколюбивъ у себя; а въ Америкѣ, въ Африкѣ и въ Азіи едва не звѣрь; по крайней мѣрѣ съ людьми обходится тамъ какъ съ звѣрями.

[Id. 756].

Василій Андреевичъ Жуковскій
(1783—1852).

Стихи.

I.

1) Вѣра въ Провидѣнье.

Лучшій другъ намъ въ жизни сей—
Вѣра въ Провидѣнье,
Благъ зиждителя законъ:
Здѣсь несчастье—лживый сонъ;
Счастье—пробужденье.

[1811. I—228].

2) Родина.—Колѣнопреклоненіе и уваженіе.

О, родина святая,
Какое сердце не дрожитъ,
Тебя благославляя?

[1812. I—262].

Отъ подданныхъ царю колѣнопреклоненье;
Но дань свободная, дань сердца—уваженье,
Не власти, не вѣнцу, но человѣку дань.

[1814. I—402].

3) Поэтъ и поэзія.

Мужъ праведный—прямымъ путемъ
Идетъ; и терпитъ ли гоненья,
Избавленъ ли отъ нихъ судьбой—
Онъ сходенъ тамъ и тутъ съ собой;

Онъ благъ безъ примѣси не проситъ —
Нѣтъ, въ лучшій міръ онъ переноситъ
Надежды лучшія свои.
Такъ и поэтъ, друзья мои.
Поэзія есть добродѣтель;
Нашъ геній — лучшій намъ свидѣтель.

[1814. I—440].

II.

1) Трудъ. — Судьба. — Друзья.

Хвала воспламеняетъ жаръ;
Но намъ не въ ней искать блаженства —
Въ трудѣ.... О, благотворный трудъ,
Души печальныя цѣлитель
И счастія животворитель!

[1814. I—412].

Съ свѣтлой главой, на тяжкихъ свинцовыхъ ногахъ между нами
Ходитъ судьба! Человѣкъ, прямо и смѣло иди!
Если, ее повстрѣчавъ, не потупишь очей и спокойнымъ
Окомъ ей взглянешь въ лицо, самъ просвѣтлѣешь лицомъ;
Если жъ, испуганный ею, предъ нею падешь ты, наступитъ
Тяжкой ногой на тебя, будешь затоптанъ въ грязи.

[1837. III—247].

Съ друзьями и тоска пріятна.

[1803. I—35]

Испытанныхъ друзей для новыхъ забывать
Есть — цвѣтъ плоду предпочитать!

[1807. I—70].

Блаженъ, кому Создатель далъ
Усладу жизни, друга;
Съ нимъ счастье вдвое, въ скорбный часъ
Онъ сердцу утѣшенье,
Онъ наша совѣсть, онъ для насъ
Второе провидѣнье.

[1812. I—275].

2) Любовь.

Любовь—себя забвенье.

[1812. I—255].

Кто разъ полюбилъ, тотъ на свѣтѣ, мой другъ,
Уже одинокимъ не будетъ...

[1813. I—326].

Безъ любви—могила жизни краше,
Наша жизнь лишь тамъ, гдѣ сердце наше.

[1819. II—110].

III.

1) Могила, жизнь и судьба. — Скорбь. — Прекрасное. — Наслажденіе. — Природа. — Отрада въ слезахъ.

Могила — тихій сонъ, а жизнь—съ бѣдами брань,
Судьба —невидимый, безчувственный тиранъ.

[1801. I—26].

Протекшихъ радостей уже не возвратить:
Но въ самой скорби есть для сердца наслажденье.

[1807. I—88].

Кто другъ прекрасному, тому сей свѣтъ прекрасенъ.

[1813. I—328].

„Такъ наслажденье измѣняетъ!“
Вздохнувши, я сказалъ,
„Пока не тронуто—блистаетъ;
Дотронься—блескъ пропалъ!“

[1814. I—425].

Милѣй мнѣ свѣтлаго природы мрачный видъ!
[1814. I—448].

Отрада намъ — о счастьи слезы лить.
[1816. II—1].

2) Лиса и волкъ. — Законъ.

Кто втерся въ знатный чинъ лисой,
Тотъ въ этомъ чинѣ будетъ волкомъ.
[1807. I—75].

Законъ — на улицѣ натянутый канатъ,
Чтобъ останавливать прохожихъ средь дороги,
Иль ихъ сворачивать назадъ,
Или имъ путать ноги.
Но чтожъ? Напрасный трудъ! Никто назадъ нейдетъ,
Никто и подождать не хочетъ;
Кто ростомъ малъ, тотъ внизъ проскочетъ,
А кто великъ — перешагнетъ.
[1815. I—468]

Проза.

I.

1) Богъ и вѣра. — Молитва. — Причина сомнѣнія и невѣрія. — Откровеніе. — Житейскія испытанія. — Покорность высшей волѣ. — Совѣсть.

Богъ есть положительное добро, положительная правда, положительная истина, положительная красота; все противорѣчащее добру, правдѣ, истинѣ, красотѣ, есть отрицаніе Бога.
[1815. VI—60].

Всякая философія, ведущая насъ къ истинѣ, должна начинаться съ вѣры въ Бога и эта вѣра должна быть первымъ звеномъ нашей умственной цѣпи.
[Id. 62].

Непостижимость Бога есть сильнѣйшее доказательство бытія его; высшая идея, какую только человѣкъ имѣть можетъ, должна принадлежать высшему свойству души человѣческой, не уму, а вѣрѣ.

[Id.].

Богъ, источникъ и предметъ всякаго знанія; всякій шагъ впередъ науки долженъ быть шагомъ, приближающимъ къ Богу, новымъ откровеніемъ въ таинствѣ нашихъ вѣчныхъ къ нему отношеній.

[Id. 64].

Мы здѣсь для самоотверженія. Самоотверженіемъ мы приходимъ къ молитвѣ, а молитва, будучи высшею степенью самоотверженія, усиливаетъ его въ душѣ нашей и имъ насъ совершенствуетъ.

[1848. VI—90].

Мы отъ того впадаемъ въ сомнѣнія и въ невѣріе, что хотимъ обнять все и постигнуть всеобщій порядокъ.

[1850. VI—228].

Вѣра въ Бога можетъ быть только откровеніе. Вѣра есть возвышеннѣйшій актъ человѣческой воли: въ ней соединяются воедино вышняя, ее дарующая благодать, и человѣческая свобода, принимающая благое даяніе свыше; соединеніе обоихъ необходимо для произведенія вѣры.

[Id. 238].

Умъ есть рабъ очевидности; вѣра есть свободное покореніе ума и воли откровенію.

[Id. 248].

Въ испытаніяхъ душа созрѣваетъ и укрѣпляется. Житейскія испытанія суть языкъ, которымъ Богъ говоритъ съ человѣкомъ; наше дѣло понимать этотъ

языкъ и, если можно, достойнымъ образомъ отвѣчать тому, кто на немъ говоритъ нашему сердцу и разуму.
[1841. VI—422].

Нѣтъ на землѣ другаго блага, кромѣ твердой вѣры.
[1842. VI—435].

Покорность, безусловная полная покорность высшей волѣ: вотъ въ одномъ словѣ вся сумма житейскихъ вѣрныхъ благъ.
[1843. VI—459].

При началѣ всякаго дѣла, и большаго, и малаго, легко сдѣлать себѣ вопросъ: а что̀ скажетъ Богъ? Совѣсть, если только она не подкуплена, всякій разъ будетъ отвѣчать коротко и ясно. Дѣло только въ томъ, чтобы успѣть спросить во̀-время и съ надлежащимъ благоговѣніемъ.
[Id. 459].

2) Исторія человѣчества. — Средство и цѣль. — Общее благо. — Свобода. — Обязанности государя. — Власть царей. — Прямодушіе государей. — Толпа и государь. — Благость. — Примѣръ нравственности. — Самодержавіе. — Главная добродѣтель царей. — Царское слово. — Хартія народа. — Смертная казнь.

Исторія человѣчества есть Богъ въ своихъ дѣйствіяхъ.
[1834. V—511].

Исторія есть не иное что, какъ лѣтопись человѣческаго властолюбія. Пріобрѣтеніе власти, праведное или неправедное, сохраненіе или распространеніе пріобрѣтенной власти, возвращеніе власти утраченной—вотъ главное ея содержаніе, около котораго сосредоточиваются всѣ другія историческія событія
[1848. VI—152].

Исторію можно сравнить съ кладбищемъ; на гробницахъ, которыми усыпано все пространство этого

кладбища, вырѣзаны надгробія неподвижнымъ мертвымъ для живыхъ проходящихъ; живые читаютъ ихъ разсѣянно, проходятъ мимо и, оставивъ усопшимъ ихъ мирное кладбище, возвращаются въ шумную жизнь, забывъ о томъ, что̀ мимоходомъ прочитали на камняхъ могильныхъ.

[Id. 174].

Исторія въ настоящемъ смыслѣ своемъ есть безпрестанное оправданіе Божія промысла: неправда сама себя губитъ, и никогда напротивъ правда не имѣла послѣдствій губительныхъ; эта историческая аксіома не терпитъ исключеній, если только мы въ исторіи будемъ останавливаться не на одной минутѣ настоящаго, а на сцѣпленіи всѣхъ вѣковъ ея.

[1849. VI—188].

Средство не оправдывается цѣлію; что вредно въ настоящемъ, то̀ есть истинное зло, хотя бы и было благодѣтельно въ своихъ послѣдствіяхъ; никто не имѣетъ права жертвовать будущему настоящимъ и нарушать вѣрную справедливость для невѣрнаго возможнаго блага.

[1833. V—477/8].

Бойтесь опаснаго правила, которое столько зла надѣлало въ свѣтѣ, правила, что для общаго блага, такъ называемаго государственнаго блага, надобно жертвовать частнымъ (другими словами, для общаго добра позволять себѣ частныя несправедливости). Что такое общее благо? Идея служащая часто маскою самыхъ зловредныхъ намѣреній, самыхъ опасныхъ заблужденій. Общее благо есть сумма благъ частныхъ. Можетъ ли же оно существовать въ цѣломъ, когда нѣтъ его по частямъ? Средства не оправдываются цѣлію.

[1843. VI—460].

Что есть свобода? Способность произносить слово „нѣтъ“ мысленно или вслухъ. Что есть свобода гражданская? Совершенная подчиненность одному закону, или совершенная возможность дѣлать все, чего не запрещаетъ законъ. Что есть свобода въ высшемъ смыслѣ? Совершенная подчиненность волѣ Божіей всегда, во всемъ, вездѣ, и ничему иному.

[1848. VI—130].

Быть рабомъ есть несчастіе, происходящее отъ обстоятельствъ; любить рабство есть низость; не быть способнымъ къ свободѣ есть испорченность, произведенная рабствомъ.

[1850. VI—251].

Уважай законъ и научи уважать его своимъ примѣромъ: законъ, пренебрегаемый царемъ, не будетъ хранимъ и народомъ. Люби и распространяй просвѣщеніе: оно—сильнѣйшая подпора благонамѣренной власти; народъ безъ просвѣщенія есть народъ безъ достоинства; имъ кажется легко управлять только тому, кто хочетъ властвовать для одной власти но изъ слѣпыхъ рабовъ легче сдѣлать свирѣпыхъ мятежниковъ, нежели изъ подданныхъ просвѣщенныхъ, умѣющихъ цѣнить благо порядка и законовъ. Уважай общее мнѣніе: оно часто бываетъ просвѣтителемъ монарха; оно вѣрнѣйшій помощникъ его, ибо строжайшій и безпристрастный судія исполнителей его воли; мысли могутъ быть мятежны, когда правительство притѣснительно или безпечно; общее мнѣніе всегда на сторонѣ правосуднаго государя. Люби свободу, то есть правосудіе, ибо въ немъ и милосердіе царей и свобода народовъ: свобода и порядокъ—одно и тоже; любовь царя къ свободѣ утверждаетъ любовь къ повиновенію въ подданныхъ. Владычествуй не силою, а порядкомъ: истинное могу-

щество государя не въ числѣ его воиновъ, а въ благоденствіи народа. Будь вѣренъ слову: безъ довѣренности нѣтъ уваженія, неуважаемый — безсиленъ. Окружай себя достойными тебя помощниками: слѣпое самолюбіе царя, удаляющее отъ него людей превосходныхъ, предаетъ его на жертву корыстолюбивымъ рабамъ, губителямъ его чести и народнаго блага. Уважай народъ свой: тогда онъ сдѣлается достойнымъ уваженія. Люби народъ свой: безъ любви царя къ народу нѣтъ любви народа къ царю.

[О воспитаніи Наслѣдника Цесаревича, впослѣдствіи Императора Александра II. 1826. VI—348/9].

„Власть царей исходитъ отъ Бога“. Эти слова составляютъ высокую истину, когда подъ ними разумѣютъ „отвѣтственность передъ верховнымъ судилищемъ“; но они не болѣе какъ пагубное правило для сердца монарха, когда они означаютъ: „мнѣ все позволено, потому что я зависимъ только отъ Бога“.

[1827. VI—271].

Истинная сила государей есть прямодушіе. Тому легко дѣйствовать, кого уважаютъ; а можетъ быть уважаемъ только тотъ, кому вѣрятъ. Довѣренность же нельзя похитить: она есть необходимое слѣдствіе прямодушія, естественный его отголосокъ.

[1828. VI—291].

Толпа можетъ имѣть силу матеріальную; но сила нравственная въ душѣ государей: ибо они могутъ быть дѣятельными представителями справедливости и блага.

[1832. VI—387].

Всемогущество благости есть то именно и то одно, что выводитъ царей изъ ряда человѣчества. Въ справедливости они стоятъ наравнѣ со всѣми нами, тутъ есть необходимость, которой имъ побѣдить не можно;

но благость, для которой нѣтъ закона, которая всегда говоритъ: „милую, потому что на то есть моя воля“, тутъ нѣтъ для нихъ товарищества съ остальными людьми; это ихъ верховная привилегія, это та ступень, на которой они стоятъ между людьми и божествомъ.

[1837. VI—305].

Примѣръ нравственности въ семействѣ царскомъ есть палладіумъ государя самодержавнаго: ибо власть безсильна, когда она не опирается на уваженіи и довѣренности.

[1842. VI—446].

Изъ всѣхъ властей земныхъ самый святѣйшій характеръ, безпрекословно, имѣетъ самодержавіе; ибо въ немъ самое простое выраженіе верховной божественной власти. Самодержавіе есть только высшая степень покорности Божіей правдѣ. Но опаснѣйшій врагъ есть самовластіе, въ которомъ мѣсто Божіей воли заступаетъ наша собственная, и мы изъ исполнителей этой высшей воли становимся ея врагами. И наказаніе самовластія заключается въ немъ самомъ: оно губитъ истинную власть.

[1843. VI—460].

Уничтоженіе воли человѣческой передъ божественною наиболѣе необходимо самодержавію; ибо самодержавіе можетъ быть твердо одною Божіею правдою, которая одна есть его законъ, одна можетъ имъ руководствовать, одна есть его судъ и осужденіе; нарушеніе этой правды есть самоубійство самодержавія. Тогда самодержавіе становится съ одной стороны бунтомъ противъ Бога (съ которымъ война не даетъ побѣды), а съ другой раздоромъ съ народомъ, который въ великомъ божественномъ узнаетъ тогда

*

слабое человѣческое и, потерявъ къ нему свое уваженіе, тѣмъ разрушаетъ его существенную силу, которая тогда будетъ опираться не на твердой колоннѣ любви и благоговѣнія, а на невѣрныхъ и ломкихъ клюкахъ страха и раболѣпства.

[1845. VI—493/4].

Нѣтъ ничего выше и достойнѣе уваженія, какъ, имѣя власть матеріальную, умѣть произвольно покоряться власти убѣжденія и справедливости: это главная добродѣтель царей.

[1846. VI—507].

Царское слово есть обязательство царя передъ Богомъ, выраженное имъ вслухъ передъ народомъ. И какое бы ни было это слово, какихъ бы событій оно ни заставляло страшиться, оно дано, оно нарушено быть не можетъ, его сохраненіе вѣрнѣе для будущаго, нежели его нарушеніе, хотя бы сіе послѣднее и отвратило на время худыя предвидимыя послѣдствія.

[1848. VI—571].

Истинная хартія народа есть его исторія. Бѣда государю и народу, когда они эту хартію, написанную рукою времени (которое можно назвать стенографомъ Божія слова), разрываютъ самовольно, чтобы ее замѣнить ничтожнымъ листомъ бумаги, исписанной умомъ человѣческимъ, который корчитъ Божію правду.

[Id. 571/2].

Вмѣсто того, чтобы нападать на уродливое, варварское, отвратительное совершеніе казни, начали нападать на самую казнь, которая не иное что, какъ представитель строгой правды, преслѣдующей зло и спасающей отъ него порядокъ общественный, уста-

новленный самимъ Богомъ. Смертная казнь, какъ угрожающая вдали своимъ мечемъ Немезида, какъ страхъ возможной погибели, какъ привидѣніе, преслѣдующее преступника, ужасна своимъ невидимымъ присутствіемъ, и мысль о ней конечно воздерживаетъ многихъ отъ злодѣйства. Страхъ казни есть тоже въ цѣломъ народѣ, что совѣсть въ каждомъ человѣкѣ отдѣльно.

[Id. 169/70].

3) Просвѣщеніе. — Цивилизація. — Наука. — Воспитаніе и ученіе. — Обязанность журналиста. — Назначеніе писателя. — Стихотворческое дарованіе. — Поэзія. — Критика. — Цѣль моралиста. — Красота художественнаго изображенія. — Цѣль искусства.

Что есть просвѣщеніе? Искусство жить, искусство дѣйствовать и совершенствоваться въ томъ кругѣ, въ который заключила насъ рука промысла; въ самомъ себѣ находить неотъемлемое счастіе.

[—1808. V—251].

Цивилизація есть результатъ примѣненія знаній къ практической, общественной жизни, къ жизни человѣческой въ границахъ земнаго.

[1845. VI—64].

Наука теряетъ свое высокое достоинство, когда сама становится своею цѣлію. Цѣль науки, и вообще жизни духовнаго человѣка, есть Богъ, создавшій человѣка не для иного чего, какъ для себя.

[Id. 66].

Человѣку на землѣ нужна наука, душѣ человѣческой нуженъ только Богъ.

[Id. 67].

Воспитаніе не можетъ быть приковано къ учебному столу: оно не имѣетъ значенія, если оно не обнимаетъ всей жизни ребенка.

[1826. VI—262].

Цѣль воспитанія вообще и ученія въ особенности есть образованіе для добродѣтели. Воспитаніе образуетъ для добродѣтели: 1) Пробужденіемъ, развитіемъ и сбереженіемъ добрыхъ качествъ, данныхъ природою, дѣйствуя на умъ и сердце и заставляя ихъ дѣйствовать. 2) Образованіемъ изъ сихъ качествъ характера нравственнаго, обращая добро въ привычку и подкрѣпляя привычку правилами разума, воспламененіемъ сердца и силою религіи. 3) Предохраненіемъ отъ зла, устраняя все вредное, могущее ослабить естественную склонность къ добру, и содержа душу, сколько возможно, въ спасительной неприкосновенности къ злу. 4) Искорененіемъ злыхъ побужденій и наклонностей, препятствуя имъ обратиться въ привычку и побѣждая вредныя привычки привычками добрыми.

Ученіе образуетъ для добродѣтели, знакомя питомца: 1) Съ тѣмъ, что окружаетъ его. 2) Съ тѣмъ, что онъ есть. 3) Съ тѣмъ, что онъ быть долженъ какъ существо нравственное. 4) Съ тѣмъ, для чего онъ предназначенъ какъ существо безсмертное. Воспитаніе начинается съ колыбели, ученіе съ отрочества, то и другое продолжается до начала молодыхъ лѣтъ. [Id. 328/9].

Что такое воспитаніе? Этотъ вопросъ разрѣшится тогда, когда будетъ разрѣшенъ слѣдующій: что такое здѣшняя жизнь? Здѣшняя жизнь есть приготовленіе земнаго человѣка къ жизни высшей. Воспитаніе есть приготовленіе человѣка къ принятію уроковъ здѣшней жизни. [1848. VI—136]

Человѣкъ образуется здѣсь воспитаніемъ не для счастія, не для успѣха въ обществѣ, не для особен-

наго какого нибудь званія, даже не для добродѣтели; онъ образуется для вѣры въ Бога (для вѣры христіанской) и для безусловнаго преданія воли своей въ высшую волю (въ чемъ истинная человѣческая свобода). Изъ этого истекаетъ всякое другое счастіе, успѣхъ, нравственность, добродѣтель.

[Id. 137].

Все основано на привычкѣ. Дарованіе добрыхъ привычекъ и устраненіе худыхъ есть дѣло воспитанія. Привычка не мѣшаетъ свободѣ; ею только облегчаются дѣйствія свободной воли.

[Id. 138].

Обязанность журналиста подъ маскою занимательнаго и пріятнаго скрывать полезное и наставительное. Первое достоинство журнала разнообразіе.

[—1808. V—248 9].

Любить истинное и прекрасное, наслаждаясь ими, умѣть ихъ изображать, стремиться къ нимъ самому и силою краснорѣчія увлекать за собою другихъ — вотъ благородное назначеніе писателя.

[—Id. 253].

Стихотворческое дарованіе заключается въ превосходствѣ и болѣе нежели обыкновенной силѣ низшихъ или, если хочешь, эстетическихъ качествъ души человѣческой. Способность представлять живо отсутственные предметы, давать имъ посредствомъ воображенія бытіе, совокуплять несходныя, часто далекія одна отъ другой идеи, сильнѣе другихъ трогаться всѣмъ тѣмъ, что можетъ быть согласно съ естественными склонностями человѣческаго сердца, словомъ: мечтательность, даръ воображать, остроуміе, тонкая чувствительность — вотъ истинныя качества стихотворца.

[1809. V—312].

Поэзія дѣйствуетъ на однѣ эстетическія силы нашей души.

[Id. 315].

Главная и существенная польза критики состоитъ въ распространеніи вкуса. Что такое вкусъ? Чувство и знаніе красоты въ произведеніяхъ искусства, имѣющаго цѣлію подражаніе природѣ нравственной и физической. Человѣкъ съ образованнымъ вкусомъ (который всегда основывается на чувствѣ и только управляемъ бываетъ разсудкомъ) долженъ быть и въ своей нравственности выше необразованнаго. Критика, распространяя истинныя понятія вкуса, образуетъ въ то же время и самое моральное чувство; добро, красота моральная въ самой натурѣ, отвѣчаетъ тому, что называется изящнымъ въ подражаніяхъ искусства; слѣдовательно съ усовершенствованіемъ одного соединяется и усовершенствованіе другого.

[Id. 375].

Безпристрастіе можно назвать честностію критика.

[Id. 379].

Насмѣшка производитъ не убѣжденіе, а предубѣжденіе.

[Id.].

Цѣль моралиста—какимъ бы онъ оружіемъ ни дѣйствовалъ, насмѣшкою или простымъ убѣжденіемъ—не есть невозможное исправленіе порока, а только предохраненіе отъ него души неиспорченной, или исцѣленіе такой, которая, введена будучи въ обманъ силою примѣра, предразсудка и навыка, не смотря на то, сохранила ей свойственное расположеніе къ добру. Насмѣшка есть оружіе предохранительное; ничто лучше ея не охлаждаетъ воображенія,

излишне воспламененнаго; она побѣждаетъ и тамъ, гдѣ усилія степеннаго разсудка остаются безплодны.
[Id. 382].

Искусство осмѣивать остроумно тогда только бываетъ истинно полезнымъ, когда оно соединено съ высокостію чувствъ, неиспорченнымъ сердцемъ и твердымъ уваженіемъ обязанностей человѣка и гражданина. Но тотъ, кто всѣмъ безъ разбора жертвуетъ своему остроумію, необходимо удаляетъ отъ себя всякое доброе сердце; онъ непроизвольно обнаруживаетъ предъ нимъ собственную бѣдность свою въ чувствахъ высокихъ и оскорбляетъ его своею жестокостію. Такое и дѣйствіе сатиры, въ которой замѣчаемъ одно желаніе и искусство порицать, и не находимъ ничего питательнаго для сердца.
[Id. 383|4].

Красота художественнаго изображенія состоитъ въ истинѣ выраженія, то есть, въ ясности идеи и въ ея гармоническомъ согласіи съ матеріальнымъ художественнымъ ея образомъ, который съ своей стороны долженъ быть согласенъ съ образцомъ, заимствованнымъ изъ созданія внѣшняго. Художество въ тѣсномъ смыслѣ довольствуется только этою относительною истиною; но художество въ обширномъ, высшемъ значеніи имѣетъ предметомъ красоту высшую... Художникъ долженъ выражать не одну собственную человѣческую идею, не одну свою душу, но въ ней и идею создателя, духъ Божій, все созданное проникающій.
[1848. VI—97].

Цѣль искусства есть одно твореніе. Красота творенія заключается въ истинѣ... Цѣль ремесла также твореніе, но твореніе для нѣкоторой пользы. Ха-

рактеръ генія есть могучее творчество. Онъ не творитъ новаго, то есть не даетъ бытія несуществующему. Но онъ постигаетъ истину или существующее быстрымъ всеобъемлющимъ образомъ, такъ что сіе быстрое, легкое, такъ сказать внезапное постиженіе кажется созданіемъ. Геній все, что̀ въ природѣ и наукѣ, обращаетъ въ свою собственность и всему имъ пріобрѣтаемому даетъ единство. Это дарованіе единства разнообразному есть особенный характеръ генія. Въ произведеніяхъ искусства, поэзіи, литературы, науки, геній болѣе выражается въ планѣ, въ созданіи цѣлаго; исполненіе есть уже необходимое слѣдствіе сего созданія. Талантъ заключается болѣе въ исполненіи; онъ болѣе выражается въ совершенствѣ нѣкоторыхъ частей.

[Id. 142].

II.

Назначеніе человѣка на землѣ. — Наша жизнь. — Способность понимать красоту. — Святое. — Умъ, воля, творчество и вѣра.— Твердость и упрямство. — Энтузіазмъ. — Покорность. — Семейная жизнь. — Добрая жена.

Что есть назначеніе человѣка на землѣ? Въ одномъ словѣ: возстановленіе падшаго въ немъ образа Божія.

[1848. VI—137].

Вся наша жизнь была бы однимъ послѣдствіемъ скучныхъ и несвязныхъ сновидѣній, когда бы съ настоящимъ не соединялись тѣсно ни будущее, ни прошедшее — три неразлучныя эпохи: одна украшаетъ другую, одна отъ другой заимствуетъ прелесть.

[1808. V—257].

Во всякое время человѣкъ на своемъ мѣстѣ, въ своемъ кругѣ можетъ совершить все, что онъ какъ

человѣкъ совершить обязанъ; и если бы каждый, не сбиваясь въ пути, слѣдовалъ сему правилу, то было бы на землѣ одно царство порядка.

[1833. V—476].

Способность понимать красоту есть драгоцѣнное качество души человѣческой; оно болѣе всякой другой способности обнаруживаетъ ея небесную природу: ибо красота, сама по себѣ, есть нѣчто неземное, принадлежащее землѣ только потому, что и душа наша принадлежитъ ей, но принадлежащее на время, только для того, чтобы здѣсь, въ немногія, но высокія минуты здѣшней жизни, пробуждать въ насъ предчувствіе жизни лучшей. Это чувство красоты есть неизмѣнный товарищъ вѣры. Вѣрою мы сводимъ небо на землю; чувствомъ красоты мы земное, такъ сказать, возвышаемъ въ небесное. Чѣмъ болѣе святаго для человѣка, тѣмъ онъ выше, тѣмъ онъ ближе къ своему назначенію, а красота есть святыня.

[1838. VI—607].

Красота есть не иное что, какъ тайное выраженіе божественнаго. Но наслажденіе красотою есть не иное что, какъ высшая степень чувственности; для души сего недовольно.

[Id. 65].

Что̀ же красота? Ощущеніе и слышаніе душою Бога въ созданіи.

[1848. VI—96].

Имѣть много святаго есть для меня мѣра и самая вѣрная мѣра уваженія какъ народа, такъ и частнаго лица.

[1837. VI—301].

Умъ (говоря языкомъ обыкновеннымъ, то есть, раздробляя наше духовное единство на способности

отдѣльныя) есть самая низшая, но въ то же время и самая многообъемлющая, основная, всѣ дѣйствія другихъ способностей проникающая и опредѣляющая способность души нашей. Онъ дѣйствуетъ въ предѣлахъ матеріальнаго міра, опредѣляетъ форму, измѣряетъ уваженіе, изъ вещественныхъ формъ извлекаетъ понятія общія и изъ уваженія законъ. Я назвалъ умъ низшею способностію души потому, что онъ совершенно подчиненъ закону необходимости: первый пунктъ (le point de départ), передовое положеніе (Vordersatz) могутъ нѣкоторымъ образомъ быть избраны произвольно; произвольность можетъ быть также и въ болѣе или менѣе упорномъ пребываніи на избранномъ пути, но самый этотъ путь (то есть, весь ходъ ума, все сцѣпленіе выводовъ съ ихъ необходимымъ результатомъ) отъ ума независимъ — путь ума есть путь по желѣзной дорогѣ: здѣсь свободенъ только выборъ мѣста въ вагонѣ, то есть, выборъ перваго пункта отбытія; все остальное повинуется желѣзной силѣ рельсовъ, разъ скованныхъ и къ землѣ навсегда прикрѣпленныхъ. Во вторыхъ нашъ умъ есть способность низшая и потому, что онъ ничего изъ самого себя не извлекаетъ, что всѣ его созданія, сколь ни кажутся они самобытными, извлечены изъ внѣшняго, вещественнаго міра. Воля стоитъ степенью выше ума: она свободна; но объемъ ея дѣйствій гораздо ограниченнѣе: она только избираетъ или отвергаетъ, руководствуясь закономъ нравственнымъ (котораго постиженіе и опредѣленіе есть дѣло ума), но руководствуясь самобытно, то есть, имѣя власть рѣшить согласно или несогласно съ симъ закономъ. Она выражается въ нашихъ дѣйствіяхъ, и ею только получаемъ мы характеръ су-

ществъ нравственныхъ. Третья способность души, творчество, потому должна быть поставлена степенью выше ума и воли, что ея дѣйствія не слѣдуютъ никакому чуждому побужденію, а непосредственно изъ души истекаютъ. Наконецъ вѣра, то есть способность принимать божественное откровеніе. Она есть самобытнѣйшая способность души человѣческой: здѣсь нашъ умъ смиряется, воля властвуетъ безъ произвола, творчество пріобрѣтаетъ характеръ созерцанія.

[1848. VI—93/4].

Твердость есть сила, основанная на союзѣ разума съ волею и на ихъ равновѣсіи. Упрямство есть слабость, имѣющая видъ силы; она происходитъ отъ нарушенія равновѣсія въ союзѣ воли съ разумомъ. Упрямый держится своего убѣжденія, такъ сказать, механически; онъ не терпитъ противорѣчія, ибо слишкомъ лѣнивъ, или пристрастенъ, чтобы повѣрять свои мысли.

[Id. 131].

Энтузіазмъ благодѣтеленъ только тогда, когда онъ есть пламенная любовь къ идеальному общему благу, соединенная съ твердостію положительныхъ правилъ нравственности, признанныхъ вѣками за непреложныя; скажу простѣе, когда онъ утвержденъ на вѣчномъ фундаментѣ христіанства.

[Id. 178].

Нашъ главный долгъ и, въ то же время, наше главное благо: покорность.

[1850. VI—234].

Единственное, чему мы должны и чему можемъ въ совершенствѣ здѣсь научиться, есть добровольное повиновеніе. Въ этомъ добровольномъ повино-

веніи заключается все человѣческое достоинство и вся его свобода.

[Id. 260].

Одинъ тотъ, кто способенъ наслаждаться семейственною жизнію, есть прямо добрый и слѣдовательно прямо счастливый человѣкъ.

[1808. V—260].

Семейная жизнь есть школа терпѣнія.

[1841. VI—426].

Молитва одинокаго человѣка есть требованіе; молитва семьянина есть благодарность.

[1808. V—265].

Страданіе одинокаго человѣка суть страданія эгоизма; страданія семьянина суть страданія любви.

[1841. VI—426].

Что бы то ни было, а самое лучшее благо на здѣшнемъ свѣтѣ есть добрая жена, доставшаяся намъ по сердцу.

[1843. VI—464].

III.

Вѣра. — Спасеніе. — Уныніе. — Меланхолія и скорбь. — Теорія и практика. — Привлекательность тѣснаго кружка. — Слава. — Непорочность.—Свобода.—Переводчикъ.— Языки. — Русскіе.— Красоты природы.—Уваженіе.—Хорошія книги.—Геній.— Примѣръ добрыхъ дѣлъ. — Дѣло, мысль и чувство. — Жизнь въ памяти людей. — Любовь. — Точность.— Имя. — Смерть.

Вѣра—дитя скорби.

[1845. VI—71].

Что такое спасеніе? Созерцаніе Бога въ вѣчности.

[1850. VI—248].

Уныніе есть только слѣдствіе печали, овладѣвшей душою и преодолѣвшей силу ея.

[1845. VI—70].

Меланхолія питается извнѣ; безъ внѣшняго вліянія она исчезаетъ. Скорбь питается извнутри, и если душа, ею томимая, не одолѣетъ ея, то она обращается въ уныніе, ведущее наконецъ къ отчаянію.

[Id].

Какъ поэтическая краска, меланхолія изъ всѣхъ поэтическихъ красокъ самая сильная; поэзія живетъ контрастами.

[Id. 75].

Что такое теорія и что практика? Теорія есть знаніе того, что должно дѣлать всегда и чего не должно дѣлать никогда; практика есть знаніе того, что должно дѣлать въ настоящую минуту, или умѣнье во-время примѣнять знаніе къ дѣлу.

[Id. 175].

Чѣмъ менѣе кругъ, тѣмъ связи привлекательнѣе и сильнѣе.

[—1808. V—254].

Что такое слава? Одобреніе всеобщее, тихій приговоръ немногихъ, который съ покорностію повторяетъ безчисленная толпа вслухъ; вдали она привлекательна, вблизи ничтожна.

[—Id. 255].

Счастіе неотъемлемый удѣлъ непорочности.

[Id. 260].

Человѣкъ зависимый, знакомый съ чувствами и понятіями людей независимыхъ, несчастливъ навѣки, если не будетъ дано ему благо, все превышающее—свобода.

[1809. V—325].

Переводчикъ въ прозѣ есть рабъ; переводчикъ въ стихахъ—соперникъ.

[Id. 335].

Вѣрность рабская [въ переводахъ] становится часто рабскою измѣною.

[1845. IV—3].

Всѣ языки имѣютъ между собою нѣкоторое сходство въ высокомъ, и совершенно отличны одинъ отъ другаго въ простомъ, или, лучше сказать, въ простонародномъ. [1809. V—336].

Русскіе нѣсколько равнодушны ко всему русскому.

[Id. 378].

Красоты природы плѣняютъ насъ не тѣмъ, что онѣ даютъ нашимъ чувствамъ, но тѣмъ невидимымъ, что возбуждаютъ въ душѣ и что ей темно напоминаетъ о жизни и о томъ, что далѣе жизни.

[1821. V—438/9].

Уваженіе даромъ не достается; оно дается только за постоянство въ добрѣ.

[1828. VI—370].

Хорошія книги — вѣрнѣйшіе друзья частнаго человѣка и настоящіе совѣтники государей; онѣ не льстятъ, а заставляютъ мыслить, и возбуждаютъ уваженіе ко всему человѣческому.

[Id. 372].

Геній есть общее добро; въ поклоненіи генію — всѣ народы родня. [1837. VI—16].

Примѣръ добрыхъ дѣлъ есть лучшее, что мы можемъ даровать тѣмъ, кто живетъ вмѣстѣ съ нами; память добрыхъ дѣлъ есть лучшее, что можемъ оставить тѣмъ, кто будетъ жить послѣ насъ.

[1828. VI—376].

Дѣло есть памятникъ земной жизни, мысль и чувство есть сокровище души, принадлежащее ей на все безконечное бытіе ея.

[1833. VI—388].

Жить въ памяти людей по смерти не есть мечта: это высокая надежда здѣшней жизни.

[1839. VI—48].

Любовь—сильнѣе смерти.

[1844. VI—55].

Точность есть экономія времени своего и чужаго. Ничто такъ безжалостно не тратится, какъ время; ибо оно тратится непримѣтно, по минутамъ, и совѣсть наша молчитъ при безпрестанныхъ, произвольныхъ убійствахъ этихъ минутъ.

[1845. VI—495].

Имя—великое дѣло, если только издѣтства познакомишься съ его знаменованіемъ и, такъ сказать, свыкнешься съ мыслію, что своею жизнію мы должны соотвѣтствовать своему имени, какъ книга соотвѣтствуетъ своимъ содержаніемъ своему титулу.

[Id. 484].

Послѣ зрѣлища прекрасной жизни нѣтъ на землѣ ничего величественнѣе зрѣлища прекрасной смерти.

[1840. VI—620].

IV.

Судьба Россіи.— Наши завоеванія.

Судьба Россіи заключается въ развитіи самодержавія.

[1848. VI—147].

Россія шла своимъ особеннымъ путемъ, и этотъ путь не измѣнился съ самаго начала ея исторической жизни, не смотря на безпорядки, происшедшіе отъ раздробленія на удѣлы, которое наконецъ произвело и долгое татарское иго. Двѣ главныя силы, исходящія изъ одного источника, властвовали и властвуютъ ея судьбою. Эти двѣ силы суть церковь и самодержавіе.

[Id. 164/5].

Она [Россія] есть отдѣльный, самобытный міръ; въ самой себѣ она тверда и неприкосновенна; устремленная на внѣшнее она только можетъ растратить свои силы и чужимъ потрясеніемъ разрушить свое собственное зданіе.

[Id. 541].

Наши завоеванія никогда не были чисто-завоевательными, а только образовательными пріобрѣтеніями.

[Id. 548].

Иванъ Андреевичъ Крыловъ.

(1768—1844).

Проза.

I.

Свобода мнѣній. Умные люди и дураки. Придворная, военная и статская служба.—Угожденіе начальникамъ.—Участь мудрецовъ.—Писатели и ученые. Актеры. Нравоученіе на театрѣ.

Каибъ [имя Калифа] ничего не начиналъ безъ согласія своего дивана; но какъ онъ былъ миролюбивъ, то, для избѣжанія споровъ, начиналъ свои рѣчи такъ: „Господа! я хочу того-то; кто имѣетъ на это возраженіе, тотъ можетъ свободно его объявить: въ ту же минуту получитъ онъ пятьсотъ ударовъ воловьею жилою по пятамъ, а послѣ мы разсмотримъ его голосъ". Такимъ удачнымъ предисловіемъ поддерживалъ онъ совершенное согласіе между собою и совѣтомъ и придавалъ своимъ мнѣніямъ такую вѣроятность, что разумнѣйшіе изъ дивана удивлялись ихъ премудрости.

И для того-то хотя иногда терпѣлъ онъ визирей съ крѣпкою головою, но не могъ терпѣть тѣхъ, у которыхъ были крѣпки подошвы. Такіе люди, говаривалъ онъ, всегда думаютъ, что они умнѣе другихъ, и они для меня не годятся. Мнѣ надобны визири, у которыхъ бы разумъ, безъ согласія ихъ пятокъ, ничего не начиналъ.

[1792. I—183].

Калифъ былъ разсчетистъ: обыкновенно, одного мудреца сажалъ между десяти дураковъ; умныхъ людей сравнивалъ онъ со свѣчами, которыхъ умѣренное число производитъ пріятный свѣтъ, а слишкомъ большое можетъ причинить пожаръ; и часто говаривалъ, что ему, для сохраненія добраго порядка, дураки по крайней мѣрѣ столько же нужны, какъ и умные люди.

[1792. I—194].

[На имянины къ богатому купцу Плуторѣзу собралось много гостей, въ томъ числѣ нѣсколько придворныхъ, драгунскій капитанъ Рубакинъ и судья Тихокрадовъ. Во время угощенія, рѣчь зашла о будущности сына хозяина Васи (14 лѣтъ), при чемъ одинъ изъ придворныхъ, драгунскій капитанъ и судья стали выхвалять достоинства своихъ званій, предлагая хозяину дома избрать одно изъ нихъ для своего сына. Придворный сказалъ между прочимъ имяниннику:]

„Дѣло состоитъ только въ томъ, чтобъ ты далъ двадцать тысячъ въ мои руки, которыя употреблю я въ его пользу; я помѣщу имя его въ списокъ отборнаго военнаго корпуса, сдѣлаю его дворяниномъ и потомъ пристрою его ко двору. Сколько же такое состояніе блистательно, ты самъ это знаешь, и надобно только имѣть глаза, чтобъ видѣть насъ во всемъ

нашемъ великолѣпіи, на усовершеніе котораго портные, бриліантщики, галантерейщики и многіе другіе художники истощаютъ все знаніе и искусство, чтобы тѣмъ показать цѣну нашихъ достоинствъ и дарованій... Богатыя одежды, сшитыя по послѣднему вкусу, прическа волосъ, пристойная сановитость, важность и уклончивость, соразмѣрныя времени, мѣсту и случаю; возвышеніе и пониженіе голоса въ произношеніи говоримыхъ словъ; выступка, ужимка, тѣлодвиженія и обороты отличаютъ насъ въ нашихъ заслугахъ и составляютъ нашу службу. Какое же состояніе можетъ быть завиднѣе и спокойнѣе нашего?"....

— Какъ, сударь, вскричалъ Рубакинъ, вы называете блистательнымъ то состояніе въ большомъ свѣтѣ, въ которомъ люди за свои достоинства обязаны нѣкоторымъ искусникамъ! Но изъ вашего мнѣнія можно дѣйствительно доказать, что тѣ самые искусники несравненно должны быть знатнѣе тѣхъ своихъ куколъ, которыхъ они украшая, даютъ цѣну ихъ достоинствамъ и... но что объ этомъ много говорить! Нѣтъ, любезный Плуторѣзъ, если ты хочешь, чтобъ сынъ твой былъ полезнѣе своему отечеству, то я совѣтую тебѣ записать его въ военную службу. Вообрази себѣ, какое это прекрасное состояніе, которое, можно по справедливости сказать, есть первѣйшее въ свѣтѣ, потому что не подвержено никакимъ строгостямъ, ниже какимъ опасностямъ, сопряженнымъ съ придворною жизнью. Военному человѣку нѣтъ ничего непозволеннаго: онъ пьетъ для того, чтобъ быть храбрымъ; перемѣняетъ любовницъ, чтобы не быть ничьимъ плѣнникомъ; играетъ для того, чтобы привыкнуть къ непостоянству счастія, такъ срод-

ному на войнѣ; обманываетъ, чтобы пріучить свой духъ къ военнымъ хитростямъ; а притомъ и участь его ему совершенно извѣстна, потому-что состоитъ только въ двухъ словахъ: чтобъ убивать своего непріятеля, или быть самому отъ него убитому; гдѣ онъ бьетъ, тамъ нѣтъ для него ничего священнаго, потому-что онъ долженъ заставлять себя бояться; если же его бьютъ, то ему стоитъ оборотить спину и имѣть хорошую лошадь; словомъ: военному человѣку нуженъ больше лобъ, нежели мозгъ; а иногда больше нужны ноги, нежели руки.

„Государь мой, — сказалъ, улыбаясь Тихокрадовъ, вы съ такимъ жаромъ говорите о своемъ званіи, что слушатели могутъ подумать, будто статское состояніе и въ подметки вашему негодится, хотя, не распложая пустыхъ словъ, я могу коротко сказать, что, служа въ моемъ состояніи, обязанъ я ему знатнымъ доходомъ, состоящимъ изъ десяти тысячъ; вступая же въ него, не имѣлъ я ни полушки; и—такъ одно это довольно могло бы доказать, что перо гораздо полезнѣе шпаги. Но я не люблю жаркихъ споровъ, а держусь лучше основательныхъ доказательствъ. Я не отрицаю выгоды военнаго человѣка: но знаете ли, что статское состояніе есть сборище лучшихъ выгодъ изъ всѣхъ другихъ состояній?“ — Какъ, вскричалъ Рубакинъ, вы подъячихъ сравниваете съ воинами? Но можете ли въ томъ успѣть? Одно это, когда мы возьмемъ какую крѣпость, сколько приноситъ намъ славы, и сколько потомъ чувствуемъ удовольствія, обогащая себя всѣмъ, что только на глаза наши тогда ни попадется. Кто другой можетъ имѣть такую волю, чтобъ, безъ малѣйшаго нарушенія права, присвоивать себѣ вещи, никогда ему непринадлежав-

нія? — „Постойте, постойте, прервалъ со скоростію Тихокрадовъ, дайте мнѣ докончить, вы тогда сами увидите, правду ли я сказалъ. Статскій человѣкъ столько же казаться можетъ блистательнымъ, сколько и придворный; онъ также можетъ пріобрѣтать себѣ дарованія пособіями тѣхъ самыхъ искусниковъ, которые своимъ искусствомъ составляютъ достоинства большей части придворныхъ. Чтожъ принадлежитъ до обогащенія его, то онъ имѣетъ еще то преимущество, что, не отлучаясь за нѣсколько сотъ или тысячъ верстъ, и не подвергая себя видимой опасности, какой подвергается воинъ, можетъ ежедневно обогащать себя и присвоивать вещи съ собственнаго согласія ихъ хозяевъ, которые почитаютъ за отмѣнную къ нимъ благосклонность, если отъ нихъ такія вещи принимаешь. Сверхъ того, статскій человѣкъ можетъ производить торгъ своими рѣшеніями точно также, какъ и купецъ. Если вы противъ этого скажете, что все это не позволено законами, то по крайней мѣрѣ должны въ томъ признаться, что въ свѣтѣ введенныя обыкновенія столь же сильны, какъ и самые законы“.

[1789. I—45/49].

[Судья Частобраловъ, въ отвѣтъ на письмо своего сына, жалующагося на условія своей службы, пишетъ:] „Низко ходить на поклонъ къ своему судьѣ! — Вотъ какой вздоръ! — Да я, братъ, и выросъ въ прихожей у своихъ командировъ, за то нынѣ и у себя въ прихожей людей выращиваю. Учтивость, другъ мой, шеи не вывихнетъ, а гордымъ и Богъ противится. Будто велика бѣда въ праздникъ сходить къ судьѣ на поклонъ! Вѣдь нечего же дѣлать. Къ обѣдни, скажешь ты мнѣ. — Къ обѣдни, другъ мой, ус-

нѣешь и отъ начальника, а если и некогда будетъ, то Богъ не взыщетъ, а совѣтникъ станетъ сердиться, если не придешь къ нему въ праздникъ поутру, и можетъ за это отометить. Богъ, по великой Своей благости, конечно, проститъ, когда покаешься; а бояре, вѣдь, и покаянія не принимаютъ.

„Я здѣсь знаю одного молодаго упрямца, который, такъ же, какъ и ты, опредѣлясь въ штатскую службу, думалъ, что совсѣмъ не нужно ходить на поклонъ, и хотѣлъ лучше угодить своему начальнику прилежностію къ своей должности; но онъ тѣмъ сдѣлался несчастливъ. Лучше бы было, если бы онъ прогулялъ, не бывши въ приказѣ сто дней, нежели пропустить шесть воскресеньевъ, не постоявъ въ передней у своего покровителя, который за то лишилъ его мѣста“.

[1789. I—130/1].

Премудраго человѣка весьма трудно замѣтить, прежде нежели пройдетъ триста лѣтъ послѣ его смерти; и потому-то многіе благоразумные народы сперва убивали своихъ мудрецовъ, а послѣ дѣлали имъ статуи; когда же вывелось это изъ употребленія, тогда сыскали лучшій способъ: допускали ихъ умирать въ нуждахъ, въ гоненіи и въ презрѣніи, спустя же послѣ ихъ смерти лѣтъ сто, говорили имъ похвальныя рѣчи.

[1793. I—303].

Въ большомъ свѣтѣ почитается за невѣжество, чтобъ не знать по названію вновь выходящихъ твореній, или чтобъ не знать именъ современныхъ писателей; но чтобъ читать тѣ сочиненія, то считается за потерю времени; а чтобъ имѣть знакомство съ авторами, то почитается низостію: ибо въ такихъ слу-

чаяхъ сравниваются они съ ремесленниками, которые однако жъ несравненно болѣе выигрываютъ въ своей жизни, нежели ученые.

[1789. I—31].

[Актеръ (комическій) защищается, между прочимъ, слѣдующими доводами противъ обвиненій въ презрѣнности и низости его ремесла:] Лучше заставлять народъ смѣяться, или принимать участіе въ мнимой своей печали, нежели заставлять его плакать худыми съ нимъ поступками. Есть шуты, которые очень дорого стоятъ народу, но мало его забавляютъ; а мы изъ числа тѣхъ, которымъ цѣна назначается отъ самихъ зрителей, по мѣрѣ нашего дарованія и прилежанія, а не пронсками и не по знатности покровителей; сверхъ же того, мы изъ числа тѣхъ шутовъ, которые не подвержены пороку публичной лести; мы и передъ самими царями говоримъ, хотя не нами выдуманную, однако-жъ истину; между тѣмъ, какъ вельможи, не смѣя передъ ними раскрывать философическихъ книгъ, читаютъ имъ только оды и надутыя записки объ ихъ побѣдахъ.

[1789. I—65].

Правоученіе должно извлекаться на театрѣ изъ дѣйствія.

[1793. I—330].

II.

1) Истинное состояніе человѣка. — Что дастъ цѣну человѣку. — Нынѣшній свѣтъ. Дворянинъ и мужикъ. Человѣкъ большаго свѣта. —Правила моднаго свѣта.—Наука убивать время.

Истинное состояніе человѣка не по тому называется богатымъ, или бѣднымъ, какъ другіе о немъ думаютъ, но по тому, какъ онъ самъ почитаетъ.

[—1789. I—8].

Что есть достойнаго человѣка? Что можетъ онъ произвести неподверженное разрушенію вѣковъ? Его слово, его мысли, — вотъ одно твореніе, дающее цѣну человѣку и избавляющее его отъ совершеннаго разрушенія.

[1792. I—219].

Этотъ свѣтъ есть ничто иное, какъ обширное зданіе, въ которомъ собрано великое множество маскированныхъ людей, изъ которыхъ, можетъ быть, большая часть, подъ наружною личиною, въ сердцахъ своихъ носитъ обманъ, злобу и вѣроломство.

[—1789. I—35].

На свѣтѣ этомъ всѣ, какъ повара, суетятся и готовятъ кушанье для другихъ, между тѣмъ, какъ сами хватаютъ съ такихъ блюдъ, которыя нечаянно подаются къ нимъ подъ-носъ.

[1792. I—236].

Чѣмъ болѣе живу я между людьми, тѣмъ больше кажется мнѣ, будто я окруженъ безчисленнымъ множествомъ куколъ, которыхъ самая малая причина заставляетъ прыгать, кричать, плакать и смѣяться. Знатная барыня заплачетъ, — и въ ту же минуту всѣ лица вокругъ нея сморщатся; большой баринъ улыбнулся, — и вдругъ собранныя вокругъ его машинки зачинаютъ хохотать во все горло. Никто не дѣлаетъ ничего по своей волѣ, но всѣ какъ будто на пружинахъ, которыми движутъ такія же машины, называемыя: свѣтская благопристойность, щекотливая честь, обряды и моды. Тебя, можетъ быть, удивляетъ слово честь, противъ которой я вооружаюсь; но знай, что это не та честь, которую разумѣли древніе: и я не знаю, почему эту пружину называютъ теперь честью. Древняя честь повелѣвала быть обходительну, а ны-

нѣшняя подымаетъ у всѣхъ своихъ машинъ вверхъ носы. Первая заставляла прощать обиды, а вторая, за нечаянно выговоренное слово, повелѣваетъ у своего мнимаго непріятеля обрѣзать уши, или убить его до смерти.

[—1789. I—162/3].

Сколько ни бредятъ философы, что, по родословной всего свѣта, мы братья, и сколько не твердятъ, что всѣ мы дѣти одного Адама, но благородный человѣкъ долженъ стыдиться такой философіи; и если уже необходимо надобно, чтобъ наши слуги происходили отъ Адама, то мы лучше согласимся признать нашимъ праотцемъ осла, нежели быть равнаго съ ними происхожденія. Пусть кричатъ ученые, что вельможа и нищій имѣютъ подобное тѣло, душу, страсти, слабости и добродѣтели; если это правда, то тутъ не вина благородныхъ, но вина природы, что она производитъ ихъ на свѣтъ такъ же, какъ и подлѣйшихъ простолюдиновъ, и что никакими выгодами не отличаетъ нашего брата, дворянина: это знакъ ея лѣности и нерачепія. Къ стыду ея и къ сожалѣнію нашему, не выдумала она ничего, чѣмъ бы отличался нашъ братъ, дворянинъ, отъ мужика, и не прибавила намъ ни одного пальца, въ знакъ нашего преимущества передъ крестьяниномъ.

[1792. I—267].

Человѣку большаго свѣта не нужно имѣть ни сердца, ни ума, и тотъ уже довольно одаренъ отъ природы, кто имѣетъ проворный языкъ, и можетъ не уставая говорить по десяти часовъ сряду.

[1792, I—291].

Мои правила: 1. Съ самаго начала, какъ станешь себя помнить, затверди, что ты благородный чело-

вѣкъ, что ты дворянинъ и, слѣдовательно, что ты родился только поѣдать тотъ хлѣбъ, который посѣютъ твои крестьяне, словомъ: вообрази, что ты счастливый трутень, у котораго не обгрызаютъ крыльевъ, и что дѣды твои только для того думали, чтобы доставить твоей головѣ право ничего не думать. 2. Привыкай заранѣе шутить надъ тѣмъ, что для предковъ нашихъ было священно. Ни что такъ не блистательно, какъ молодой человѣкъ, когда онъ шутитъ надъ важными вещами, не понимая ихъ: при всей мелкости своего ума, онъ тогда такъ малъ, какъ болонская собачка, которая бросается на драгунскаго рослаго капитана и хочетъ его разорвать, между тѣмъ, какъ онъ равнодушно куритъ трубку, не занимаясь ея гнѣвомъ. 4. Будь насмѣшливъ сколько можно. Молодой человѣкъ, умѣющій осмѣять и подшутить, ищется, какъ кладъ, въ лучшія общества. Злословецъ не можетъ быть дуракъ, — вотъ опредѣленіе моднаго свѣта! Но не будь низокъ и не шути надъ тѣмъ, что въ самомъ дѣлѣ достойно осмѣянія. 6. Умѣй говорить не думая. Думать прилично ученому, а ученье не пристало щеголю, и ты долженъ остерегаться, чтобъ не сказать чего умнаго. Молодой человѣкъ, который говоритъ умно, очень глупъ въ большомъ свѣтѣ; но ты долженъ быть забавенъ. Старайся говорить какъ попугай — и ты прослывешь острякомъ; выучи поутру нѣсколько чужихъ острыхъ словъ и умѣй ихъ высказать кстати. 7. Остерегайся быть скроменъ, или ты заставишь думать, что тебѣ нечего сказывать, — а это большой недостатокъ.

Вотъ, любезные мои собратія, маленькій опытъ правилъ, столь необходимыхъ тому, кто хочетъ съ успѣхомъ блистать въ модномъ свѣтѣ!

[1792. I—294 8].

Наука убивать время, есть одна наука, прямо достойная благороднаго человѣка, который умѣетъ чувствовать, что небо дало ему голову только для того, чтобы она пересказывала, когда желудку его нужна пища.

[1793. I—300].

2) Мужъ и жена.—Женщины.

Если мужъ и жена умны, то въ домѣ никогда не бывать доброму согласію, потому-что никто изъ нихъ слѣпымъ быть не захочетъ; а когда они оба глупы, то должно ожидать скораго разоренія ихъ дому. Но чтобы составить счастливое семейство, надобно неотмѣнно или дурака женить на умницѣ, или умному брать дуру: тогда-то одна половина можетъ веселиться, а другая, разиня ротъ, будетъ ожидать повелѣній, или довольствоваться мнимою властію, между тѣмъ, какъ ее за носъ водятъ.

[—1789. I—91].

Бѣдные мужчины! Женщины не для чего иного ищутъ носить ваше имя, какъ желая употребить его во зло, чтобъ избавиться отъ строгости родителей, которые сами часто думаютъ, что исполнили со всею святостію свой долгъ, если дочь ихъ до замужества была честною дѣвушкою, и никогда не заботятся о томъ, чтобъ была она честною женою; а молодыя женщины, сдѣлавшись свободными, послѣдуютъ въ вѣрности примѣру своихъ мужей, которые едва не первые ли бываютъ развратителями ихъ добродѣтели: и я не знаю, почему мужчины не почитаютъ себя столько же обязанными въ вѣрности, сколько требуютъ того отъ женщинъ.

[—1789. I—96/7].

Благоразумная женщина нынѣшняго свѣта лучше согласится десять разъ въ день убрать по модѣ голову своего мужа, нежели остыдить себя, показавшись въ общество во вчерашнемъ уборѣ.

[—1789. I—29].

У насъ съ женою такъ же поступаютъ, какъ съ платьемъ: приходятъ въ безтолный рядъ, выбираютъ то, которое побогаче, платятъ за него деньги и относятъ домой; тогда-то уже увидятъ, что платье или не впору, или дурно сшито: и усмотря свою ошибку, вѣшаютъ его въ гардеробъ, на мѣсто его выбираютъ другое, и на него никогда уже не взглядываютъ, а только пишутъ его въ реестрѣ своемъ, хотя нерѣдко камердинеры и знакомые имъ пользуются. Дѣти, которыя приписываются такому прекрасному супружеству, воспитываются съ ровною съ обѣихъ сторонъ прилежностію. Мужъ, не почитая это за свое дѣло, думаетъ, что и того довольно съ его стороны сдѣлано, когда они носятъ его имя; а жена, видя, какъ мало думаетъ о нихъ тотъ, кто причиною ихъ рожденія, сама старается перещеголять его въ нерадѣніи; и такія-то прекрасныя отрасли готовятся современемъ занимать какія-нибудь важныя мѣста въ государствѣ!

[Id. 75/6].

Есть ли хотя одна и самая гадкая женщина, которую бы зеркало не увѣряло, что она довольно хороша?

[Id. 54].

Женщины играютъ въ политикѣ не малое лицо: онѣ движутъ всѣми пружинами правленія, и чрезъ нихъ дѣлаются самыя большія и малыя дѣла.

[Id. 117].

Пригожая женщина всякую ложь можетъ сдѣлать истиной.

[Id. 127].

Въ нынѣшнемъ просвѣщенномъ вѣкѣ женщина большаго свѣта сравнена съ голландскимъ сыромъ, который тогда только хорошъ, когда онъ попорченъ.

[1792. I—290].

III.

Безтолковые.—Совѣты.—Ода.—Нынѣшніе города.

Лучше имѣть дѣло съ чертями, или съ колдунами, нежели съ безтолковыми.

[1789. I—4].

Чѣмъ глупѣе голова, тѣмъ она щедрѣе на совѣты.

[1792. I—194/5].

Ода какъ шелковый чулокъ, который всякій старается растягивать на свою ногу.

[Id. 199].

Города нынѣ гораздо опаснѣе, нежели большія дороги.

[1789. I—38].

IV.

Прежнее и нынѣшнее воспитаніе русскихъ.

Еще не прошло одного вѣка, какъ жители здѣшніе сами воспитывали своихъ дѣтей и толковали имъ только о томъ, чтобъ были они честными людьми, храбрыми на войнѣ и твердыми въ перемѣнахъ счастія. Теперь же, по прошествіи варварскихъ временъ, вздумали, что тотъ не можетъ быть хорошимъ гражданиномъ, кто не умѣетъ танцовать, прыгать, вертѣться, говорить по французски и болтать цѣ-

лый день, не затворяя рта, въ бесѣдахъ. Къ такому воспитанію необходимо понадобились французы. Теперь не жалѣютъ ничего, чтобы сдѣлать дѣтей своихъ пріятными въ большомъ свѣтѣ, и для того учатъ ихъ хорошо кланяться, держать себя всегда въ лучшемъ положеніи и не говорить здѣшнимъ языкомъ, но иностраннымъ. Имъ не говорятъ ни слова о томъ, что есть добродѣтель и полезна ли она. Отцы совѣтуютъ всегда имѣть въ наличности деньги, которыя могутъ замѣнить достоинства и поправлять недостатки.

[—1789. I—151].

Басни.

I.

1) Безбожники.

Вѣдайте, народы,...
Что мнимыхъ мудрецовъ кощунства толки смѣлы.
Чѣмъ противъ Божества вооружаютъ васъ.
Погибельный вашъ приближаютъ часъ,
И обратятся всѣ въ громовыя вамъ стрѣлы.

[1814—35].

2) Свобода — Высокій санъ. — Военныя и гражданскія власти. — Знатность и сила при отсутствіи ума. — Трата рѣчей по пустому.—Трудъ на общую пользу.—Низость души при высокомъ положеніи.—Безсовѣстные люди.—Отечество и чужая сторона. Знаніе своего мѣста.

Какъ ни примашчива свобода;
Но для народа
Не меньше гибельна она
Когда разумная ей мѣра не дана.

[1814 - 136/7]

О вы, кому въ удѣлъ судьбою данъ
Высокій санъ!
Вы съ солнца моего примѣръ себѣ берите!
Смотрите:
Куда лишь лучъ его достанетъ, тамъ оно,
Былинкѣ ль, кедру ли, благотворитъ равно,
И радость по себѣ, и счастье оставляетъ;
За то и видъ его горитъ во всѣхъ сердцахъ,
Какъ чистый лучъ въ восточныхъ хрусталяхъ,
И все его благословляетъ.
[1823—15].

Держава всякая сильна,
Когда устроены въ ней всѣ премудро части:
Оружіемъ—врагамъ она грозна,
А паруса—гражданскія въ ней власти.
[1829.—270].

Кто знатенъ и силенъ,
Да не уменъ,
Такъ худо, ежели и съ добрымъ сердцемъ онъ.
[1808—72].

А гдѣ пастухъ дуракъ, тамъ и собаки дуры.
[1811.—83].

А я бы повару иному
Велѣлъ на стѣнкѣ зарубить:
Чтобъ тамъ рѣчей не тратить по пустому,
Гдѣ нужно власть употребить.
[1812.—88/9].

Счастливъ, кто на чредѣ трудится знаменитой:
Ему и то ужъ силы придаетъ,
Что подвиговъ его свидѣтель цѣлый свѣтъ;
Но сколь и тотъ почтенъ, кто, въ низости сокрытый,
За всѣ труды, за весь потерянный покой,
Ни славою, ни почестьми не льстится,

И мыслью оживленъ одной,
Что къ пользѣ общей онъ трудится.

[1813.—61].

Въ породѣ и въ чинахъ высокость хороша:
Но что въ ней прибыли, когда низка душа?

[1815.—25].

Какой порядокъ ни затѣй,
Но если онъ въ рукахъ безсовѣстныхъ людей —
Они всегда найдутъ уловку,
Чтобъ сдѣлать тамъ, гдѣ имъ захочется, сноровку.

[1816.—140].

Кто съ пользою отечеству трудится,
Тотъ съ нимъ легко не разлучится;
А кто полезнымъ быть способности лишенъ,
Чужая сторона тому всегда пріятна:
Не бывши гражданинъ, тамъ менѣ презрѣнъ онъ,
И никому его тамъ праздность не досадна.

[1819.—196].

Когда не хочешь быть смѣшонъ,
Держися званія, въ которомъ ты рожденъ.
Простолюдинъ со знатью не роднися;
И если карлой сотворенъ,
То въ великаны не тянися
А помни свой ты чаще ростъ.

[1825.—251/2].

5) Просвѣщенье. — Дерзкій умъ. — Вредное ученье. — Невѣжда. — Дурное воспитаніе.—Таланты и критика.

Полезно ль просвѣщенье?
Полезно, слова нѣтъ о томъ;
Но просвѣщеніемъ зовемъ
Мы часто роскоши прельщенье
И даже нравовъ развращенье:

Такъ надобно гораздо разбирать,
Какъ станешь грубости кору съ людей сдирать,
Чтобъ съ ней и добрыхъ свойствъ у нихъ не растерять,
Чтобъ не ослабить духъ ихъ, не испортить нравы,
Не разлучить ихъ съ простотой,
И, давши только блескъ пустой,
Безславья не навлечь имъ вмѣсто славы.
[1812.—31/2].

Хотя въ ученьи зримъ мы многихъ благъ причину;
Но дерзкій умъ находитъ въ немъ пучину
И свой погибельный конецъ;
Лишь съ разницею тою,
Что часто въ гибель онъ другихъ влечетъ съ собою.
[1813.—149].

Старайтесь не забыть, отцы, вы басни сей:
Ученьемъ вреднымъ съ юныхъ дней
Намъ стоитъ разъ лишь напитаться,
А тамъ во всѣхъ твоихъ поступкахъ и дѣлахъ,
Каковъ ни будь ты на словахъ,
А все имъ будешь отзываться.
[1814.—51].

Какъ ни полезна вещь, — цѣны не зная ей,
Невѣжда про нее свой толкъ все къ худу клонитъ;
А ежели невѣжда познатнѣй,
Такъ онъ ее еще и гонитъ.
[1815.—27].

Невѣжда также въ ослѣпленьѣ
Бранитъ науки и ученье,
И всѣ ученые труды,
Не чувствуя, что онъ вкушаетъ ихъ плоды.
[1825.—226].

Отцы и матери! вамъ басни сей урокъ.
Я разсказалъ ее не дѣтямъ въ извиненье:
Къ родителямъ въ нихъ непочтенье
И нелюбовь — всегда порокъ;

Но если выросли они въ разлукѣ съ вами,
И вы ихъ ввѣрили наемничьимъ рукамъ
Не вы ли виноваты сами,
Что въ старости отъ нихъ утѣхи мало вамъ?
[1817 — 183].

Орламъ случается и ниже куръ спускаться;
Но курамъ никогда до облакъ не подняться!
Когда таланты судишь ты,
Считать ихъ слабости трудовъ не трать напрасно;
Но, чувствуя, что въ нихъ и сильно, и прекрасно,
Умѣй различны ихъ постигнуть высоты.
[1808.—36/7].

Не дай Богъ никого сравненьемъ мнѣ обидѣть!
Но какъ же критика хавроньей не назвать,
Который, что ни станетъ разбирать,
Имѣетъ даръ одно худое видѣть?
[1811.—105].

Таланты истинны за критику не злятся:
Ихъ повредить она не можетъ красоты.
[1816.—139].

II.

Друзья и дружба.—Величаніе себя въ другихъ.—Пристрастіе пріятелей.—Взаимныя похвалы.—Обвиненіе и наказываніе безъ разбору.—Безполезный трудъ.—Воръ.—Невольное смиреніе.—Чужія и свои ошибки.—Взяточникъ.—Забота о собственной выгодѣ.—Несогласіе въ товарищахъ.—Неуживчивость.—Хвастуны.—Чужое ремесло.—Себялюбіе.—Завистники.—Фортуна.—Лѣнь при дарованіи.—Истинная доброта.—Въ бѣдѣ и послѣ бѣды.—Дареніе ненужнаго.—Не берись не за свое дѣло.—Трусъ.—Нелюбовь къ сатирѣ.—Сваливаніе своей вины на другаго.—Чрезмѣрное самолюбіе.—Хвастливость и истинное величіе.—Лѣность.—Лицемѣріе.—Предательство.—Умѣнье добрую наружность сохранить.—Хожденье на заднихъ лапкахъ.—Мотовство и скупость.—Шалость.—Предпочтеніе дураковъ умнымъ людямъ.—Обманъ.—Плутъ въ знатномъ чинѣ.—Толки о чужомъ дѣлѣ и пренебреженіе къ собственному.—Дѣлецъ, похожій на бѣлку въ колесѣ.—Умѣнье просто взяться за дѣло.—Перениманье съ умомъ и безъ ума.—Глупость.

На свѣтѣ таково жъ: коль въ нужду попадешься,
Отвѣдай сунуться къ друзьямъ:

Начнутъ совѣтывать и вкось тебѣ, и впрямь;
А чуть о помощи на дѣлѣ заикнешься,
То лучшій другъ
И нѣмъ, и глухъ.
[1811.—80].

Про нынѣшнихъ друзей льзя молвить, не грѣша,
Что въ дружбѣ всѣ они едвали не одинаки:
Послушать—кажется, одна у нихъ душа;
А только кинь имъ кость, такъ что твои собаки!
[1815.—49].

На языкѣ легка и ласка, и услуга;
Но въ нуждѣ лишь узнать прямаго можно друга.
[1816.—162].

Когда почтенъ быть хочешь у людей—
Съ разборомъ заводи знакомства и друзей!
[1825.—225].

Въ комъ сердце такъ сотворено,
Что дружбы, ни любви не чувствуетъ оно,
И ненависть одну ко всѣмъ питаетъ,
Тотъ всякаго своимъ злодѣемъ почитаетъ.
[Id. 232].

Видалъ Ѳедюшъ на свѣтѣ я,
Которымъ ихъ друзья
Вскарабкаться на верхъ усердно помогали,
А послѣ ужъ отъ нихъ скорлупки не видали!
[1836.—291/2].

Нерѣдко мы, хотя того не примѣчаемъ,
Себя въ другихъ охотно величаемъ.
[1816.—168].

Есть люди: будь лишь имъ пріятель,
То первый ты у нихъ и геній, и писатель.
[1825.—250].

За что же, не боясь грѣха,
Кукушка хвалитъ пѣтуха?—
За то, что хвалитъ онъ кукушку.
[1836—296].

Коль въ домѣ станутъ воровать
А нѣтъ прилики вору,
То берегись клепать,
Или наказывать всѣхъ сплошь и безъ разбору:
Ты вора этимъ не уймешь
И не исправишь,
А только добрыхъ слугъ съ двора бѣжать заставишь
И отъ меньшой бѣды въ большую попадешь.
[1809.—80].

Какъ хочешь ты трудись,
Но пріобрѣсть не льстись
Ни благодарности, ни славы,
Коль нѣтъ въ твоихъ трудахъ ни пользы, ни забавы.
[1811.—84].

Въ комъ есть и совѣсть, и законъ,
Тотъ не украдетъ, не обманетъ,
Въ какой бы нуждѣ ни былъ онъ;
А вору дай хоть милліонъ —
Онъ воровать не перестанетъ.
[Id. 95].

Какъ много ручейковъ текутъ такъ смирно, гладко
И такъ журчатъ для сердца сладко,
Лишь только оттого, что мало въ нихъ воды.
[1812.—55].

Какъ въ людяхъ многіе имѣютъ слабость ту же:
Все кажется въ другомъ ошибкой намъ;
А примешься за дѣло самъ,
Такъ напроказишь вдвое хуже.
[Id. 70].

Иной при мѣстѣ такъ вздыхаетъ,
Какъ будто рубль послѣдній доживаетъ:
И подлинно, весь городъ знаетъ,
Что у него ни за собой,
Ни за женой;

А смотришь: помаленьку
То домикъ выстроитъ, то купитъ деревеньку.
Теперь, какъ у него приходъ съ расходомъ свесть,
Хоть по суду и не докажешь,
Но какъ не согрѣшишь, не скажешь,
Что у него пушокъ на рыльцѣ есть.
[1813.—55/6].

Въ дѣлахъ, которыя гораздо поважнѣй,
Нерѣдко отъ того погибель всѣмъ бываетъ,
Что, чѣмъ бы общую бѣду встрѣчать дружнѣй,
Всякъ споры затѣваетъ
О выгодѣ своей.
[1812.—50].

Когда въ товарищахъ согласья нѣтъ—
На ладъ ихъ дѣло не пойдетъ,
И выйдетъ изъ него не дѣло, только мука.
[1814.—118].

Чѣмъ правомъ кто дурнѣй,
Тѣмъ болѣе кричитъ и ропщетъ на людей:
Не видитъ добрыхъ онъ, куда ни обернется,
А первый самъ ни съ кѣмъ не уживется.
[1813.—66/7].

Надъ хвастунами хоть смѣются,
А часто въ дѣлежѣ имъ доли достаются.
[Id.—63].

Бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ,
А сапоги тачать пирожникъ:
И дѣло не пойдетъ на ладъ;
Да и примѣчено стократъ,
Что кто за ремесло чужое браться любитъ,
Тотъ завсегда другихъ упрямѣй и вздорнѣй:
Онъ лучше дѣло все погубитъ,
И радъ скорѣй
Посмѣшищемъ стать свѣта,

Чѣмъ у честныхъ и знающихъ людей
Спросить, иль выслушать разумнаго совѣта.
[Id. 63/4].

На свѣтѣ много мы такихъ людей найдемъ,
Которымъ все, кромѣ себя, постыло,
И кои думаютъ: лишь мнѣ бы ладно было,
А тамъ весь свѣтъ гори огнемъ.
[1814.—174].

Завистники, на что ни взглянутъ,
Подымутъ вѣчно лай;
А ты себѣ своей дорогою ступай:
Полаютъ да отстанутъ.
[Id. 57].

А что бываетъ тожъ съ фортуною у насъ:
Иной лишь трудъ и время губитъ,
Стараяся настичь ее изъ силы всей;
Другой, какъ кажется, бѣжитъ совсѣмъ отъ ней;
Такъ нѣтъ, за тѣмъ она сама гоняться любитъ.
[Id. 158/9].

На укоризну мы фортунѣ тароваты:
Кто не въ чинахъ, кто не богатъ,
За все про все ее бранятъ;
А поглядишь, такъ сами виноваты.
[1816.—178].

Такъ дарованіе безъ пользы свѣту вянетъ,
Слабѣя всякій день,
Когда имъ овладѣетъ лѣнь,
И оживлять его дѣятельность не станетъ.
[Id. 122].

Кто добръ по истинѣ: не расположая слова,
Въ молчаньи тотъ добро творитъ;
А кто про доброту лишь въ уши всѣмъ жужжитъ,
Тотъ часто только добръ на счетъ другаго,
Затѣмъ, что въ этомъ нѣтъ убытка никакого.
[Id. 140].

Кто добръ, тому избытки въ тягость,
Коль онъ ихъ съ ближнимъ не дѣлитъ.

[Id. 110].

Когда у насъ бѣда надъ головой,
То рады мы тому молиться,
Кто вздумаетъ за насъ вступиться;
Но только съ плечь бѣда долой,
То избавителю отъ насъ же часто худо:
Всѣ взапуски его бранятъ,
И если онъ у насъ не виноватъ,
Такъ это чудо!

[1815.—67/8].

Охотно мы даримъ,
Что намъ ненадобно самимъ.

[1816—116].

Берись за то, къ чему ты сроденъ,
Коль хочешь, чтобъ въ дѣлахъ успѣшный былъ конецъ....
Пой лучше хорошо щеглепкомъ,
Чѣмъ дурно соловьемъ.

[Id. 119].

Когда боится трусъ кого,
То думаетъ, что на того
Весь свѣтъ глядитъ его глазами.

[Id. 144].

Такихъ примѣровъ много въ мірѣ:
Не любитъ узнавать никто себя въ сатирѣ.
Я даже видѣлъ то вчера:
Что Климычъ на руку нечистъ, всѣ это знаютъ;
Про взятки Климычу читаютъ,
А онъ украдкою киваетъ на Петра.

[Id. 154].

Какъ часто что-нибудь мы сдѣлавши худаго,
Кладемъ вину въ томъ на другаго,
И какъ нерѣдко говорятъ:
„Когдабъ не онъ, и въ умъ бы мнѣ не впало!“
А ежели людей не стало,
Такъ ужъ лукавый виноватъ,
Хоть тутъ его совсѣмъ и не бывало.

[Id. 176].

Кто самолюбіемъ чрезъ мѣру зараженъ,
Тотъ милъ себѣ и въ томъ, чѣмъ онъ другимъ смѣшонъ;
И часто тѣмъ ему случается хвалиться,
Чего бы долженъ онъ стыдиться.

[Id. 183].

Поколѣ совѣсть въ насъ чиста,
То правда намъ мила, и правда намъ свята,
Ее и слушаютъ, и принимаютъ;
Но только сталъ кривить душой,
То правду далѣ отъ ушей.

[1818. 184].

Кто про свои дѣла кричитъ всѣмъ безъ умолку,
Въ томъ, вѣрно, мало толку;
Кто дѣловъ истинно—тихъ часто на словахъ.
Великій человѣкъ лишь громокъ на дѣлахъ,
И думаетъ свою онъ крѣпку думу
Безъ шуму.

[1819.—186/7].

Какъ часто говорятъ въ дѣлахъ: еще успѣю;
Но надобно признаться въ томъ,
Что это говорятъ, спросяся не съ умомъ,
А съ лѣностью своею.
И такъ, коль дѣло есть, скорѣй его кончай,
Иль послѣ на себя ропщи, не на случай,
Когда оно тебя застанетъ невзначай.

[Id. 189].

Когда извѣриться въ себѣ ты дашь причину,
Какъ хочешь ты мѣняй личину:
Себя подъ нею не спасешь.
[Id. 201].

Не льстись предательствомъ ты счастіе сыскать!
У самыхъ тѣхъ всегда въ глазахъ предатель низокъ,
Кто при нуждѣ его не ставитъ въ грѣхъ ласкать;
И первый завсегда къ бѣдѣ предатель близокъ.
[Id.—206].

Какъ часто я слыхалъ такое разсужденье:
„По мнѣ пускай, что хочешь, говорятъ,
Лишь былъ бы я въ душѣ невиноватъ!"
Нѣтъ; надобно еще умѣнье,
Коль хочешь въ людяхъ ты себя не погубить,
И добрую наружность сохранить.
[Id. 213].

Какъ счастье многіе находятъ
Лишь тѣмъ, что хорошо на заднихъ лапкахъ ходятъ.
[1824.—247].

Видалъ я иногда,
Что есть такіе господа
(И эта басенка имъ сдѣлана въ подарокъ),
Которымъ тысячей не жаль на вздоръ сорить,
А думаютъ хозяйству подспорить,
Коль свѣчки сберегутъ огарокъ,
И рады за него съ людьми поднять содомъ.
Съ такою бережью диковинка-ль, что домъ
Скорешенько пойдетъ вверхъ дномъ?
[1825.—219].

Погода къ осени дождливѣй,
А люди къ старости болтливѣй;
Но чтобы дѣла мнѣ не выпустить изъ глазъ,
То выслушай: слыхалъ я много разъ,

Что, легкіе проступки ставя въ малость,
Въ нихъ извинить себя хотятъ,
И говорятъ:
За что винить тутъ? это шалость;
Но эта шалость намъ къ паденью первый шагъ:
Она становится привычкой, послѣ — страстью,
И, увлекая насъ въ порокъ съ гигантской властью,
Намъ не даетъ опомниться никакъ.

[Id.—222].

„А я, мой другъ, тебя увѣрить смѣю,
Что бритвою тупой изрѣжешься скорѣй,
А острою обрѣешься вѣрнѣй:
Умѣй владѣть лишь ею".

—

Вамъ пояснить разсказъ мой я готовъ:
Не такъ ли многіе, хоть стыдно имъ признаться,
Съ умомъ людей боятся,
И терпятъ при себѣ охотнѣй дураковъ?

[1829.—262].

Почти у всѣхъ во всемъ одинъ разсчетъ:
Кого кто лучше проведетъ,
И кто кого хитрѣй обманетъ.

[1830.—268].

И у людей въ чинахъ
Съ плутами тажъ бѣда: пока чинъ малъ и бѣденъ,
То плутъ не такъ еще примѣтенъ;
Но важный чинъ на плутѣ, какъ звонокъ
Звукъ отъ него и громокъ, и далекъ.

[1830.—271/2].

Иному до чего нѣтъ дѣла,
О томъ толкуетъ онъ охотнѣе всего:
Что будетъ съ Индіей, когда и отчего,
Такъ ясно для него;

А поглядишь — у самого
Деревня между глазъ сгорѣла.

[1830.—282/3].

Посмотришь на дѣльца инаго:
Хлопочетъ, мечется — ему дивятся всѣ;
Онъ, кажется, изъ кожи рвется,
Да только все впередъ не подается,
Какъ бѣлка въ колесѣ.

[1833.—285].

Случается нерѣдко намъ
И трудъ, и мудрость видѣть тамъ,
Гдѣ стоитъ только догадаться,
За дѣло просто взяться.

[1808.—6].

Когда перенимать съ умомъ, тогда не чудо
И пользу отъ того сыскать;
А безъ ума перенимать,
И, Боже сохрани, какъ худо!

[Id. 21].

Мнѣ хочется, невѣждамъ не во гнѣвъ,
Весьма старинное напомнить мнѣнье:
Что если голова пуста,
То головѣ ума не придадутъ мѣста.

[Id. 12].

III.

Ларчикъ.—Умный секретарь.—Моська.—Сила и умъ.—Синица.—Хвали.—Гуси.—Музыканты.—Заяцъ.—Трудовой хлѣбъ.—Услуга въ дружбѣ.—Чужая бѣда.—Совѣты.—Слонъ.—Вода въ морѣ. Хвала врага.—Смерть.—Кошка и соловей.—Ни пава, ни ворона.—Сила и лукавство.—Преступное и злое изъ пустаго.—Не плюй въ колодезь.

А ларчикъ просто открывался.

[1808.—7].

Я слышалъ — правда-ль? — будто встарь
Судей такихъ видали,

Которые весьма умны бывали,
Пока у нихъ былъ умный секретарь.

[Id. 13/14].

Ай, моська! знать она сильна,
Что лаетъ на слона!

[Id. 82].

Быть сильнымъ хорошо, быть умнымъ лучше вдвое...

Сила безъ ума сокровище плохое.

[1809.—298].

Надѣлала синица славы,
А моря не зажгла.

[1811.—23].

Хвалы приманчивы—какъ ихъ не пожелать!

[Id. 84].

Басню эту можно бы и болѣ пояснить;
Да чтобъ гусей не раздразнить.

[Id. 103].

А вы, друзья, какъ ни садитесь,
Все въ музыканты не годитесь.

[Id.—114].

А заяцъ за ушко медвѣжье тутъ же тянетъ.

[1813.—63].

Хлѣбъ слаще, нажитый трудомъ!

[Id. 131].

Услуга въ дружбѣ—вещь святая.

[1814.—51].

Чужой бѣдѣ не смѣйся.

[Id.—145].

Не презирай совѣта ничьего,
Но прежде разсмотри его.

[Id.—111].

Слона-то я и не примѣтилъ.

[Id. 133].

А въ морѣ безъ тебя, мой другъ, воды довольно.

[1815.—169].

Кого намъ хвалитъ врагъ, въ томъ, вѣрно, проку нѣтъ.

[Id. 42].

Надъ смертью издали шути, какъ хочешь, смѣло;
Но смерть вблизи — совсѣмъ иное дѣло.

[1819.—202].

Худыя пѣсни соловью
Въ когтяхъ у кошки.

[1824.—248].

И сдѣлалась моя Матрена
Ни пава, ни ворона.

[1825.—253[.

Гдѣ силой взять нельзя, тамъ надо полукавить.

[1830.—282].

Гдѣ силой взять нельзя, тамъ надобна ухватка.

[1836.—291].

Какъ много изъ пустаго
На свѣтѣ дѣлаютъ преступнаго и злаго.

[1834.—293].

Не попусту въ народѣ говорится:
Не плюй въ колодезь — пригодится
Воды напиться.

[Id. 295].

• • • ◆ • • •

Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ.
(1795—1829).

Стихи.

Горе отъ ума.
(1823).

Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ.

Судьба — проказница, шалунья,
Опредѣлила такъ сама:
Всѣмъ глупымъ счастье отъ безумья,
Всѣмъ умнымъ—горе отъ ума.
[II—220].

Нашъ сѣверъ. — Вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій. — Смѣшеніе французскаго съ нижегородскимъ. — Кто судьи.— Московскія дамы. — Подражательницы модистокъ. — Идеалъ московскихъ мужей.

Но хуже для меня нашъ Сѣверъ во сто кратъ
Съ тѣхъ поръ, какъ отдалъ все въ обмѣнъ, на
новый ладъ,
И нравы, и языкъ, и старину святую,
И величавую одежду на другую
По шутовскому образцу.
[Чацкій.—311].

Какъ посравнить, да посмотрѣть
Вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій—
Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ.
Какъ и тотъ славился, чья чаще гнулась шея;
Какъ не въ войнѣ, а въ мирѣ брали лбомъ—
Стучали объ полъ, не жалѣя!?

Кому нужда — тѣмъ спѣсь, лежи они въ пыли,
А тѣмъ, кто выше, лесть какъ кружево плели.
Прямой былъ вѣкъ покорности и страха,
Все подъ личиною усердія къ царю!
[Id.—249].

Здѣсь *) нынче тонъ каковъ?
На съѣздахъ, на большихъ, по праздникамъ приходскимъ
Господствуетъ еще смѣшенье языковъ
Французскаго съ нижегородскимъ?
[Id.—240].

А судьи кто?.. За древностію лѣтъ,
Къ свободной жизни ихъ вражда непримирима;
Сужденья черпаютъ изъ забытыхъ газетъ
Временъ Очаковскихъ и покоренья Крыма.
[Id.—259].

Когда изъ гвардіи, иные отъ двора,
Сюда на время пріѣзжали,
Кричали женщины: ура!
И въ воздухъ чепчики бросали.
[Id.—261].

Чацкій.

На комъ жениться мнѣ?

Графиня внучка.

Въ чужихъ краяхъ на комъ?
О! нашихъ тьма, безъ дальнихъ справокъ,
Тамъ женятся и насъ дарятъ родствомъ
Съ искусницами модныхъ лавокъ.

---

*) Въ Москвѣ.

Чацкій.

Несчастные! Должны-ль упреки несть
От подражательницъ модисткамъ
За то, что смѣли предпочесть
Оригиналы спискамъ?

[Id.—292].

Мужъ—мальчикъ, мужъ—слуга, изъ женниныхъ пажей—
Высокій идеалъ московскихъ всѣхъ мужей.

[Id.—337].

Общественное мнѣніе.— Служить и прислуживаться. - Умѣренность и аккуратность. — Чины. — Дѣло и бездѣлье. — Чтеніе глупостей. — Свое сужденье имѣть. — Молчалинъ. — Кто не страненъ. — Рожденіе дѣтей. - Постоянный вкусъ въ мужьяхъ.

О! если-бъ кто въ людей проникъ,
Что хуже въ нихъ—душа или языкъ?
Чье это сочиненье?
Повѣрили глупцы, другимъ передаютъ,
Старухи вмигъ тревогу бьютъ—
И вотъ общественное мнѣнье!

[Чацкій.—324].

Служить-бы радъ—прислуживаться тошно!

[Id.—247].

Чацкій.

Взманили почести и знатность?

Молчалинъ.

Нѣтъ-съ, свой талантъ у всѣхъ..

Чацкій.

У васъ?

Молчалинъ.

Два-съ:
Умѣренность и аккуратность.

Чацкій.

Чудеснѣйшіе два! и стоютъ нашихъ всѣхъ!

Молчалинъ.

Вамъ не дались чины? по службѣ неуспѣхъ?

Чацкій.

Чины людьми даются,
А люди могутъ обмануться.

[Id.—280/81].

Когда въ дѣлахъ,—я отъ веселій прячусь;
Когда дурачиться,—дурачусь;
А смѣшивать два эти ремесла
Есть тьма искусниковъ; я не изъ ихъ числа.

[Id.—282].

Я глупостей не чтецъ,
А пуще образцовыхъ.

[Id.—283].

Молчалинъ.

Въ мои лѣта не должно смѣть
Свое сужденіе имѣть.

Чацкій.

Помилуйте, мы съ вами не ребяты;
Зачѣмъ-же мнѣнія чужія только святы?

[Id.—283].

Молчалинъ! — Кто другой такъ мирно все уладитъ?
Тамъ моську во время погладитъ,
Тутъ въ пору карточку вотретъ;
Въ немъ Загорѣцкій не умретъ!

[Id.—298].

А впрочемъ, онъ дойдетъ до степеней извѣстныхъ —
Вѣдь нынче любятъ безсловесныхъ.

[Id.—241].

Молчалины блаженствуютъ на свѣтѣ!

[Id.—334].

Я страненъ? А не страненъ кто-жъ?
Тотъ, кто на всѣхъ глупцовъ похожъ.

[Id.—274].

Чтобъ имѣть дѣтей,
Кому ума не доставало.

[Id.—279].

Ну, постоянный вкусъ въ мужьяхъ всего дороже.

[Id.—287].

Завѣщаніе отца Молчалина.— Подписано, такъ съ плечъ долой.— Вольнодумцы. — Родня. — Новизны. — Книги. — Шумимъ. — Взглядъ и нѣчто.—Умный человѣкъ.—Водевиль.

Мнѣ завѣщалъ отецъ:
Во-первыхъ, угождать всѣмъ людямъ безъ изъятья—
Хозяину, гдѣ доведется жить,
Начальнику, съ кѣмъ буду я служить,
Слугѣ его, который чиститъ платье,
Швейцару, дворнику, для избѣжанья зла,
Собакѣ дворника, чтобъ ласкова была.

[Молчалинъ.—331].

А у меня, что дѣло, что не дѣло,
Обычай мой такой:
Подписано, такъ съ плечъ долой.

[Фамусовъ.—231].

Строжайше-бъ запретилъ я этимъ господамъ *)
На выстрѣлъ подъѣзжать къ столицамъ!

[Id. 250].

Нѣтъ! я передъ родней, гдѣ встрѣтится, ползкомъ;
Сыщу ее на днѣ морскомъ!

*) Вольнодумцамъ.

Какъ станешь представлять къ крестишку иль
къ мѣстечку,
Ну, какъ не порадѣть родному человѣчку!..
[Id.—254].

Не то, чтобъ новизны вводили — никогда,
Спаси насъ, Боже!... Нѣтъ... А придерутся
Къ тому, къ сему, а чаще ни къ чему,
Поспорятъ, пошумятъ — и... разойдутся.
[Id. 257/8].

Ужъ коли зло пресѣчь, —
Забрать всѣ книги бы, да сжечь.
[Id. 308].

Шумимъ, братецъ, шумимъ...
[Репетиловъ. 318].

Въ журналахъ можешь ты, однако, отыскать,
Его отрывокъ: „Взглядъ и Нѣчто“.
Объ чемъ бишь нѣчто! — Обо всемъ.
[Id. 319].

Да, умный человѣкъ не можетъ быть не плутомъ!
Когда-жъ объ честности высокой говоритъ,
Какимъ-то демономъ внушаемъ,
Глаза въ крови, лицо горитъ,
Самъ плачетъ, и мы всѣ рыдаемъ.
[Id. 320].

Да! водевиль есть вещь, а прочее все гиль!
[Id. 323].

Блаженъ, кто вѣруетъ. — Дымъ отечества. — Дешевизна. — Покой и лѣнь. — Деревня. — Похвалы. — Вранье. — Оскорбленному чувству уголокъ. — Для прогулокъ подальше закоулокъ. — Отецъ взрослой дочери. — Читай съ чувствомъ. — Пофилософствуй. — Завиральныя идеи. — Москва. — Московскія дамы. — Знакомыя лица. — Дражайшая половина. — Княгиня Марья Алексѣвна. — Счастливые. — Смѣхъ. — Шутить. — Злые языки. — Календари.

Блаженъ, кто вѣруетъ, тепло ему на свѣтѣ!
[Чацкій. 237].

И дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ!
[Id. 239].

Числомъ поболѣе, цѣною подешевле?
[Id. 239].

Забыть шумъ лагерный, товарищи и братья?
Спокоенъ и лѣнивъ?
[Id. 286].

Движенья болѣе. Въ деревню, въ теплый край,
Будь чаще на конѣ. Деревня лѣтомъ рай.
[Id. 287].

Не поздоровится отъ эдакихъ похвалъ!
[Id. 295].

Послушай: ври, да знай же мѣру:
Есть отъ чего въ отчаянье придти.
[Id. 317].

Бѣгу, не оглянусь, пойду искать по свѣту,
Гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ!
[Id. 338].

Другъ! Нельзя ли для прогулокъ
Подальше выбрать закоулокъ?
[Фамусовъ, 226].

Что за комиссія, Создатель,
Быть взрослой дочери отцомъ!
[Id.].

Читай не такъ, какъ пономарь,
А съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой.
[Id. 241].

Куда какъ чудно созданъ свѣтъ!
Пофилософствуй — умъ вскружится.
[Id.—245].

Пожалуйста, при немъ не спорь ты вкривь и вкось,
И завиральныя идеи эти брось.
[Id.—253].

Фамусовъ.

А, батюшка, признайтесь, что едва
Гдѣ сыщется столица, какъ Москва.

Скалозубъ.

Дистанція огромнаго размѣра.

[Id.—256/7].

Фамусовъ.

Рѣшительно скажу: едва
Другая сыщется столица, какъ Москва.

Скалозубъ.

По моему сужденью
Пожаръ способствовалъ ей много къ украшенью.

[Id.—259].

Что за тузы въ Москвѣ живутъ и умираютъ!

[Фамусовъ.—245]

А дамы? *)
Словечка въ простотѣ не скажутъ, все съ ужимкой;—
Къ военнымъ людямъ такъ и льнутъ,
А потому что—патріотки.

[Id. 258].

Ба! знакомыя всѣ лица.

[Фамусовъ.—334].

Бывало, я съ дражайшей половиной
Чуть врозь—ужъ гдѣ-нибудь съ мужчиной!

[Id. 335].

Ахъ, Боже мой, что станетъ говорить
Княгиня Марья Алексѣвна!

[Id. 338].

Счастливые часовъ не наблюдаютъ.

[Софья.—225].

Дѣлить со всякимъ можно смѣхъ.

[Id. 233].

Шутить, и вѣкъ шутить! какъ васъ на это станетъ?...

[Id. 276].

*) Московскія.

Шутить и онъ гораздъ — вѣдь нынче кто не шутитъ!

[Лиза. 269].

Ахъ! злые языки страшнѣе пистолета...

[Молчалинъ. 269].

Всѣ врутъ календари!

[Хлестова. 308].

Проза.

I.

Правосудіе. Истинный художникъ.—Искусство. Изученіе себя.

Дѣйствовать страхомъ и щедротами можно только до времени; одно строжайшее правосудіе миритъ покоренные народы съ знаменами побѣдителей.

[1825. I—214].

Истинный художникъ долженъ быть человѣкъ безродный. Прекрасно быть опорою отцу и матери въ важныхъ случаяхъ жизни, но вниманіе къ ихъ требованіямъ, часто мелочнымъ и нелѣпымъ, стѣсняетъ живое, свободное, смѣлое дарованіе.

[Id. I—202/3].

Искусство въ томъ только и состоитъ, чтобъ поддѣлываться подъ дарованіе, а въ комъ болѣе вытвержденнаго, пріобрѣтеннаго потомъ и мученіемъ искусства угождать теоретикамъ, то-есть дѣлать глупости, въ комъ, говорю я, болѣе способности удовлетворять школьнымъ требованіямъ, условіямъ, привычкамъ, бабушкинымъ преданіямъ, нежели собственной творческой силы, тотъ, если художникъ, разбей свою палитру, и кисть, рѣзецъ или перо свое брось за окошко.

[Id. 197].

Желаніе изучить свѣтъ въ качествѣ простаго зрителя—безумно. Тотъ, кто претендуетъ быть только наблюдателемъ, ничего не наблюдаетъ, такъ какъ его никуда не пускаютъ, какъ человѣка безполезнаго во время дѣла и докучливаго при удовольствіяхъ. Можно наблюдать дѣйствія другихъ только лично принимая участіе въ ихъ дѣйствіяхъ.

[Оригиналъ по французски].
[1827. I—114].

II.

Женщины.

„Женщина есть мужчина—ребенокъ" было его [Грибоѣдова] мнѣніе. Слова Байрона: „дайте имъ пряникъ да зеркало—и онѣ будутъ совершенно довольны" ему казались весьма справедливыми... „Чему отъ нихъ можно научиться?" говаривалъ онъ. „Онѣ не могутъ быть ни просвѣщенны безъ педантизма, ни чувствительны безъ жеманства. Разсудительность ихъ сходитъ въ недостойную разсчетливость и самая чистота нравовъ—въ нетерпимость и ханжество. Онѣ чувствуютъ живо, но не глубоко. Судятъ остроумно, только безъ основанія, и, быстро схватывая подробности, едва-ли могутъ постичь, обнять цѣлое. Есть исключенія, за то они рѣдки; и какой дорогой цѣной, какой потерею времени должно покупать приближеніе къ этимъ феноменамъ! словомъ, женщины сносны и занимательны только для влюбленныхъ".

„Онѣ предназначены самой природою для мелочей домашней жизни равно по силамъ тѣлеснымъ, какъ и умственнымъ. Надобно, чтобъ онѣ жили больше для мужей и дѣтей своихъ, чѣмъ невѣстились и ребячились для свѣта. Еслибъ мельница дѣлъ обществен-

ныхъ меньше вертѣлась отъ вѣеровъ, дѣла шли бы прямѣе и единообразнѣе; мѣста не доставались бы по прихотямъ и связямъ родственнымъ, или меценатовъ въ чепчикахъ, всегда готовыхъ увлекаться наружностію лицъ и вещей; покой браковъ былъ бы прочнѣе, а дѣти умнѣе и здоровѣе. Сохрани меня Богъ, чтобъ я желалъ лишить дѣвицъ воспитанія, напротивъ, заключивъ ихъ въ кругу тѣснѣйшемъ, я бы желалъ дать имъ познанія о вещахъ, гораздо основательнѣе нынѣшнихъ".

[I—XXVI].

III.

Участь умныхъ людей.—Боязнь людей.—Дипломаты.

Участь умныхъ людей, — большую часть жизни своей проводить съ дураками.

[1818. I—166].

Бояться людей, значитъ баловать ихъ.

[1826. I—215].

Дипломаты на посулѣ, какъ на стулѣ.

[1818. I—163].

IV.

Мы чужіе между своими.—Русскіе въ храмахъ Божіихъ.

Какимъ черным волшебствомъ сдѣлались мы чужіе между своими! Финны и Тунгусы скорѣе пріемлются въ наше собратство, становятся выше насъ, дѣлаются намъ образцами, а народъ единокровный, нашъ народъ разрозненъ съ нами, и навѣки! Если бы какимъ-нибудь случаемъ сюда занесенъ былъ иностранецъ, который бы не зналъ русской исторіи за цѣлое столѣтіе, онъ конечно бы заключилъ изъ рѣзкой про-

тивоположности нравовъ, что у насъ господа и крестьяне происходятъ отъ двухъ различныхъ племенъ, которыя не успѣли еще перемѣшаться обычаями и нравами.

[1826 I—108/9].

Только въ храмахъ Божіихъ собираются русскіе люди; думаютъ и молятся по русски. Въ русской церкви я въ отечествѣ, въ Россіи! Меня приводитъ въ умиленіе мысль, что тѣ же молитвы читаны были при Владимірѣ, Димитріи Донскомъ, Мономахѣ, Ярославѣ, въ Кіевѣ, Новѣгородѣ, Москвѣ; что тоже пѣніе одушевляло набожныя души. Мы—русскіе только въ церкви—а я хочу быть русскимъ.

[I—XXXIV].

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ (1799—1837).

Стихи.

I.

Мирные народы. Неволя душныхъ городовъ.—Въ чемъ счастье и права.—Власть и чернь.—Царскій голосъ.

Паситесь, мирные народы,
Васъ не пробудитъ чести кличъ!
Къ чему стадамъ дары свободы?
Ихъ должно рѣзать или стричь:
Наслѣдство ихъ изъ рода въ роды
Ярмо съ гремушками да бичъ.

[1823. VII—62].

Земфира.

Скажи, мой другъ, ты не жалѣешь
О томъ, что бросилъ навсегда?

Алеко.

Что жъ бросилъ я?

Земфира.

Ты разумѣешь:
Людей отчизны, города.

Алеко.

О чемъ жалѣть? Когда-бъ ты знала,
Когда бы ты воображала
Неволю душныхъ городовъ!
Тамъ люди въ кучахъ, за оградой
Не дышатъ утренней прохладой,
Ни вешнимъ запахомъ луговъ,
Любви стыдятся, мысли гонятъ,
Торгуютъ волею своей,
Главы предъ идолами клонятъ
И просятъ денегъ да цѣпей.
Что бросилъ я? Измѣнъ волненье,
Предразсужденій приговоръ,
Толпы безумное гоненье
Или блистательный позоръ.

[1824. II—351].

Зависѣть отъ властей, зависѣть отъ народа —
Не все ли намъ равно? Богъ съ ними!.. Никому
Отчета не давать; себѣ лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совѣсти, ни помысловъ, ни шеи;
По прихоти своей скитаться здѣсь и тамъ,
Дивясь божественнымъ природы красотамъ,

И предъ созданьями искусствъ и вдохновенья
Безмолвно утопать въ восторгахъ умиленья —
Вотъ счастье! вотъ права!..
[1836. II—187/8].

Живая власть для черни ненавистна,—
Они любить умѣютъ только мертвыхъ.
[Царь Борисъ. 1825. III—17].

Будь молчаливъ: не долженъ царскій голосъ
На воздухѣ теряться по пустому;
Какъ звонъ святой, онъ долженъ лишь вѣщать
Велику скорбь или великій праздникъ.
[Id. 70].

Наука.—Поэтъ.

Учись, мой сынъ: наука сокращаетъ
Намъ опыты быстро текущей жизни.
[Царь Борисъ. 1825. III—30].

Блаженъ, кто про себя таилъ
Души высокія созданья
И отъ людей, какъ отъ могилъ,
Не ждалъ за чувство воздаянья!
[—1824. I—311].

Что слава? Яркая заплата
На ветхомъ рубищѣ пѣвца.
[—Id. 314].

Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ заботахъ суетнаго свѣта
Онъ малодушно погруженъ;
Молчитъ его святая лира,
Душа вкушаетъ хладный сонъ,
И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ.

Но лишь божественный глаголъ
До слуха чуткаго коснется,
Душа поэта встрепенется,
Какъ пробудившійся орелъ.

[1827. II—21].

Въ жару сердечныхъ вдохновеній,
Лишь юности и красоты
Поклонникомъ быть долженъ геній.

[1828. II—36].

Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

[Id. 50].

Тьмы низкихъ истинъ мнѣ дороже
Насъ возвышающій обманъ.

[—1830. II—123].

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что въ мой жестокій вѣкъ возславилъ я свободу
И милость къ падшимъ призывалъ.

Велѣнью Божію, о муза, будь послушна:
Обиды не страшась, не требуя вѣнца,
Хвалу и клевету пріемли равнодушно
И не оспаривай глупца.

[1836. II—189/90].

II.

1) Порочныя наслажденія. — Скука. — Человѣкъ. — Презрѣніе къ людямъ. — Нули и единицы. — Пружина чести. — Перемѣна человѣка съ годами.

Кто чувствами въ порочныхъ наслажденьяхъ
Въ младые дни привыкнулъ утопать,

Тотъ, возмужавъ, угрюмъ и кровожаденъ,
И умъ его безвременно темнѣетъ.

[Царь Борисъ. 1825. III—70].

Таковъ намъ положонъ предѣлъ,
Его жъ никто не преступаетъ.
Вся тварь разумная скучаетъ:
Иной отъ лѣни, тотъ отъ дѣлъ;
Кто вѣритъ, кто утратилъ вѣру;
Тотъ насладиться не успѣлъ,
Тотъ насладился черезъ мѣру.

[1826. III—103].

На всѣхъ стихіяхъ человѣкъ —
Тиранъ, предатель или узникъ.

[1826. VII—184].

Кто жилъ и мыслилъ, тотъ не можетъ
Въ душѣ не презирать людей.

[1822—1831. III—252].

Мы почитаемъ всѣхъ — нулями,
А единицами — себя.

[Id. 266].

Пружина чести, нашъ кумиръ!
И вотъ на чемъ вертится міръ!

[Id. 345].

Была пора: нашъ праздникъ молодой
Сіялъ, шумѣлъ и розами вѣнчался,
И съ пѣснями бокаловъ звонъ мѣшался,
И тѣсною сидѣли мы толпой.
Тогда, душой безпечные невѣжды,
Мы жили всѣ и легче, и смѣлѣй,
Мы пили всѣ за здравіе надежды
И юности, и всѣхъ ея затѣй.

.....

Прошли года чредою незамѣтной;
И какъ они перемѣнили насъ!

Вращается весь міръ вкругъ человѣка,
Ужель одинъ недвижимъ будетъ онъ?
[1836. II—191].

2) Любовь и женщины.

Любви всѣ возрасты покорны;
[1822—1831 III—394].

Чѣмъ меньше женщину мы любимъ,
Тѣмъ больше нравимся мы ей.
[Id. 302].

Мгновенно сердце молодое
Горитъ и гаснетъ. Въ немъ любовь
Проходитъ и приходитъ вновь,
Въ немъ чувство каждый день иное.
Не столь послушно, не слегка,
Не столь мгновенными страстями
Пылаетъ сердце старика,
Окаменѣлое годами.
Упорно, медленно оно
Въ огнѣ страстей раскалено;
Но поздній жаръ ужъ не остынетъ
И съ жизнью лишь его покинетъ.
[1828, III—110].

Не только первый пухъ ланитъ,
Да русы кудри молодыя, —
Порой и старца строгій видъ,
Рубцы чела, власы сѣдые
Въ воображенье красоты
Влагаютъ страстныя мечты.
[Id. 101].

III.

1) Любовь и счастье.—Ученые и умные, знакомые и друзья.—Нечистая совѣсть.—Послѣдніе цвѣты.—Въ надеждѣ славы и добра.—Смерть.—Наше ученье.—Обычаи.—Привычка.—Преданность вѣрѣ.—Мечты.—Блаженства.

Кто разъ любилъ, ужъ не полюбитъ вновь;
Кто счастье зналъ, ужъ не узнаетъ счастья.

[1819. I—201].

На свѣтѣ счастья нѣтъ, а есть покой и воля.

1836. II—193].

Всегда такъ будетъ и бывало,
Таковъ издревле бѣлый свѣтъ:
Ученыхъ много, умныхъ мало,
Знакомыхъ тьма, а друга нѣтъ.

[1821. I—263].

Да, жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть нечиста!

[Царь Борисъ. 1825. III—18].

Цвѣты послѣдніе милѣй
Роскошныхъ первенцевъ полей.
Они унылыя мечтанья
Живѣе пробуждаютъ въ насъ:
Такъ иногда разлуки часъ
Живѣе самого свиданья.

[Id. I—355].

Въ надеждѣ славы и добра
Гляжу впередъ я безъ боязни.

[1826. II—7].

Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать.

[1830. II—101].

Мы всѣ учились понемногу,
Чему нибудь и какъ нибудь,

[1822—1831. III—236].

Кругла, красна лицомъ она,
Какъ эта глупая луна
На этомъ глупомъ небосклонѣ.

[1822—1831. III—282].

А счастье было такъ возможно,
Такъ близко!

[Татьяна. Id. 403].

Я васъ люблю (къ чему лукавить?),
Но я другому отдана;
Я буду вѣкъ ему вѣрна.

[Id].

Онъ чиномъ отъ ума избавленъ.

[1822—1831. III—418].

IV.

Свобода. Русь. Москва. Сѣверное лѣто.

Увижу ль я, друзья, народъ неугнетенный
И рабство падшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли, наконецъ, прекрасная заря?

[1819. I—206].

Но въ искушеньяхъ долгой кары
Перетерпѣвъ судебъ удары,
Окрѣпла Русь. Такъ тяжкій млатъ,
Дробя стекло, куетъ булатъ.

[1828. III—113].

Москва... Какъ много въ этомъ звукѣ
Для сердца русскаго слилось!
Какъ много въ немъ отозвалось!

[1822—1831. III—373].

И передъ младшею столицей
Главой склонилася Москва,
Какъ передъ новою царицей
Порфироносная вдова.

[1833. III—559].

Но наше сѣверное лѣто,
Карикатура южныхъ зимъ,
Мелькнетъ и нѣтъ: извѣстно это.
Хоть мы признаться не хотимъ.

[1822—1831. III—317].

Проза.

I.

Значеніе монарха. —Народъ и царское лицо.—Измѣненія въ государственномъ строѣ.

Зачѣмъ нужно, чтобы одинъ изъ насъ сталъ выше всѣхъ и даже выше самого закона? Затѣмъ, что законъ—дерево; въ законѣ слышитъ человѣкъ что-то жестокое и небратское. Съ однимъ буквальнымъ исполненіемъ закона недалеко уйдешь; нарушить же или не исполнить его никто изъ насъ не долженъ; для этого-то и нужна высшая милость, умягчающая законъ, которая можетъ явиться людямъ только въ одной полномощной власти. Государство безъ полномощнаго монарха—автоматъ: много-много, если оно достигнетъ того, до чего достигнули Соединенные Штаты. А что такое Соединенные Штаты? Мертвечина. Человѣкъ въ нихъ вывѣтрился до того, что и выѣденнаго яйца не стоитъ. Государство безъ полномощнаго монарха—тоже, что оркестръ безъ капельмейстера: какъ ни хороши будь всѣ музыканты, но если нѣтъ среди нихъ одного такого, который бы движеніемъ палочки всему подавалъ знакъ,—никуда не пойдетъ концертъ.

[II—168/9].

Народъ не долженъ привыкать къ царскому лицу, какъ обыкновенному явленію. Расправа полицейская должна одна вмѣшиваться въ волненія площади, и царскій голосъ не долженъ угрожать ни картечью, ни кнутомъ. Царю не должно сближаться лично съ народомъ. Чернь перестанетъ скоро бояться таинственной власти и начнетъ тщеславиться своими сношеніями съ государемъ.

[1831. V—183].

Лучшія и прочнѣйшія измѣненія суть тѣ, которыя происходятъ отъ одного улучшенія нравовъ, безъ насильственныхъ потрясеній политическихъ, страшныхъ для человѣчества.

[1834. V—240].

Достоинства прозы.—Любовь толпы къ мемуарамъ.—Вдохновеніе.—Антикритика.—Грамматика.—Цензура.

Точность, опрятность—вотъ первыя достоинства прозы. Она требуетъ мыслей и мыслей; блестящія выраженія ни къ чему не служатъ; стихи — дѣло другое.

[1823. V—66].

Толпа жадно читаетъ исповѣди, записки etc., потому что въ подлости своей радуется униженію высокаго, слабостямъ могучаго. При открытіи всякой мерзости она въ восхищеніи. Онъ малъ какъ мы, онъ мерзокъ какъ мы! Врете, подлецы: онъ и малъ, и мерзокъ — не такъ какъ вы — иначе! Писать свои mémoires заманчиво и пріятно. Никого такъ не любишь, никого такъ не знаешь, какъ самого себя. Предметъ неистощимый. Но трудно. Не лгать — можно; быть искреннимъ — невозможность физическая. Перо иногда остановится, какъ съ разбѣга передъ

пропастью — на томъ, что посторонній прочелъ бы равнодушно. Презирать судъ людей не трудно; презирать судъ собственный невозможно.

[1825. VII—160].

Вѣкъ можетъ идти себѣ впередъ, и науки, философія и гражданственность могутъ усовершенствоваться и измѣняться, но поэзія остается на одномъ мѣстѣ, цѣль ея одна, средства тѣ же..

Произведенія великихъ поэтовъ остаются свѣжи и вѣчно юны.

[1830—1831. V—130].

Искать вдохновенія всегда казалось мнѣ смѣшной и нелѣпой причудою: вдохновенія не сыщешь; оно само должно найти поэта.

[1829—1835. IV—413].

У насъ вошло въ обыкновеніе между писателями, заслужившими довѣренность и уваженіе публики, не возражать на критики. Обыкновеніе, вредное для литературы. Такія антикритики имѣли бы двойную пользу: исправленіе ошибочныхъ мнѣній и распространеніе здравыхъ понятій касательно искусства.

[1831. VII—288].

Грамматика не предписываетъ законовъ языку, но изъясняетъ и утверждаетъ его обычаи.

(1829—1831 V—165,)

Дѣйствіе человѣка мгновенно и одно (isolé), дѣйствіе книги множественно и повсемѣстно. Законы противу злоупотребленій книгопечатанія не достигаютъ цѣли закона: не предупреждаютъ зла, рѣдко его пресѣкая. Одна цензура можетъ исполнить то и другое.

[1834. V—237].

II.

1) Какъ слѣдуетъ относиться къ людямъ.—Признакъ умнаго человѣка.—Тонкость и умъ.—Глупость осужденія и похвалы.—Злословіе.—Свѣтскій человѣкъ.—Зависимость.

[Изъ письма А. С. Пушкина къ его брату, Л. С. Пушкину]. Vous aurez affaire aux hommes que vous ne connaissez pas encore. Commencez toujours par en penser tout le mal imaginable: vous n'en rabattrez pas de beaucoup. Méprisez les le plus poliment qu'il vous sera possible. Soyez froid avez tout le monde: la familiarité nuit toujours; mais surtout gardez-vous de vous y abandonner avec vos supérieurs, quelques soient leurs avances. Ceux-ci vous dépassent bien vite et sont bien aise de vous avilir au moment, où l'on s'y attend le moins.

Point de petits soins, défiez-vous de la bienveillance dont vous pouvez être susceptible: les hommes ne la comprennent pas et la prennent volontiers pour de la bassesse, toujours charmés de juger des autres par eux mêmes.

N'acceptez jamais de bienfaits. Un bienfait pour la plupart des tous est une perfidie.—Point de protection, car elle asservit et dégrade.

N'oubliez jamais l'offense volontaire. Si l'état de votre fortune ou bien les circonstances ne vous permettront pas de briller, ne tâchez-pas de pailler vos privations, affectez plûtôt l'excès contraire: le cynisme dans son âpreté en impose à la frivolité de l'opinion, au lieu que les petites friponneries de la vanité vous rendent ridicule et méprisable.

N'empruntez jamais, souffrez plûtôt la misère: croyez qu'elle n'est pas aussi terrible qu'on se la peint. [Вы будете имѣть дѣло съ людьми, которыхъ вы еще не знаете. Думайте о нихъ, съ самаго начала, какъ

можно хуже: вамъ не придется, впослѣдствіи, значительно измѣнить свое мнѣніе о нихъ.. Презирайте ихъ самымъ вѣжливымъ образомъ.. Будьте холодны со всѣми: фамильярность всегда вредитъ; но въ особенности остерегайтесь предаваться ей въ обращеніи съ вашими начальниками, не смотря на всѣ ихъ любезности, такъ какъ они очень скоро превзойдутъ васъ въ фамильярности и весьма охотно подвергнутъ васъ униженію въ самый неожиданный для васъ моментъ. Остерегайтесь выказывать предупредительность: люди не понимаютъ ея и охотно принимаютъ за низость, такъ какъ имъ всегда пріятно судить о другихъ по себѣ. Никогда не принимайте благодѣяній. Благодѣяніе въ большинствѣ случаевъ не больше какъ коварство. Обходитесь безъ покровительства, потому что оно порабощаетъ и унижаетъ.... Никогда не забывайте добровольной обиды... Если ваше матеріальное положеніе или же обстоятельства не позволятъ вамъ блестѣть, не старайтесь скрывать ваши лишенія, скорѣе дѣйствуйте въ обратномъ направленіи: Грубый цинизмъ внушаетъ страхъ легкомысленному мнѣнію, между тѣмъ какъ мелкія плутни тщеславія дѣлаютъ васъ смѣшнымъ и презрѣннымъ. Никогда не занимайте денегъ, скорѣе страдайте отъ бѣдности: повѣрьте, что она не такъ ужасна, какъ ее изображаютъ].

[1822. VII—43/4].

Первый признакъ умнаго человѣка,—съ перваго взгляда знать, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и не метать бисера передъ Репетиловыми и тому под.

[1825. III—108].

Тонкость не доказываетъ еще ума. Глупцы и даже сумасшедшіе бываютъ удивительно тонки. Прибавить

можно, что тонкость рѣдко соединяется съ геніемъ, обыкновенно простодушнымъ, и съ великимъ характеромъ, всегда откровеннымъ.

[1827. V—57].

Глупость осужденія не столь замѣтна, какъ глупость похвалы; глупецъ не видитъ никакого достоинства въ Шекспирѣ, и это приписано разборчивости его вкуса, странности и т. п. Тотъ же глупецъ восхищается романомъ Дюкре-Дюмениля или исторіей г. Полевого, и на него смотрятъ съ презрѣніемъ, хотя въ первомъ случаѣ глупость его выразилась яснѣе для человѣка мыслящаго.

[1829—1831. V—164].

Злословіе, даже безъ доказательствъ, оставляетъ почти вѣчные слѣды. Въ свѣтскомъ уложеніи правдоподобіе равняется правдѣ, а быть предметомъ клеветы унижаетъ насъ въ собственномъ мнѣніи.

[1831. IV—369].

Свѣтскій человѣкъ легко жертвуетъ своими наслажденіями и даже тщеславіемъ—лѣни и благоприличію.

[Id. 371].

Зависимость жизни семейственной дѣлаетъ человѣка болѣе нравственнымъ. Зависимость, которую налагаемъ на себя изъ честолюбія или изъ нужды, унижаетъ насъ.

[1834. VII—353]

2) Законная жена и бракъ.—Мужчины и женщины.

Законная жена родъ теплой шапки съ ушами. Голова вся въ нее уходитъ... Бракъ холодитъ душу.

[1826. VII—180].

Браните мужчинъ вообще, разбирайте всѣ ихъ пороки,—ни одинъ не подумаетъ заступиться. Но до-

троньтесь сатирически до прекраснаго пола, — всѣ женщины возстанутъ на васъ единодушно, — онѣ составляютъ одинъ народъ, одну секту.

[1829—1831. V—162].

III.

Забвенье.—Доносъ.—Переводчики.—Бездарный ученый.—Глупцы.—Скука. Односторонность.—Дѣти.—Шпіоны. Чувства души и нужды.—Здравый смыслъ.—Опала.—Поношенія.

Забвенье — естественный удѣлъ всякаго отсутствующаго.

[1821. VII—25].

Доносъ на человѣка сосланнаго есть послѣдняя степень бѣшенства и подлости.

[1823. VII—50].

Переводчики суть подставныя лошади просвѣщенія.

[1825. V—32].

Ученый безъ дарованія подобенъ тому бѣдному муллѣ, который изрѣзалъ и съѣлъ Коранъ, думая исполниться духа Магометова.

[1827. V—53].

Должно стараться имѣть большинство голосовъ на своей сторонѣ: не оскорбляйте же глупцовъ.

[Id. 58].

Скука есть одна изъ принадлежностей мыслящаго существа.

[1825. VII—127].

Односторонность есть пагуба мысли.

[1826. VII—175].

Въ дѣтяхъ, одаренныхъ игривостью ума, склонность ко лжи не мѣшаетъ искренности и прямодушію.

[1831. V—159].

Шпіоны подобны буквы ъ: нужны они только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, но и тутъ можно безъ нихъ обойтиться, а они привыкли всюду соваться.

[1830—1831. V—136].

Чувства души слабѣютъ и мѣняются; нужды жизненныя не дремлютъ.

[1831. VII—259].

Онъ руководствовался большею частью здравымъ смысломъ, путеводителемъ рѣдко вѣрнымъ и почти всегда недостаточнымъ.

[1832. IV—126].

Опала легче презрѣнія.

[1834. VII—353].

Нѣтъ убѣдительности въ поношеніяхъ, и нѣтъ истины, гдѣ нѣтъ любви.

[1836. V—356.]

IV.

1) Суевѣрны ли русскіе. — Зрѣлость и гніеніе.—Наказаніе.—Униженіе историческихъ родовъ. — Дворянство. — Чины. — Несчастье семейной жизни.—Риома.

Напрасно почитаютъ русскихъ суевѣрными: можетъ быть нигдѣ болѣе, какъ между нашимъ простымъ народомъ, не слышно насмѣшекъ на счетъ всего церковнаго.

[1822. V—13].

Зрѣлости нѣтъ у насъ на сѣверѣ; мы или сохнемъ, или гніемъ. Первое всетаки лучше.

[1825. VII—156].

Наказывать юношу или взрослаго человѣка за вину отрока есть дѣло ужасное и, къ несчастію, слишкомъ у насъ обыкновенное.

[1826. V—46].

Я безъ прискорбія никогда не могъ видѣть униженіе нашихъ историческихъ родовъ. Никто у насъ ими не дорожитъ, начиная съ тѣхъ, которые имъ принадлежатъ. Прошедшее для насъ не существуетъ. Жалкій народъ! Дикость, подлость и невѣжество не уважаютъ прошедшаго, пресмыкаясь предъ однимъ настоящимъ, и у насъ иной потомокъ Рюрика болѣе дорожитъ звѣздою двоюроднаго дядюшки, чѣмъ исторіей своего дома, т. е. исторіей отечества. Имена Минина и Ломоносова вдвоемъ перевѣсятъ, можетъ быть, всѣ наши старинныя родословныя. Но неужто потомству ихъ смѣшно было бы гордиться сими именами?

[1831. IV—356/7].

Я *) шатался по всему свѣту, представлялся во всѣхъ европейскихъ дворахъ, вездѣ посѣщалъ высшее общество, но нигдѣ не чувствовалъ себя такъ связаннымъ, такъ неловкимъ, какъ въ проклятомъ вашемъ аристократическомъ кругу. Всякій разъ, когда я вхожу въ залу княгини В. и вижу эти нѣмыя, неподвижныя муміи, напоминающія мнѣ египетскія кладбища, какой-то холодъ меня пронизываетъ. Межъ ними нѣтъ ни одной моральной власти, ни одно имя не натвержено мнѣ славою, — предъ чѣмъ же я робѣю?

— Передъ недоброжелательствомъ, отвѣчалъ русскій. Это — черта нашихъ нравовъ: въ народѣ выражается она насмѣшливостью, въ высшемъ кругу — невниманіемъ и холодностью. О мужчинахъ нечего и говорить: ихъ нравственность... Наши дамы очень поверхностно образованы, ничто европейское не за-

*) Слова, вложенныя авторомъ въ уста одного испанца, пріѣхавшаго въ Россію.

нимаетъ ихъ мыслей. Политика и литература для нихъ не существуютъ. Остроуміе давно въ опалѣ, какъ признакъ легкомыслія. О чемъ же станутъ онѣ говорить? О самихъ себѣ? Нѣтъ, онѣ слишкомъ хорошо воспитаны. Остается имъ разговоръ какой-то домашній, мелочной, часто понятный только для немногихъ, для избранныхъ. И человѣкъ, не принадлежащій къ этому малому стаду, принятъ какъ чужой, — не только иностранецъ, но и свой.

[Id. 366/7].

Мы такъ положительны, что мы на колѣняхъ предъ настоящимъ случаемъ, успѣхомъ и славою, но у насъ нѣтъ очарованія древностію, благодарности къ прошедшему и уваженія къ нравственному достоинству... Прошедшее для насъ не существуетъ. Мы гордимся не славою предковъ, но чиномъ какого-нибудь дядидурака или баломъ двоюродной сестры. Замѣтьте, что неуваженіе къ предкамъ есть первый признакъ дикости и безнравственности.

[Id. 367/8].

Гордиться славою своихъ предковъ не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушіе.

[1827. V—56].

Каковъ бы ни былъ образъ моихъ мыслей, никогда не раздѣлялъ я съ кѣмъ бы то ни было демократической ненависти къ дворянству. Оно всегда казалось мнѣ необходимымъ и естественнымъ сословіемъ всякаго образованнаго народа. Смотря около себя и читая старыя наши лѣтописи, я сожалѣлъ, видя, какъ древніе дворянскіе роды уничтожились, какъ остальные упадаютъ и исчезаютъ, какъ новыя фамиліи, новыя историческія имена, заступивъ мѣсто

прежнихъ, уже падаютъ, ни чѣмъ не огражденныя, и какъ имя дворянина, часъ отъ часу униженное, стало, наконецъ, въ притчу и въ посмѣяніе даже разночинцамъ, вышедшимъ въ дворяне, и досужимъ журнальнымъ балагурамъ.

[1830—1831. V—118].

Чины въ Россіи необходимость: молодому дворянину необходимо служить хоть для однихъ станцій, гдѣ безъ нихъ не добьешься лошадей.

[1831. IV—358].

Несчастіе жизни семейственной есть отличительная черта въ нравахъ русскаго народа. Шлюсь на русскія пѣсни: обыкновенное ихъ содержаніе—или жалобы красавицы, выданной замужъ насильно, или упреки молодаго мужа постылой женѣ. Свадебныя пѣсни наши унылы, какъ вой похоронный.

[1834. V—228/9].

Думаю, что современемъ мы обратимся къ бѣлому стиху. Риомъ въ русскомъ языкѣ слишкомъ мало. Одна вызываетъ другую. „Пламень“ неминуемо тащитъ за собою „камень“. Изъ-за „чувства“ выглядываетъ непремѣнно „искусство.“ Кому не надоѣли „любовь“ и „кровь“, „трудной“ и „чудной“, „вѣрной“ и „лицемѣрной“ и проч.?

[Id. 233].

2) Французы.

Всѣмъ извѣстно, что французы народъ самый антипоэтическій. Славнѣйшіе представители сего остроумнаго и положительнаго народа: Монтань, Монтескье, Вольтеръ, доказали это. Монтань, путешествовавшій по Италіи, не упоминаетъ ни о Микель-Анджело, ни о Рафаэлѣ; Монтескье смѣется надъ

Гомеромъ; Вольтеръ, кромѣ Расина и Горація, кажется, не понялъ ни одного поэта... Если обратимъ вниманіе на критическіе результаты, обращающіеся въ народѣ и принятые за литературныя аксіомы, то мы изумимся ихъ бѣдности.

[1831. V—161].

Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ.
(1814—1841).

Стихи.

I.

Управленіе народомъ.—Отечество.—Вольность.

Легко народомъ править, если онъ
Одною общей страстью увлеченъ;
Не должно только слишкомъ завлекаться,
Предъ нимъ гордиться, или съ нимъ равняться;
Не должно мыслей открывать своихъ,
Иль спрашивать у подданныхъ совѣта,
И забывать, что лучше горъ златыхъ
Иному ласка и слова привѣта.
Старайся первымъ быть вездѣ, всегда;
Не забывайся, будь въ пирахъ умѣренъ,
Не трогай суевѣрій никогда
И самъ съ толпой умѣй быть суевѣренъ;
Страшись сначала много успѣвать,
Страшись народъ къ побѣдамъ пріучать,

Чтобъ въ слабости своей онъ признавался,
Чтобъ каждый мигъ въ спасителѣ нуждался,
Чтобъ онъ тебя не сравнивалъ ни съ кѣмъ,
И почиталъ нуждою—принужденья;

Народъ ребенокъ: онъ не хочетъ дать,
Не покушайся вырвать—но украдь.
[1832. II—94/5].

Вездѣ прекрасенъ Божій свѣтъ.
Отечества для сердца нѣтъ!

Повѣрь мнѣ—счастье только тамъ,
Гдѣ любятъ насъ, гдѣ вѣрятъ намъ!
[—1833—1834. II—152].

....Вольность для героя
Милѣй отчизны и покоя.
[1832. II—75].

Поэтъ.—Борьба съ предразсудками.

Въ нашъ вѣкъ изнѣженный не такъ ли ты, поэтъ,
Свое утратилъ назначенье,
На злато промѣнявъ ту власть, которой свѣтъ
Внималъ въ нѣмомъ благоговѣньи?
Бывало, мѣрный звукъ твоихъ могучихъ словъ
Воспламенялъ бойца для битвы;
Онъ нуженъ былъ толпѣ, какъ чаша для пировъ,
Какъ ѳиміамъ въ часы молитвы.
Твой стихъ, какъ Божій духъ, носился надъ толпой,
И отзывъ мыслей благородныхъ
Звучалъ, какъ колоколъ на башнѣ вѣчевой,
Во дни торжествъ и бѣдъ народныхъ.
Но скученъ намъ простой и гордый твой языкъ,
Насъ тѣшатъ блестки и обманы;

Какъ ветхая краса, нашъ ветхій міръ привыкъ
Морщины прятать подъ румяны.

[1838. I—271/2].

Не вѣрь, не вѣрь себѣ, мечтатель молодой,
Какъ язвы бойся вдохновенья...
Оно—тяжелый бредъ души твоей больной,
Иль плѣнной мысли раздраженье.

Не унижай себя. Стыдися торговать
То гнѣвомъ, то тоской послушной,
И гной душевныхъ ранъ надменно выставлять
На диво черни простодушной.
Какое дѣло намъ, страдалъ ты или нѣтъ?
На-что намъ знать твои волненья,
Надежды глупыя первоначальныхъ лѣтъ,
Разсудка злыя сожалѣнья?

Повѣрь, для насъ смѣшонъ твой плачъ и твой укоръ
Съ своимъ напѣвомъ заученнымъ,
Какъ разрумяненный трагическій актеръ,
Махающій мечемъ картоннымъ.

[1839. I—275/6].

Борьба рождаетъ гордость. Воевать
Съ людскими предразсудками труднѣе,
Чѣмъ тигровъ и медвѣдей поражать,
Иль со штыкомъ на вражьей батареѣ
За бѣлый крестикъ жизнью рисковать.

[1835—1836. II—185].

II.

1) Міръ и жизнь. — Наше поколѣніе. — Приличьемъ стянутыя маски. — Старость.

И презиралъ онъ этотъ міръ ничтожн...
Гдѣ жизнь—измѣнъ взаимныхъ р...

...ый
...вчный рядъ,

Гдѣ радость и печаль—все призракъ ложный,
Гдѣ память о добрѣ и злѣ—все ядъ;
Гдѣ льститъ намъ зло, но болѣе тревожитъ;
Гдѣ сердца утѣшать добро не можетъ,
И гдѣ они, покорствуя страстямъ,
Раскаянье одно приносятъ намъ...

[1832. II—119].

Жизнь—вещь пустая!
Покуда въ сердцѣ быстро льется кровь,
Все въ мірѣ намъ и радость и отрада,
Пройдутъ года желаній и страстей
И все вокругъ темнѣй, темнѣй!
Что жизнь?—давно извѣстная шарада
Для упражненія дѣтей,
Гдѣ первое—рожденье, гдѣ второе—
Ужасный рядъ заботъ и муки тайныхъ ранъ,
Гдѣ смерть—послѣднее, а цѣлое—обманъ.

[Арбенинъ. 1834—1835. IV—328].

И скучно, и грустно, и некому руку подать
Въ минуту душевной невзгоды...
Желанья!... что пользы напрасно и вѣчно желать?...
А годы проходятъ—всѣ лучшіе годы!
Любить... но кого же?... на время—не стоитъ труда,
А вѣчно любить невозможно.
Въ себя ли заглянешь?—тамъ прошлаго нѣтъ и слѣда:
И радость, и муки, и все тамъ ничтожно...
Что страсти?—вѣдь рано иль поздно ихъ сладкій недугъ
Исчезнетъ при словѣ разсудка;
И жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ—
Такая пустая и глупая шутка...

[1840. I—296].

Печально я гляжу на наше поколѣнье!
Его грядущее — иль пусто, иль темно;
Межъ тѣмъ, подъ бременемъ познанья и сомнѣнья,
Въ бездѣйствіи состарится оно.
Богаты мы едва изъ колыбели
Ошибками отцовъ и поздиимъ ихъ умомъ,
И жизнь ужъ насъ томитъ, какъ ровный путь безъ цѣли,
Какъ пиръ на праздникѣ чужомъ.
Къ добру и злу постыдно равнодушны,
Въ началѣ поприща мы вянемъ безъ борьбы,
Передъ опасностью позорно — малодушны,
И передъ властію презрѣнные рабы.
Такъ тощій плодъ, до времени созрѣлый,
Ни вкуса нашего не радуя, ни глазъ,
Виситъ между цвѣтовъ, пришлецъ осиротѣлый,
И часъ ихъ красоты — его паденья часъ!
Мы изсушили умъ наукою безплодной,
Тая завистливо отъ ближнихъ и друзей,
Надежды лучшія и голосъ благородный
Невѣріемъ осмѣянныхъ страстей.
Едва касались мы до чаши наслажденья,
Но юныхъ силъ мы тѣмъ не сберегли;
Изъ каждой радости, боясь пресыщенья,
Мы лучшій сокъ навѣки извлекли.
Мечты поэзіи, созданія искусства
Восторгомъ сладостнымъ нашъ умъ не шевелятъ;
Мы жадно бережемъ въ груди остатокъ чувства —
Зарытый скупостью и безполезный кладъ.
И ненавидимъ мы, и любимъ мы случайно,
Ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ, ни любви,
И царствуетъ въ душѣ какой-то холодъ тайный,
Когда огонь кипитъ въ крови.

И предковъ скучны намъ роскошныя забавы,
Ихъ добросовѣстный, ребяческій развратъ;
И къ гробу мы спѣшимъ безъ счастья и безъ славы,
Глядя насмѣшливо назадъ.
Толпой угрюмою и скоро позабытой,
Надъ міромъ мы пройдемъ безъ шума и слѣда,
Не бросивши вѣкамъ ни мысли плодовитой,
Ни геніемъ начатаго труда.
И прахъ нашъ, съ строгостью судьи и гражданина,
Потомокъ оскорбитъ презрительнымъ стихомъ,
Насмѣшкой горькою обманутаго сына
Надъ промотавшимся отцомъ.

[1838. I—272/3].

Какъ часто пестрою толпою окруженъ,
Когда передо мной, какъ будто бы сквозь сонъ,
При шумѣ музыки и пляски,
При дикомъ шопотѣ затверженныхъ рѣчей,
Мелькаютъ образы бездушные людей—
Приличьемъ стянутыя маски.

Когда-жъ, опомнившись, обманъ я узнаю,
И шумъ толпы людской спугнетъ мечту мою—
На праздникъ незванную гостью,
О какъ мнѣ хочется смутить веселость ихъ,
И дерзко бросить имъ въ глаза желѣзный стихъ,
Облитый горечью и злостью!...

[1840. I—286/7].

— Ужасно старикомъ быть безъ сѣдинъ!
Онъ равныхъ не находитъ; за толпою
Идетъ, хоть съ ней не дѣлится душою;
Онъ межъ людьми ни рабъ, ни властелинъ.
И все что чувствуетъ—онъ чувствуетъ одинъ!

[1832. V—394].

2) Женщины.

Кто знаетъ! Женская душа
Какъ океанъ неизслѣдима!

[1829. I—12].

Вѣдь музы — женщины... и такъ,
Кто жъ видѣлъ женщинъ благодарныхъ?

[Id. 40].

Женщина — цвѣтокъ,
Который, если вы его согнете вдругъ,
Изломится.

[—1830. IV—27].

Повѣрь, невинныхъ женщинъ вовсе нѣтъ;
Лишь по желанью случай и предметъ
Не вѣчно тутъ. Любить не ставитъ въ грѣхъ
Та одного, та многихъ, эта всѣхъ!

[Id. I—67].

Въ печали женщинъ лучшій ихъ уборъ.

[1832. II—134].

Страхъ и удивленье
Для женщинъ въ важныхъ случаяхъ спасенье.

[1835—1836. II—188].

Что слезы женскія? — Вода!

[—1834—1835. IV—331].

III.

1) Создатель міра. — Жизнь побѣжденнымъ. — Перо. — Странные люди. — Лжецъ, дуракъ и женщина. — Опытность. — Веселье и грусть. — Наказанія. — Сердце. — Взоръ безъ огня. — Злое дѣло. — Жизнь безъ друга. — Власть страсти. — Блаженства. — Мщенье. — Жизнь поэта. — Судьба. — Забвенье. — Счастіе. — Старость въ 18 лѣтъ. — Участье. — Премудрость нынѣшняго свѣта.

Сто кратъ великъ, кто создалъ міръ!

[1830. I—108].

Жизнь побѣжденнымъ — не награда.

[1832. II—129].

Перо терзаетъ иногда сильнѣе,
Чѣмъ пытка!

[—1830. IV—91].

Ругай людей, но лишь ругай остро;
Не то... Ко всѣмъ чертямъ твое перо!...

[Id. I—119].

Такъ въ наказаніяхъ всегда почти бываетъ:
Которые смирнѣй, на тѣхъ падетъ вина!

[1828. I—1].

Есть люди странные, которые съ друзьями
Обходятся какъ съ сюртуками:
Покуда новъ сюртукъ: въ чести — а тамъ
Забытъ и подаренъ слугамъ.

[1829. I—39].

Стыдить лжеца, шутить надъ дуракомъ
И спорить съ женщиной — все тоже
Что черпать воду рѣшетомъ:
Отъ сихъ троихъ избавь насъ Боже!

[Id. 40].

Опытность
Разсудокъ замѣняетъ.

[—1830. IV—13].

Дѣлить веселье — всѣ готовы, —
Никто не хочетъ грусть дѣлить.

[Id. I—88].

На мячикъ сердце въ насъ походитъ: положи
Ты на крутой горѣ его тихонько,
И онъ не тронется — но, разъ толкнувъ,
За нимъ хоть бросишься, но не догонишь.

[—Id. IV—25].

Взоръ безъ огня — безъ запаха цвѣтокъ!

[Id. I—64].

Сверши съ успѣхомъ дѣло злое —
Великъ, неудалось — злодѣй...

[Id. 76].

Безъ друга лучше дни влачить
И къ смерти радостнѣй клониться,
Чѣмъ два удара выносить
И сердцемъ о двоихъ крушиться.

[Id. 77].

Въ печальномъ только сердцѣ можетъ страсть
Имѣть неограниченную власть.

[1830—1831. II—27].

Не всѣль блаженства—лишь отравы?

[1831. II—37].

Мщенье—царь въ душахъ людей.

[Id. 39].

Что̀ безъ страданій жизнь поэта,
И что̀ безъ бури океанъ?

[1832. V—381].

Не все судьба голубитъ насъ:
Всему свой день, всему свой часъ.

[Id. II—74].

Насъ всѣхъ влечетъ различный путь,
Судьба намъ разное дастъ:
Кому даритъ кресты на грудь,
А кто свой крестъ въ груди несетъ.

[I—353].

Все въ мірѣ есть—забвенья только нѣтъ...

[Id. 111].

Чѣмъ рѣже насъ балуетъ счастье,
Тѣмъ слаще предаваться намъ
Предположеньямъ и мечтамъ.

[Id. 129].

Чужое счастіе намъ скучно
Какъ добродѣтельный романъ.

[1835—1836. II—173].

Не правдаль, кто не старъ въ 18-ть лѣтъ,
Тотъ вѣрно не видалъ людей и свѣтъ?

[Id. 177].

Смѣшно участье въ человѣкѣ,
Который жилъ и знаетъ свѣтъ!
[1836. II—251].

Премудрость нынѣшняго свѣта
Не смотритъ за предѣлъ балета!
Балетъ на сценѣ—въ обществѣ балетъ—
Страдаютъ ноги и паркетъ—
Куда какъ весело, ей Богу!
Захочется-ль у насъ кому
Въ beau monde открыть себѣ дорогу,
Работы нѣтъ его уму,
Умѣй онъ поднимать лишь ногу.
[Id. IV—396].

2) Языкъ любви. — Сердце и дума. —Оставленный храмъ и поверженный кумиръ. — Портретъ и оригиналъ. — Намеки. — Приличье и вкусъ. — Портреты и разговоры. — Имя. — Смѣшное и грустное. — Чувства. — Женщина и рабы.

Языкъ любви—языкъ чудесный,
Одной лишь юности извѣстный.
[1836, II—240].

Сердца жаркаго не залить виномъ,
Думу черную не запотчивать!
[1837. II—289].

... Храмъ оставленный—все храмъ,
Кумиръ поверженный—все Богъ!
[Id. I—263].

Портретъ хорошъ—оригиналъ-то скверенъ!
[—1834—1835. IV—254].

Намеки тонкіе на то,
Чего не вѣдаетъ никто.
[—1840. I—291].

Приличье, вкусъ—все такъ условно.
[—Id. 291].

Съ кого они портреты пишутъ?
Гдѣ разговоры эти слышутъ?
[—Id. 290].

Не вспоминай его... Что имя? —звукъ пустой!
[Id. 297].

Все это было бы смѣшно,
Когда бы не было такъ грустно.
[Id. 302].

Въ нашъ вѣкъ всѣ чувства лишь на срокъ.
[Id. 306].

Какъ женщина, ему вы *) измѣнили,
И какъ рабы, вы предали его!
[1841. I—319].

Была безъ радостей любовь,
Разлука будетъ безъ печали.
[Id. 322].

Проза.

I.

Народъ.

Народъ, еще неопытный въ волненьяхъ, похожъ на актера, который, являясь впервые на сцену, такъ смущенъ новостію своего положенія, что забываетъ начало роли, какъ бы твердо ее ни зналъ онъ; надобно непремѣнно, чтобъ суфлеръ, этотъ услужливый Протей, подсказалъ ему первое слово и тогда можно надѣяться, что онъ не запнется на дорогѣ.
[1831—1832. V—57].

*) Наполеону I французы.

II.

1) Общество.—Подлыя, гордыя и великія души.—Страдающіе люди.—Важныя эпохи жизни.—Физическіе признаки, опредѣляющіе характеръ человѣка.—Исторія души человѣческой.—Физическіе уроды.—Дураки и умные.—Послѣдствія дурнаго воспитанія.—Страсти.—Любопытство.

Общество всегда останется для меня собраніемъ людей безчувственныхъ, самолюбивыхъ въ высшей степени, и полныхъ зависти къ тѣмъ, въ душѣ которыхъ сохраняется хотя малѣйшая искра небеснаго огня.

[1831. IV—178].

Подлыя души завидуютъ всему, даже обидамъ, которыя показываютъ нѣкоторое вниманіе со стороны ихъ начальника.

[1831—1832. V—5].

Власть разлучаетъ гордыя души, а неволя соединяетъ ихъ.

[Id. 8].

Великія души имѣютъ особенное преимущество понимать другъ друга; онѣ читаютъ въ сердцѣ подобныхъ себѣ, какъ въ книгѣ, имъ давно знакомой; у нихъ есть примѣты, имъ однимъ извѣстныя и темныя для толпы; одно слово въ устахъ ихъ иногда цѣлая повѣсть, цѣлая страсть со всѣми ея оттѣнками.

[Id. 13/4].

Люди, когда страдаютъ, обыкновенно покорны, но если разъ имъ удалось сбросить ношу свою, то ягненокъ превращается въ тигра, притѣсненный дѣлается притѣснителемъ и платитъ сторицею — и тогда горе побѣжденнымъ!...

[Id. 10]

Въ важныя эпохи жизни, иногда въ самомъ обыкновенномъ человѣкѣ разгорается искра геройства, неизвѣстно доселѣ тлѣвшая въ груди его, и тогда онъ свершаетъ дѣла, о коихъ до сего ему не случалось и грезить, которымъ даже послѣ онъ самъ едва вѣруетъ.

[Id. 62].

Онъ [Печоринъ] не размахивалъ руками — вѣрный признакъ нѣкоторой скрытности характера. Не смотря на свѣтлый цвѣтъ его волосъ, усы его и брови были черные — признаки породы въ человѣкѣ, такъ какъ черная грива и черный хвостъ у бѣлой лошади. О глазахъ я долженъ сказать еще нѣсколько словъ. Во-первыхъ, они не смѣялись, когда онъ смѣялся. Это признакъ или злого нрава, или глубокой, постоянной грусти.

[Id. 230/1].

Исторія души человѣческой, хотя бы самой мелкой души, едва ли не любопытнѣе и не полезнѣе исторіи цѣлаго народа, особенно когда она — слѣдствіе наблюденій ума зрѣлаго надъ самимъ собою, и когда она писана безъ тщеславнаго желанія возбудить участіе или удивленіе. Исповѣдь Руссо имѣетъ уже тотъ недостатокъ, что онъ читалъ ее своимъ друзьямъ.

[Id. 237].

Признаюсь, я имѣю сильное предубѣжденіе противъ всѣхъ слѣпыхъ, кривыхъ, глухихъ, нѣмыхъ, безногихъ, безрукихъ, горбатыхъ и проч. Я замѣчалъ, что всегда есть какое-то странное отношеніе между наружностью человѣка и его душою, какъ будто бы съ потерею члена душа теряетъ какое нибудь чувство.

[Печоринъ. 1838—1841, V—239].

Безъ дураковъ было бы на свѣтѣ очень скучно. Мы [т. е. умные люди] знаемъ заранѣе, что обо всемъ можно спорить до безконечности, и потому не споримъ; мы знаемъ почти всѣ сокровенныя мысли другъ друга; одно слово — для насъ цѣлая исторія; видимъ зерно каждаго нашего чувства сквозь тройную оболочку. Печальное намъ смѣшно, смѣшное грустно, а вообще, по правдѣ, мы ко всему довольно равнодушны, кромѣ самихъ себя.

[Id. 259].

Да, такова была моя участь съ самаго дѣтства! всѣ читали на моемъ лицѣ признаки дурныхъ свойствъ, которыхъ не было; но ихъ предполагали — и они родились. Я былъ скроменъ — меня обвиняли въ лукавствѣ: я сталъ скрытенъ. Я глубоко чувствовалъ добро и зло — никто меня не ласкалъ, всѣ оскорбляли: я сталъ злопамятенъ; я былъ угрюмъ — другія дѣти веселы и болтливы; я чувствовалъ себя выше ихъ — меня ставили ниже: я сдѣлался завистливъ. Я былъ готовъ любить весь міръ — меня никто не понялъ: и я выучился ненавидѣть. Моя безцвѣтная молодость протекла въ борьбѣ съ собой и свѣтомъ; лучшія мои чувства, боясь насмѣшки, я хоронилъ въ глубинѣ сердца: они тамъ и умерли. Я говорилъ правду — мнѣ не вѣрили: я началъ обманывать.

[Id. 285].

Страсти не что иное, какъ идеи при первомъ своемъ развитіи; онѣ принадлежность юности сердца, и глупецъ тотъ, кто думаетъ цѣлую жизнь ими волноваться: многія спокойныя рѣки начинаются шумными водопадами, а ни одна не скачетъ и не пѣнится до самаго моря. Полнота и глубина чувствъ и мыслей не допускаетъ бѣшеныхъ порывовъ.

[Id. 283].

Любопытство, говорятъ, сгубило родъ человѣческій; оно и понынѣ наша главная, первая страсть, такъ что даже всѣ остальныя страсти могутъ имъ объясниться.

[1841. V—355].

2) Любовь и женщины.

Любовь, какъ огонь — безъ пищи гаснетъ.

[1838—1841. V—292].

Любовь дикарки немногимъ лучше любви знатной барыни; невѣжество и простосердечіе одной также надоѣдаютъ, какъ и кокетство другой.

[Id. 218].

Наряды необходимы счастью женщины, какъ цвѣты веснѣ.

[1831—1832. V—33].

Женщина благородная можетъ на минуту забыть свой долгъ, но всегда приходитъ время, когда она чувствуетъ, что должна возвратиться къ нему.

[—1836. IV—374].

Порода въ женщинахъ, какъ и въ лошадяхъ, великое дѣло: это открытіе принадлежитъ юной Франціи. Она, т. е. порода, большею частію изобличается въ поступи, въ рукахъ и ногахъ; особенно носъ очень много значитъ. Правильный носъ въ Россіи рѣже маленькой ножки.

[Id. 244].

Надобно отдать справедливость женщинамъ: онѣ имѣютъ инстинктъ красоты душевной.

[Id. 257].

Женщины любятъ только тѣхъ, которыхъ не знаютъ.

[Id. 264].

Нѣтъ ничего парадоксальнѣе женскаго ума; женщинъ трудно убѣдить въ чемъ нибудь; надо ихъ довести до того, чтобъ онѣ убѣдили себя сами.

[Id. 296].

Вернеръ [докторъ, знакомый Печорина] сравнилъ женщинъ съ заколдованнымъ лѣсомъ, о которомъ разсказываетъ Тассъ въ своемъ „Освобожденномъ Іерусалимѣ". „Только приступи", говорилъ онъ, „на тебя полетятъ со всѣхъ сторонъ такіе страхи, что Боже упаси: долгъ, гордость, приличіе, общее мнѣніе, насмѣшки, презрѣніе... Надо только не смотрѣть, а идти прямо; мало по малу чудовища исчезаютъ и открывается предъ тобой тихая и свѣтлая поляна, среди которой цвѣтетъ зеленый миртъ. За то бѣда, если на первыхъ шагахъ сердце дрогнетъ и обернешься назадъ!"

[Id. 297].

Артистическое чувство развито въ женщинахъ сильнѣе, чѣмъ въ насъ; онѣ чаще и долѣе насъ покорны первому впечатлѣнію.

[1841. V—351].

III.

Благородные и простой народъ. — Благодарность. — Зло и добро. — Нищета. — Уваженіе и любовь. — Когда человѣку все кажется хуже. — О чемъ люди не могутъ сожалѣть. — Ѣдкія истины. — Самые счастливые люди и слава. — Что мы всегда извиняемъ. — Дружба. — Тайны. — Самолюбіе — Радости и печали. — Честолюбіе. — Счастье. — Танцующій кавалеръ.

Благородные для того не сближаются съ простымъ народомъ, что боятся дабы не увидали, что они еще хуже его.

[1830. IV—8].

Благодарность: слово изобрѣтенное для того, чтобъ обманывать честныхъ людей.

[1831—1832. V—13].

Что такое величайшее добро и зло? Два конца незримой цѣпи, которые сходятся, удаляясь другъ отъ друга.

[Id. 24].

Нищета — душа порока и преступленій.

[Id. 56].

Уваженіе имѣетъ границы, а любовь — никакихъ.

[Id. 98].

Если человѣкъ самъ сталъ хуже, то все ему хуже кажется.

[1831—1832. V—18].

Люди не могутъ сожалѣть о томъ, что хуже или лучше ихъ.

[Id. 27].

Довольно людей кормили сластями: у нихъ отъ этого испортился желудокъ; нужны горькія лѣкарства, ѣдкія истины.

[1838—1841. V—189].

Самые счастливые люди — невѣжды, а слава — удача, и чтобъ добиться ея, надо только быть ловкимъ.

[Печоринъ. 1838—1841. V—218].

Мы почти всегда извиняемъ то, что понимаемъ.

[Id. V—237].

Изъ двухъ друзей всегда одинъ рабъ другаго, хотя часто ни одинъ изъ нихъ въ этомъ себѣ не сознается.

[Id. 258].

Я никогда самъ не открываю моихъ тайнъ, а ужасно люблю, чтобъ ихъ отгадывали, потому что

такимъ образомъ я всегда могу, при случаѣ, отъ нихъ отпереться. [Id. 261].

О самолюбіе! ты рычагъ, которымъ Архимедъ хотѣлъ приподнять земной шаръ!
[Id. 264].

Радости забываются, а печали никогда...
[Id. 267].

Честолюбіе есть не что иное, какъ жажда власти.
[Id. 282].

Что такое счастье? Насыщенная гордость.
[Id. 282].

По кореннымъ законамъ общества въ танцующемъ кавалерѣ ума не полагается.
[1836. V—128].

IV.

Будущность Россіи. — Русскій народъ. — Способность русскаго человѣка. — Попасться въ исторію. — Русскія барышни.

У Россіи нѣтъ прошедшаго: она вся въ настоящемъ и будущемъ. [1841. I—347].

Русскій народъ, этотъ сторукій исполинъ, скорѣе перенесетъ жестокость и надменность своего повелителя, чѣмъ слабость его; онъ желаетъ быть наказываемъ, но справедливо; онъ согласенъ служить, но хочетъ гордиться своимъ рабствомъ, хочетъ поднимать голову, чтобъ смотрѣть на своего господина, и проститъ ему скорѣе излишество пороковъ, чѣмъ недостатокъ добродѣтелей.
[1831—1832. V—10].

Меня невольно поразила способность русскаго человѣка примѣняться къ обычаямъ тѣхъ народовъ, среди которыхъ ему случается жить. Не знаю, достойно порицанія или похвалы это свойство ума, только оно доказываетъ неимовѣрную его гибкость

и присутствіе этого яснаго, здраваго смысла, который прощаетъ зло вездѣ, гдѣ видитъ его необходимость, или невозможность его уничтоженія.

[1838—1841. V—209].

О! исторія у насъ вещь ужасная; благородно или низко вы поступили, правы или нѣтъ, могли избѣжать или не могли, но ваше имя замѣшано въ исторію... все равно, вы теряете все, расположеніе общества, карьеру, уваженіе друзей. Попасться въ исторію, ужаснѣе этого ничего не можетъ быть, какъ бы эта исторія ни кончилась. Частная извѣстность ужъ есть острый ножъ для общества. Вы заставили объ себѣ говорить два дня, страдайте же двадцать лѣтъ за это. Судъ общаго мнѣнія, вездѣ ошибочный, происходитъ однако у насъ совсѣмъ на другихъ основаніяхъ, чѣмъ въ остальной Европѣ. Въ Англіи, напримѣръ, банкротство — безчестіе неизгладимое, достаточная причина для самоубійства; развратная шалость въ Германіи закрываетъ навсегда двери хорошаго общества А у насъ? Объявленный взяточникъ принимается вездѣ очень хорошо; его оправдываютъ фразою: и! кто этого не дѣлаетъ!... Трусъ обласканъ вездѣ, потому что онъ смирный малый. А замѣшанный въ исторію! о! ему нѣтъ пощады. Маменьки говорятъ объ немъ: Богъ его знаетъ, какой онъ человѣкъ, и папеньки прибавляютъ: мерзавецъ...

[1836. V—130].

Русскія барышни большею частью питаются только платоническою любовью, не примѣшивая къ ней мысли о замужествѣ; а платоническая любовь самая безпокойная.

[Неоконч. 1838—1841. V—265].

Николай Алексѣевичъ Некрасовъ.
(1821—1877).

I.

Міръ и толпа. — Незлобивый поэтъ. — Писатели. — Старая тема.

Міръ любитъ блескъ, гремушки и литавры;
Удѣлъ толпы—не узнавать друзей;
Она несетъ хвалы, вѣнцы и лавры
Лишь тѣмъ, чей бичъ хлесталъ ее больнѣй.

[1877. II—416].

Блаженъ незлобивый поэтъ,
Въ комъ мало желчи, много чувства:
Ему такъ искрененъ привѣтъ
Друзей спокойнаго искусства;
Ему сочувствіе въ толпѣ,
Какъ ропотъ волнъ, ласкаетъ ухо;
Онъ чуждъ сомнѣнія въ себѣ—
Сей пытки творческаго духа;
Любя безпечность и покой,
Гнушаясь дерзкою сатирой,
Онъ прочно властвуетъ толпой
Съ своей миролюбивой лирой.
Дивясь великому уму,
Его не гонятъ, не злословятъ,
И современники ему
При жизни памятникъ готовятъ...
Но нѣтъ пощады у судьбы
Тому, чей благородный геній

Сталъ обличителемъ толпы,
Ея страстей и заблужденiй.
Питая ненавистью грудь,
Уста вооруживъ сатирой,
Проходитъ онъ тернистый путь
Съ своей карающею лирой.
Его преслѣдуютъ хулы:
Онъ ловитъ звуки одобренья
Не въ сладкомъ ропотѣ хвалы,
А въ дикихъ крикахъ озлобленья.
И вѣря, и не вѣря вновь
Мечтѣ высокаго призванья,
Онъ проповѣдуетъ любовь
Враждебнымъ словомъ отрицанья,
И каждый звукъ его рѣчей
Плодитъ ему враговъ суровыхъ,
И умныхъ, и пустыхъ людей,
Равно клеймить его готовыхъ.
Со всѣхъ сторонъ его клянутъ,
И только трупъ его увидя,
Какъ много сдѣлалъ онъ, поймутъ,
И какъ любилъ онъ — ненавидя!

[1852. I—51/3].

Братья-писатели! въ нашей судьбѣ
Что-то лежитъ роковое:
Если бы всѣ мы, не вѣря себѣ,
Выбрали дѣло другое —
Не было-бъ точно, согласенъ и я,
Жалкихъ писакъ и педантовъ, —
Только бы не было также, друзья,
Скоттовъ, Шекспировъ и Дантовъ!
Чтобъ одного возвеличить, борьба
Тысячи слабыхъ уноситъ —

Даромъ ничто не дается: судьба
Жертвъ искупительныхъ проситъ.
[1855. I—101].

Нѣтъ, ты не Пушкинъ. Но покуда
Не видно солнца ни откуда,
Съ твоимъ талантомъ стыдно спать!
Еще стыднѣй въ годину горя
Красу долинъ, небесъ и моря
И ласку милой воспѣвать...

Пускай ты вѣренъ назначенью,
Но легче-ль родинѣ твоей,
Гдѣ каждый преданъ поклоненью
Единой личности своей?
На перечетъ сердца благія,
Которымъ родина свята;
Богъ — помочь имъ!.. а остальные?
Ихъ цѣль мелка, ихъ жизнь пуста.
Одни — стяжатели и воры,
Другіе — сладкіе пѣвцы,
А третьи... третьи — мудрецы!
Ихъ назначенье — разговоры.
Свою особу оградя,
Они бездѣйствуютъ, твердя:
„Неисправимо наше племя,
Мы даромъ гибнуть не хотимъ,
Мы ждемъ: авось поможетъ время,
И горды тѣмъ, что не вредимъ!“
Не можетъ сынъ глядѣть спокойно
На горе матери родной, —
Не будетъ гражданинъ достойный
Къ отчизнѣ холоденъ душой,
Ему нѣтъ горше укоризны...
Иди въ огонь за честь отчизны,

За убѣжденье, за любовь...
Иди и гибни безупречно:
Умрешь не даромъ... Дѣло прочно,
Когда подъ нимъ струится кровь.
А ты, поэтъ, избранникъ неба,
Глашатай истинъ вѣковыхъ!
Не вѣрь, что неимущій хлѣба
Не стоитъ вѣщихъ струнъ твоихъ!
Не вѣрь, что вовсе пали люди:
Не умеръ Богъ въ душѣ людей,
И вопль изъ вѣрующей груди
Всегда доступенъ будетъ ей!
Будь гражданинъ! служа искусству,
Для блага ближняго живи,
Свой геній подчиняя чувству
Всеобнимающей любви;
И если ты богатъ дарами,
Ихъ выставлять не хлопочи:
Въ твоемъ трудѣ заблещутъ сами
Ихъ животворные лучи.

[—1856. I—138/41].

Пускай намъ говоритъ измѣнчивая мода,
Что тема старая—„страданія народа“,
И что поэзія забыть ее должна,—
Невѣрьте, юноши! не старѣетъ она!
О, если бы ее могли состарить годы!
Процвѣлъ бы Божій міръ!... Увы! пока народы
Влачатся въ нищетѣ, покорствуя бичамъ,
Какъ тощія стада по выжженнымъ лугамъ,
Оплакивать ихъ рокъ, служить имъ будетъ муза,
И въ мірѣ нѣтъ святѣй, прекраснѣе союза!...
Толпѣ напоминать, что бѣдствуетъ народъ
Въ то время, какъ она ликуетъ и поетъ,

Къ народу возбуждать вниманье сильныхъ міра —
Чему достойнѣе служить могла бы лира?...

[1874. II—320].

II.

1) Душа подъ грозой. — Любовь и ненависть. — Пошлый опытъ. — Дѣло любви.—Жизнь безъ печали и гнѣва.— Душевная буря. Торная и тернистая дороги. — Служеніе великимъ цѣлямъ. — Великія могилы.

. . Благодатна
Всякая буря душѣ молодой—
Зрѣетъ и крѣпнетъ душа подъ грозой.

[1855. I—123].

То сердце не научится любить.
Которое устало ненавидѣть.

[1856. I - 128].

—Въ пошлой лѣни усыпляющій
Пошлыхъ жизни мудрецовъ,
Будь онъ проклятъ, растлѣвающій
Пошлый опытъ—умъ глупцовъ!

[1858. I—193].

Отъ ликующихъ, праздно болтающихъ,
Обагряющихъ руки въ крови,
Уведи меня въ станъ погибающихъ
За великое дѣло любви!

[1860. I—231].

Кто живетъ безъ печали и гнѣва,
Тотъ не любитъ отчизны своей...

[1865. I—363].

Недолгая насъ буря укрѣпляетъ,
Хоть ею мы мгновенно смущены,
Но долгая—навѣки поселяетъ
Въ душѣ привычки робкой тишины.

[1867. I—410].

Нейди просторною
Дорогой торною:
Страстей раба,
По ней громадная,
Къ соблазну жадная
Идетъ толпа.
О жизни искренней,
О цѣли выспренней
Тамъ мысль смѣшна,
Кипитъ тамъ вѣчная,
Безчеловѣчная
Вражда—война.
За блага бренныя...
Тамъ души плѣнныя,
Въ цѣпяхъ умы.
Ключемъ кипящая,
Тамъ жизнь мертвящая,
Тамъ—царство тьмы...
Иные—чистые
Пути тернистые
Обрѣтены...
Иди къ униженнымъ,
Иди къ обиженнымъ—
По ихъ стопамъ,
Гдѣ трудно дышется,
Гдѣ горе слышится,
Будь первый тамъ!
[1873. II—281/2].

Кто, служа великимъ цѣлямъ вѣка,
Жизнь свою всецѣло отдаетъ
На борьбу за брата—человѣка,
Только тотъ себя переживетъ...
[1876. II—415].

Нужны намъ великія могилы,
Если нѣтъ величія въ живыхъ.
Коли
[1877. II—433].

2) Женское чувство.—Мать.

Ахъ! чувство женское легко!
Онѣ его хранятъ, лелѣютъ,
Покуда радуетъ оно,
Но если тучи тяготѣютъ
И небо грозно и темно—
Его спасти имъ не дано!
[1856. I—173].

Мы любимъ сестру, и жену, и отца,
Но въ мукахъ мы мать вспоминаемъ!
[1877. II—431].

III.

Тайная гроза.—Работа.—Красныя дѣвушки.—Крѣпостное право.—Холопы.—Старость.—Муза мести и печали.

Нѣтъ чувства мучительнѣй тайной грозы.
[1871—1872. I—559].

Съ работы, какъ ни мучайся,
Не будешь ты богатъ,
А будешь ты горбатъ!
[1873. II—120].

Толпа безъ красныхъ дѣвушекъ
Что рожь безъ васильковъ.
[Id. 156].

Вы крѣпостными не были;
Была капель великая,
Да не на вашу плѣшь!
[—Id. 248/9].

Люди холопскаго званія
Сущіе псы иногда:
Чѣмъ тяжелѣй наказанія,
Тѣмъ имъ милѣй господа.
[Id. 244].

Богъ старости—неумолимый богъ.
[1874. II—316].

Замолкни, муза мести и печали!
[1856. I—127].

IV.

Русская печаль. — Родная земля. — Русскій народъ. — Ничтожное племя.—Русское общественное мнѣнье.—Либералъ-идеалистъ. Литература сороковыхъ годовъ. — Русскій франтъ. — Русскій геній.—Матушка Русь.—Кому на Руси жить хорошо.—Брань мужиковъ.—Крестьяне русскіе.—Сѣятелямъ.

Какъ ни тепло чужое море,
Какъ ни красна чужая даль,
Не ей поправить наше горе,
Размыкать русскую печаль!
[1857. I—178].

....Родная земля!
Назови мнѣ такую обитель,
Я такого угла не видалъ,
Гдѣ бы сѣятель твой и хранитель,
Гдѣ бы русскій мужикъ не стоналъ?
Стонетъ онъ по полямъ, по дорогамъ,
Стонетъ онъ по тюрьмамъ, по острогамъ,
Въ рудникахъ, на желѣзной цѣпи;
Стонетъ онъ подъ овиномъ, подъ стогомъ,
Подъ телѣгой, ночуя въ степи;
Стонетъ въ собственномъ бѣдномъ домишкѣ,
Свѣту Божьяго солнца не радъ;
Стонетъ въ каждомъ глухомъ городишкѣ,
У подъѣзда судовъ и палатъ.
[1858. I—191/2].

Да—Господь милостивъ! Русскій народъ
Плакать не любитъ, а больше поетъ.

[1860. I—214].

Покорись—о, ничтожное племя!—
Неизбѣжной и горькой судьбѣ;
Захватило васъ трудное время,
Неготовыми къ трудной борьбѣ:
Вы еще не въ могилѣ, вы живы,
Но для дѣла вы мертвы давно;
Суждены вамъ благіе порывы,
Но свершить ничего не дано...

[1860. I—232].

Пожалуйста, не говори
Про русское общественное мнѣнье!
Его нельзя не презирать
Сильнѣй невѣжества, распутства, тунеядства:
На немъ предательства печать
У непонятнаго злорадства!
У русскаго особый взглядъ,
Преданьямъ рабства страшно вѣренъ:
Всегда побитый виноватъ,
А битымъ—счетъ потерянъ!
Какъ будто съ умысломъ силки
Мы разставляемъ мысли смѣлой;
Сперва—сторонниковъ полки,
Восторгъ почти Россіи цѣлой,
Потомъ—усталость; наконецъ,
Всѣ на-сторожѣ, всѣ въ тревогѣ,
И покидается боецъ
Почти одинъ на полдорогѣ...
Побѣда! мимо всѣхъ преградъ
Прошла и принялась идея:

Ура! кричимъ мы, не робѣя,
И тотъ, кто радъ, и кто не радъ...
За то съ какимъ зловѣщимъ тактомъ
Мы неудачу сторожимъ!
Замѣтивъ облачко надъ фактомъ,
Какъ стушеваться мы спѣшимъ!
Какъ мы вертимъ хвостомъ лукаво,
Какъ мы уходимъ величаво
Въ скорлупку пошлости своей!
Какъ негодуемъ, какъ клевещемъ,
Какъ ретроградамъ рукоплещемъ,
Какъ выдаемъ своихъ друзей!

[1867. I—449/50].

Діалектикъ обаятельный,
Честенъ мыслью, сердцемъ чистъ!
Помню я твой взоръ мечтательный,
Либералъ-идеалистъ!
Созерцающій, читающій,
Съ неотступною хандрой
По Европѣ разъѣзжающій,
Здѣсь и тамъ—всему чужой,
Для дѣйствительности скованный,
Верхоглядомъ жилъ ты, зря,
Ты бродилъ разочарованный,
Красоту боготворя;
Все съ погибшими созданьями
Да съ брошюрами возясь,
Наполняя умъ свой знаньями
Обходилъ ты жизни грязь;
Грозный дѣятель въ теоріи,
Безпощадный радикалъ,
Ты на улицѣ исторіи
Съ полицейскимъ избѣгалъ;

Злыхъ, надменныхъ, угнетающихъ
Лишь презрѣньемъ ты каралъ,
Не спасалъ ты утопающихъ,
Но и въ воду не толкалъ...
Ты, въ которомъ чуть не генія
Долго видѣли друзья,
Рыцарь добраго стремленія
И безпутнаго житья!
Хоть реальнаго усилія
Ты не сдѣлалъ никогда,
Чувству горькаго безсилія
Подчинившись навсегда
Все же, чту тебя и нынѣ я;
Я люблю припоминать
На челѣ твоемъ унынія
Безпредѣльнаго печать:
Ты стоялъ передъ отчизною,
Честенъ мыслью, сердцемъ чистъ,
Воплощенной укоризною,
Либералъ-идеалистъ!

[—1867. I—456/7].

Еще добромъ должны мы помянуть
Тогдашнюю литературу!
У ней была задача: какъ нибудь
Намекомъ натолкнуть на честный путь
Къ развитію способную натуру...
Хорошая задача! Не забылъ,
Я думаю, ты истинныхъ свѣтилъ,
Отмѣтившихъ то время роковое:
Бѣлинскій жилъ тогда, Грановскій, Гоголь жилъ,
Еще найдется славныхъ двое, трое—
У нихъ тогда училось все живое...

[—1867. I—458].

Да! славной смертью, смертью роковой
Грановскій умеръ... кто не издѣвался
Надъ „безпредметною“ тоской?
Но глупый смѣхъ къ чему не придирался!
„Гражданской скорбью“ наши мудрецы
Прозвали настроеніе такое...
Надъ чѣмъ смѣяться вздумали, глупцы!
Опошлить чувство силятся какое!
Поверхностной ироніи печать
Мы очень часто налагаемъ
На то, что должно уважать,
За то — достойное презрѣнья уважаемъ!
Намъ юноша, стремящійся къ добру,
Смѣшонъ восторженностью странной,
А зрѣлый мужъ, поверженный въ хандру,
Смѣшонъ тоскою постоянной;
Не понимаемъ мы глубокихъ мукъ,
Которыми болитъ душа иная,
Внимая въ жизни вѣчно-ложный звукъ
И въ праздности невольной изнывая;
Не понимаемъ мы — и гдѣ же намъ понять?
Что бѣлый свѣтъ кончается не нами,
Что можно личнымъ горемъ не страдать
И плакать честными слезами.
Что туча каждая, грозящая бѣдой,
Нависшая надъ жизнію народной,
Слѣдъ оставляетъ роковой
Въ душѣ живой и благородной!
Да! были личности!.. Не пропадетъ народъ,
Обрѣтшій ихъ во времена крутыя!
Мудреными путями Богъ ведетъ
Тебя, многострадальная Россія!
Попробуй, усомнись въ твоихъ богатыряхъ

Доисторическаго вѣка,
Когда и въ наши дни выноситъ на плечахъ
Все поколѣнье два-три человѣка?
[—1867. I—461/2].

А что такое русскій франтъ?
Все совершенствуется въ свѣтѣ,
А у него единственный талантъ,
Единственный прогрессъ—въ жилетѣ.
Вино, рысакъ, лоретка—тутъ онъ весь
И съ внутреннимъ, и съ внѣшнимъ міромъ.
Его тщеславіе вращается до днесь
Между конюшней и трактиромъ.
Программа жалкая его—
Не дѣлать ровно ничего,
Считая глупостью и ложью
Все, кромѣ свѣтской суеты,
Гнушаться чернью, быть на „ты"
Со всею именитой молодежью;
За недостаткомъ гордости въ душѣ,
Являть ее въ своей осанкѣ;
Дрожать для дѣла на грошѣ
И тысячи бросать какой нибудь цыганкѣ;
Знать наизусть Еленъ и Клеопатръ,
Наѣхавшихъ изъ Франціи въ Россію,
Ходить въ Михайловскій театръ
И презирать—Александрію.
Французскимъ jeunes premiers въ манерахъ подражать,
Искусно на конькахъ кататься,
На скачкахъ призы получать
И каждый вечеръ напиваться
Въ трактирахъ и въ другихъ домахъ,
Съ отличной стороны извѣстныхъ,

Или въ Милютиныхъ рядахъ,
За лавками, въ конурахъ тѣсныхъ,
Гдѣ царствуетъ обычай вѣковой:
Не мыть половъ, салфетокъ, стклянокъ,
Куда влекутъ они съ собой
И чопорныхъ, брезгливыхъ парижанокъ,
Чтобы въ разгарѣ кутежа,
Въ угоду пристающимъ съ-пьяна
Ѣсть устрицы съ желѣзнаго ножа
И пить вино изъ грязнаго стакана!
Въ одномъ прогрессъ являетъ онъ —
Нашъ милый франтъ — что все мельчаетъ,
Лѣтъ въ двадцать волосы теряетъ,
Тщедушенъ, ростомъ умаленъ
И слабосиліемъ наказанъ.
Стаканомъ можно каждаго споить
И каждаго не трудно удавить
На узкой ленточкѣ, которой онъ повязанъ!

[1867. I—443/4].

Русскій геній издавна вѣнчаетъ
Тѣхъ, которые мало живутъ,
О которыхъ народъ замѣчаетъ:
„У счастливаго недруги мрутъ,
У несчастнаго другъ умираетъ...“

[1868. I—469].

Битву кровавую
Съ сильной державою
Царь замышлялъ.
—Хватитъ ли силушки?
Хватитъ ли золота?
Думалъ, гадалъ.
Ты и убогая,
Ты и обильная,

Ты и могучая,
Ты и безсильная
Матушка — Русь!

Въ рабствѣ спасенное
Сердце свободное —
Золото, золото
Сердце народное!

Сила народная,
Сила могучая:—
Совѣсть спокойная,
Правда живучая!

Сила съ неправдою
Не уживается,
Жертва неправдою
Не вызывается —

Русь не шелохнется,
Русь — какъ убитая!
А загорѣлась въ ней
Искра сокрытая —

Встали — не бужены,
Вышли — не прошены,
Жита по зернышку
Горы наношены!

Рать подымается
Неисчислимая,
Сила въ ней скажется
Несокрушимая!

Ты и убогая
Ты и обильная,
Ты и забитая,
Ты и всесильная,
Матушка — Русь!...

[1873. II—287/8].

Въ какомъ году—разсчитывай,
Въ какой землѣ—угадывай,
На столбовой дороженькѣ
Сошлись семь мужиковъ,
Семь временно-обязанныхъ
Подтянутой губерніи,
Уѣзда Терпигорева,
Пустопорожней волости,
Изъ смежныхъ деревень:
Заплатова, Дырявина,
Разутова, Знобишина,
Горѣлова, Неѣлова,
Неурожайка—тожъ,—
Сошлися—и заспорили:
Кому живется весело,
Вольготно на Руси?
Романъ сказалъ: помѣщику,
Демьянъ сказалъ: чиновнику,
Лука сказалъ: попу.
Купчинѣ толстопузому!
Сказали братья Губины,
Иванъ и Митродоръ.
Старикъ Пахомъ потужился
И молвилъ, въ землю глядючи:
Вельможному боярину,
Министру государеву;
А Провъ сказалъ: царю.

[1873. II—1/2].

А мужику не лаяться—
Едино, что молчать.

[Id. 241].

Сказалъ имъ Веретенниковъ:
„Умны крестьяне русскіе,

Одно не хорошо,
Что пьютъ до одуренія:
Во рвы, въ канавы валятся —
Обидно поглядѣть“!
Крестьяне рѣчь ту слушали,
Поддакивали барину.
Павлуша что-то въ книжечку
Хотѣлъ уже писать,
Да выискался пьяненькій
Мужикъ,— онъ противъ барина
На животѣ лежалъ,
Въ глаза ему поглядывалъ,
Помалчивалъ,—да вдругъ
Какъ вскочитъ! Прямо къ барину —
Хвать карандашъ изъ рукъ!
„Постой, башка порожняя!
Шальныхъ вѣстей, безсовѣстныхъ
Про насъ не разноси!
Чему ты позавидовалъ?
Что веселится бѣдная
Крестьянская душа?
Пьемъ много мы по времени,
А больше мы работаемъ,
Насъ пьяныхъ много видится,
А больше трезвыхъ насъ.
По деревнямъ ты хаживалъ?
Возьмемъ ведерко съ водкою,
Пойдемъ-ка по избамъ;
Въ одной, въ другой навалятся,
А въ третьей не притронутся —
У насъ на семью пьющую
Непьющая семья!
Не пьютъ, а также маются;

Ужъ лучше-бъ пили, глупые,
Да совѣсть такова...
Чудно смотрѣть, какъ ввалится
Въ такую избу трезвую
Мужицкая бѣда,
И не глядѣлъ бы! Видывалъ
Въ страду деревни русскія?
Въ питейномъ, чтоль, народъ?
У насъ поля обширныя,
А не горазло щедрыя;
Скажи-ка, чьей рукой
Съ весны они одѣнутся,
А осенью раздѣнутся?
Встрѣчалъ ты мужика
Послѣ работы вечеромъ?
На пожнѣ гору добрую
Поставилъ, съѣлъ съ горошину.

„Нѣтъ мѣры хмѣлю русскому!
А горе наше мѣряли?
Работѣ мѣра есть!
Вино валитъ крестьянина,
А горе не валитъ его?

„Подъ солнышкомъ, безъ шапочекъ,
Въ поту, въ грязи по макушку,
Осокою изрѣзаны,
Болотнымъ гадомъ—мошкою
Изъѣденные въ кровь,
Небось, мы тутъ красивѣе?
„Жалѣть—жалѣй умѣючи:
На мѣрочку господскую
Крестьянина не мѣрь!

Не бѣлоручки нѣжные,
А люди мы великіе
Въ работѣ и гульбѣ!...

„У каждаго крестьянина
Душа, что туча черная—
Гнѣвна, грозна—и надо бы
Громамъ гремѣть оттудова,
Кровавымъ лить дождямъ,
А все виномъ кончается.
Пошла по жиламъ чарочка—
И разсмѣялась добрая
Крестьянская душа!

[1873. II—48/52].

Не диво ли? широкая
Сторонка Русь крещеная,
Народу въ ней тьма темъ,
А ни въ одной то душенькѣ
Съ покон въ вѣковъ до нашего
Не загорѣлась пѣсенка
Веселая и ясная,
Какъ ведреный денёкъ.

[1873. II—240].

Сѣйте разумное, доброе, вѣчное,
Сѣйте! Спасибо вамъ скажетъ сердечное
Русскій народъ...

[1876. II—40].

Николай Васильевичъ Гоголь.
(1808—1852).

I.

Искусство. — Творчество. — Скульптура, живопись и музыка. — Эффектъ контраста.

Искусство уже въ самомъ себѣ заключаетъ свою цѣль. Стремленье къ прекрасному и высокому — вотъ искусство. Оно стремится непремѣнно къ добру, положительно или отрицательно: выставляетъ ли намъ красоту всего лучшаго, что ни есть въ человѣкѣ, или же смѣется надъ безобразіемъ всего худшаго въ человѣкѣ. Не то дурно, что намъ показываютъ въ дурномъ дурное, и видишь, что оно дурно во всѣхъ отношеніяхъ; но то дурно, если намъ выставляютъ его такъ, что не знаешь, злое ли оно, или нѣтъ; то дурно, когда дѣлаютъ привлекательнымъ для зрителя злое; то дурно, что мѣшаютъ его въ такой степени съ добромъ, что не знаешь, къ которой сторонѣ пристать; то дурно, что доброе показываютъ намъ такимъ образомъ, что въ добрѣ не видишь добра.

[—1843. II—345].

Почти у всѣхъ писателей, которые не лишены творчества, есть способность, которую я не назову воображеньемъ, — способность представлять предметы отсутствующіе такъ живо, какъ бы они были предъ нашими глазами. Способность эта дѣйствуетъ въ насъ только тогда, когда мы отдалимся отъ предметовъ, которые описываемъ. Вотъ почему почти

большею частію избирали эпоху, отъ насъ отдалившуюся, и погружались въ прошедшее. Прошедшее, отрывая насъ отъ всего, что ни есть вокругъ насъ, приводитъ душу въ то тихое, спокойное настроеніе, которое необходимо для труда.

[1847. IV—259].

Какъ сравнить васъ между собою, три прекрасныя царицы міра? Чувственная, плѣнительная скульптура внушаетъ наслажденіе, живопись — тихій восторгъ и мечтаніе, музыка—страсть и смятеніе души.

[1831. V—116].

Истинный эффектъ [въ архитектурѣ] заключенъ въ рѣзкой противоположности: красота никогда не бываетъ такъ ярка и видна, какъ въ контрастѣ.

[Id. 221].

II.

1) Какого рода созданье человѣкъ. — Милліонщикъ.

И оказалось ясно, какого рода созданье человѣкъ: мудръ, уменъ и толковъ онъ бываетъ во всемъ, что̀ касается другихъ, а не себя. Какими осмотрительными, твердыми совѣтами снабдитъ онъ въ трудныхъ случаяхъ жизни! „Экая расторопная голова!" кричитъ толпа: „какой неколебимый характеръ!" А наткнись на эту расторопную голову какая нибудь бѣда, и доведись ему самому быть поставлену въ трудные случаи жизни—куды дѣлся характеръ! весь растерялся неколебимый мужъ, и вышелъ изъ него жалкій трусишка, ничтожный, слабый ребенокъ, или, просто, остюкъ, какъ называетъ Ноздревъ.

[1841. III—209].

[О Плюшкинѣ]. И до такой ничтожности, мелочности, гадости могъ снизойти человѣкъ? могъ такъ из-

мѣнится? И похоже это на правду? — Все похоже на правду, все можетъ статься съ человѣкомъ. Нынѣшній же пламенный юноша отскочилъ бы съ ужасомъ, если бы показали ему его же портретъ въ старости. Забирайте же съ собою въ путь, выходя изъ мягкихъ юношескихъ лѣтъ въ суровое, ожесточающее мужество, — забирайте съ собою всѣ человѣческія движенія, не оставляйте ихъ на дорогѣ: не подымете потомъ! Грозна, страшна грядущая впереди старость и ничего не отдастъ назадъ и обратно!

[Id.—125].

Трудно даже понять, какъ устроенъ этотъ смертный: какъ бы ни была пошла новость, но лишь бы она была новость, онъ непремѣнно сообщитъ ее другому смертному, хотя бы именно для того только, чтобы сказать: „Посмотрите, какую ложь распустили!“ А другой смертный съ удовольствіемъ преклонитъ ухо, хотя послѣ скажетъ самъ: „Да это совершенно пошлая ложь, нестоющая никакого вниманія!“ И вслѣдъ за тѣмъ сей же часъ отправится искать третьяго смертнаго, чтобы, разсказавши ему, послѣ вмѣстѣ съ нимъ воскликнуть съ благороднымъ негодованіемъ: „какая пошлая ложь!“ И это непремѣнно обойдетъ весь городъ, и всѣ смертные, сколько ихъ ни есть, наговорятся непремѣнно досыта и потомъ признаютъ, что это не стоитъ вниманія и не достойно, чтобы о немъ говорить.

[Id.—[illegible]].

Поди ты, сладь съ человѣкомъ! не вѣритъ въ Бога, а вѣритъ, что если почешется переносье, то непремѣнно умретъ. Всю жизнь не ставитъ въ грошъ докторовъ, а кончится тѣмъ, что обратится, наконецъ, къ бабѣ, которая лѣчитъ зашептываньями и заплев-

ками, или, еще лучше, выдумаетъ самъ какой-нибудь декоктъ изъ невѣсть какой дряни.

[Id. — 207].

Милліонщикъ имѣетъ ту выгоду, что можетъ видѣть подлость, совершенно безкорыстную, чистую подлость, не основанную ни на какихъ разсчетахъ: Многіе очень хорошо знаютъ, что ничего не получать отъ него и не имѣютъ никакого права получить, но непремѣнно хоть забѣгутъ ему впередъ, хоть засмѣются, хоть снимутъ шляпу, хоть напросятся насильно на тотъ обѣдъ, куда узнаютъ, что приглашенъ милліонщикъ.

[Id. 157/8].

2) Женщина.

Глупость составляетъ особенную прелесть въ хорошенькой женѣ. По крайней мѣрѣ, я зналъ много мужей, которые въ восторгѣ отъ глупости своихъ женъ и видятъ въ ней всѣ признаки младенческой невинности. Красота производитъ совершенныя чудеса. Всѣ душевные недостатки въ красавицѣ, вмѣсто того, чтобы произвести отвращеніе, становятся какъ-то необыкновенно привлекательны; самый порокъ дышетъ въ нихъ миловидностью; но исчезни она — и женщинѣ нужно быть въ двадцать разъ умнѣе мужчины, чтобы внушить къ себѣ, если не любовь, то, по крайней мѣрѣ, уваженіе.

[1833. V — 281].

III.

1) Страстишка нагадить ближнему. — Щедрость на слово дуракъ. — Односторонніе люди. — Чиновники. — Смѣхъ. — Ровность и снисходительность характера. — Молодость. — Проситель.

Есть люди, имѣющіе страстишку нагадить ближнему, иногда вовсе безъ всякой причины.

[1841. III—68].

Щедръ человѣкъ на слово дуракъ и готовъ прислужиться имъ двадцать разъ на день своему ближнему. Довольно изъ десяти сторонъ имѣть одну глупую, чтобы быть признану дуракомъ мимо девяти хорошихъ.

[Id.—210].

Односторонніе люди и при томъ фанатики — язва для общества.

[1845. IV—66].

Приставить новаго чиновника для того, чтобы ограничить прежняго въ его воровствѣ, значитъ сдѣлать двухъ воровъ на мѣсто одного.

[Id. 156].

Смѣхъ — великое дѣло: онъ не отнимаетъ ни жизни, ни имѣнія, но передъ нимъ виновный — какъ связанный заяцъ...

[1837. V—517].

Нужно со смѣхомъ быть очень осторожнымъ, — тѣмъ болѣе, что онъ заразителенъ и стóитъ только тому, кто поостроумнѣй, посмѣяться надъ одной стороной дѣла, какъ уже, во слѣдъ за нимъ, тотъ, кто потупѣе и поглупѣй, будетъ смѣяться надъ всѣми сторонами дѣла.

[1847. IV—252].

Извѣстно, что достаточно пріобрѣсти въ обращеніяхъ съ людьми нѣкоторую ровность характера и снисходительность, чтобы заставить ихъ уже не замѣчать въ насъ нашихъ недостатковъ.

[Id. 275].

Молодость счастлива тѣмъ, что у ней есть будущее.

[1852. IV—295].

Намъ пріятно поводить просителя. Пусть его натретъ себѣ спину въ передней! Будто ужъ и нельзя

подождать ему! Какое намъ дѣло до того, что, можетъ быть, всякій часъ ему дорогъ и терпятъ оттого дѣла его!

[Id. III—365].

2) Собакевичъ. — Александръ Македонскій. — Смѣхъ надъ собой.— Прозвища на Руси. — Неуважай-Корыто. — Держиморда. — Именины сердца. — Клубничка. — Перлъ созданія. — Смѣхъ и слезы. — Приторная вѣжливость. — Пошла писать губернія. — Скопапель истоаръ. — Чепуха. — Чудо коленкоръ. — Красивый домъ гражданской архитектуры. — Ловкость военнаго человѣка. — Полюби насъ черненькими.

Извѣстно, что есть много на свѣтѣ такихъ лицъ, надъ отдѣлкою которыхъ натура не долго мудрила, не употребляла никакихъ мелкихъ инструментовъ, какъ-то: напильниковъ, буравчиковъ и прочаго, но просто рубила со всего плеча: хватила топоромъ разъ — вышелъ носъ, хватила въ другой — вышли губы, большимъ сверломъ ковырнула глаза и, не обскобливши, пустила на свѣтъ, сказавши: „живетъ!" Такой же самый крѣпкій и на диво стаченный образъ былъ у Собакевича.

[1841. III—91].

Оно, конечно, Александръ Македонскій герой, но зачѣмъ же стулья ломать? отъ этого убытокъ казнѣ.

[Городничій. 1842. II—205].

Чему смѣетесь? Надъ собою смѣетесь!..

[Id. 282].

На Руси есть такія прозвища, что только плюнешь да перекрестишься, коли услышишь [выраженіе свахи Ѳеклы Ивановны въ комедіи „Женитьба"].

[1842. II—368].

Неуважай - Корыто [прозвище одного изъ умершихъ мужиковъ, купленныхъ Чичиковымъ у Коробочки].

[1841. III—53].

Держиморда [фамилія полицейскаго въ комедіи „Ревизоръ"].

[1842. II—198].

Ужъ такое право доставили наслажденіе — майскій день... именины сердца...

[Маниловъ. 1841. III—24].

Попользоваться насчетъ клубнички [выраженіе, приписанное Ноздревымъ его пріятелю, поручику Кувшинникову].

[1841. III—63].

Возвести ... въ перлъ созданія.

[Id.—131].

И долго еще опредѣлено мнѣ чудной властью итти объ руку съ моими странными героями, озирать всю громадно-несущуюся жизнь, озирать ее сквозь видный міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы!

[Id.—132].

Никогда не говорили онѣ: „я высморкалась, я вспотѣла, я плюнула", а говорили: „я облегчила себѣ носъ, я обошлась посредствомъ платка". Ни въ какомъ случаѣ нельзя было сказать: „этотъ стаканъ или эта тарелка воняетъ" а говорили вмѣсто того: „этотъ стаканъ не хорошо ведетъ себя".

[Id.—157].

„Вона! пошла писать губернія!" проговорилъ Чичиковъ [по поводу галопада на балу у губернатора].

[Id. 162].

Исторія, сконапель истоаръ [выраженіе одной изъ дамъ въ бесѣдѣ по поводу похожденій Чичикова].

[Id. 181].

Это, выходитъ, просто: Антропы ѣдутъ, чепуха, билиберда, сапоги въ смятку!

[Id. 189].

Можно сказать: чудо коленкоръ! [Выраженіе Ноздрева].

[Id. 215].

А между тѣмъ въ другихъ концахъ города очутилось у каждаго изъ членовъ по красивому дому гражданской архитектуры.

[Id. 233].

Господинъ необыкновенно приличной наружности соскочилъ на крыльцо съ быстротой и ловкостью почти военнаго человѣка [Чичиковъ].

[1852. III—300].

Нѣтъ, ты полюби насъ черненькими, а бѣленькими насъ всякій полюбитъ.

[—Id. 317].

IV.

Русскій человѣкъ. — Мѣтко сказанное русское слово. — Наши пословицы. — Нашъ крестьянинъ. — Свойство посмѣяться. — Наши собранія.

Таковъ уже русскій человѣкъ: страсть сильная зазнаться съ тѣмъ, который бы хотя однимъ чиномъ былъ его повыше, и шапочное знакомство съ графомъ или княземъ для него лучше всякихъ тѣсныхъ дружескихъ отношеній.

[1841. III—17].

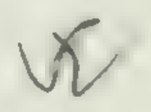
Русскаго человѣка по тѣхъ поръ не заставишь говорить, покуда не разсердишь его и не выведешь изъ терпѣнія.

[1846. IV—223].

Иной разъ, право, кажется, что будто русскій человѣкъ—какой-то пропащій человѣкъ. Нѣтъ силы воли, нѣтъ отваги на постоянство. Хочешь все сдѣлать — и ничего не можешь. Все думаешь — съ завтрашняго дня начнешь новую жизнь, съ завтрашняго дня примешься за все, какъ слѣдуетъ, съ завтрашняго дня сядешь на діэту; ничуть не бывало: къ

вечеру того же дня такъ объѣшься, что только хлопаешь глазами и языкъ не ворочается, — право; и эдакъ всѣ.

[—1852. III—362].

Выражается сильно россійскій народъ! И если наградитъ кого словцомъ, то пойдетъ оно ему въ родъ и потомство, утащитъ онъ его съ собою и на службу, и въ отставку, и въ Петербургъ, и на край свѣта. Произнесенное мѣтко, все равно, что писанное, не вырубливается топоромъ. А ужъ куды бываетъ мѣтко все то, что вышло изъ глубины Руси, гдѣ нѣтъ ни нѣмецкихъ, ни чухонскихъ, ни всякихъ иныхъ племенъ, а все самъ-самородокъ, живой и бойкій русскій умъ, что не лѣзетъ за словомъ въ карманъ, не высиживаетъ его какъ насѣдка цыплятъ, а влѣпливаетъ съ разу, какъ пашпортъ на вѣчную носку, и нечего прибавлять уже потомъ, какой у тебя носъ или губы: одной чертой обрисованъ ты съ ногъ до головы! Сердцевѣдѣніемъ и мудрымъ познаньемъ жизни отзовется слово британца; легкимъ щеголемъ блеснетъ и разлетится недолговѣчное слово француза; затѣйливо придумаетъ свое не всякому доступное, умно-худощавое слово нѣмецъ; но нѣтъ слова, которое было бы такъ замашисто, бойко, такъ вырвалось бы изъ-подъ самаго сердца, такъ бы кипѣло и животрепетало, какъ мѣтко сказанное русское слово.

[1841. III—106].

Наши пословицы значительнѣе пословицъ всѣхъ другихъ народовъ. Сверхъ полноты мыслей, уже въ самомъ образѣ выраженія въ нихъ отразилось много народныхъ свойствъ нашихъ; въ нихъ все есть: издѣвка, насмѣшка, попрекъ, словомъ—все шевеля-

щее и задирающее за живое: какъ стоглазый Аргусъ, глядитъ изъ нихъ каждая на человѣка.

[1846. IV—194].

Крестьянинъ нашъ умѣетъ говорить со всѣми себя высшими, (даже съ царемъ), такъ свободно, какъ никто изъ насъ, и ни однимъ словомъ не покажетъ неприличія, тогда какъ мы часто не умѣемъ поговорить даже съ равнымъ себѣ такимъ образомъ, чтобы не оскорбить его какимъ нибудь выраженіемъ.

[Id. 209].

Трудно найти русскаго человѣка, въ которомъ бы не соединялось, вмѣстѣ съ умѣньемъ предъ чѣмъ нибудь истинно возблагоговѣть, свойство — надъ чѣмъ нибудь истинно посмѣяться. Всѣ наши поэты заключали въ себѣ это свойство.

[Id. 197].

Во всѣхъ нашихъ собраніяхъ, начиная отъ крестьянской мірской сходки до всякихъ возможныхъ ученыхъ и прочихъ комитетовъ, если въ нихъ нѣтъ одной главы, управляющей всѣмъ, присутствуетъ пренорядочная путаница. Трудно даже и сказать, почему это; видно, уже народъ такой, только и удаются тѣ совѣщанія, которыя составляются для того, чтобы покутить или пообѣдать, какъ-то: клубы и всякіе воксалы на нѣмецкую ногу. А готовность всякую минуту есть, пожалуй, на все. Мы вдругъ, какъ вѣтеръ повѣетъ, заведемъ общества благотворительныя, поощрительныя и невѣсть какія. Цѣль будетъ прекрасна, а при всемъ томъ ничего не выйдетъ. Можетъ быть, это происходитъ отъ того, что мы вдругъ удовлетворяемся въ самомъ началѣ и уже почитаемъ, что все сдѣлано. Напримѣръ, затѣявши какое-нибудь благотворительное общество для бѣдныхъ и пожертво-

давши значительныя суммы, мы тотчасъ, въ ознаменованіе такого похвальнаго поступка, задаемъ обѣдъ всѣмъ первымъ сановникамъ города, разумѣется, на половину всѣхъ пожертвованныхъ суммъ; на остальныя нанимается тутъ же для комитета великолѣпная квартира съ отопленіемъ и сторожами; а за тѣмъ и остается всей суммы для бѣдныхъ пять рублей съ полтиною, да и тутъ въ распредѣленіи этой суммы еще не всѣ члены согласны между собою, и всякій суетъ какую нибудь свою куму.

[1841. III—198].

Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями.

I.

Церковь. — Монашеское званіе. — Миссіонеръ. — Духовенство. — Помощь ближнему. — Значеніе болѣзней. — Искусство.

Верховная инстанція всего есть Церковь и разрѣшенье вопросовъ жизни — въ ней.

[1847. IV—277].

Нѣтъ выше званія какъ монашеское, и да сподобитъ насъ Богъ когда нибудь надѣть простую рясу чернеца.

[1845. IV—96].

Пусть миссіонеръ католичества западнаго бьетъ себя въ грудь, размахиваетъ руками и краснорѣчіемъ рыданій и словъ исторгаетъ скоро высыхающія слезы. Проповѣдникъ же католичества восточнаго долженъ выступить такъ передъ народъ, чтобы уже отъ одного его смиреннаго вида, потухнувшихъ очей и тихаго потрясающаго гласа, исходящаго изъ души, въ которой умерли всѣ желанія міра, все бы подвигнулось еще прежде, нежели онъ объяснилъ бы са-

мое дѣло и въ одинъ голосъ заговорило бы къ нему: „Не произноси словъ: слышимъ и безъ нихъ святую правду твоей Церкви!“

[1846. IV—36].

У духовенства нашего два законныхъ поприща, на которыхъ они съ нами встрѣчаются: исповѣдь и проповѣдь. Это даже хорошо, что духовенство наше находится въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ насъ. Воспитываются для свѣта не посреди свѣта, но вдали отъ него, въ глубокомъ внутреннемъ созерцаніи, въ изслѣдованіи собственной души своей, ибо тамъ законы всего и всему: найди только прежде ключъ къ своей собственной душѣ; когда же найдешь, тогда этимъ же самымъ ключемъ отопрешь души всѣхъ.

[Id. 37/8].

Отъ насъ уже довольно бываетъ протянуть руку съ тѣмъ, чтобы помочь; помогаемъ же не мы, помогаетъ Богъ, ниспосылая силу слову безсильному.

[Id. 4].

Принимайте покорно всякій недугъ, вѣря впередъ, что онъ нуженъ. Молитесь Богу только о томъ, чтобы открылось передъ вами его чудное значеніе и вся глубина его высокаго смысла.

[Id. 18].

Искусство есть примиренье съ жизнью! Искусство есть водворенье въ душу стройности и порядка, а не смущенья и разстройства.

[1847. IV—283].

II.

1) Самолюбіе и честолюбіе. Помощь бѣднымъ. Униніе.—Внешная утрата. — Заискиваніе любви къ себѣ. — Причина всѣхъ золъ.—Умъ, разумъ и мудрость.—Наше призваніе.—Страдающіе.—Бѣда наша.—Нищенство.

На днѣ души нашей столько таится всякаго мелкаго, ничтожнаго самолюбія, щекотливаго, сквернаго

честолюбія, что насъ ежеминутно слѣдуетъ колоть, поражать, бить всѣми возможными орудіями, и мы должны благодарить ежеминутно насъ поражающую руку.

[1843. IV—80].

Несчастіе умягчаетъ человѣка: природа его становится тогда болѣе чуткой и доступной къ пониманію предметовъ, превосходящихъ понятіе человѣка, находящагося въ обыкновенномъ и вседневномъ положеніи; онъ какъ бы весь обращается тогда въ разогрѣтый воскъ, изъ котораго можно лѣпить все, что ни захотите. Всего лучше, однакожъ, если бы всякая помощь производилась черезъ руки опытныхъ и умныхъ священниковъ. Они одни въ силахъ истолковать человѣку святой и глубокій смыслъ несчастія, которое, въ какихъ бы ни являлись образахъ и видахъ кому бы то ни было на землѣ, обитаетъ ли онъ въ избѣ, или палатахъ, есть тотъ же крикъ небесный, вопіющій человѣку о перемѣнѣ всей его прежней жизни.

[1844. IV—25].

Человѣкъ, предавшійся унынію, есть дрянь во всѣхъ отношеніяхъ, каковы бы ни были причины унынія, потому что уныніе проклято Богомъ.

[II.—73].

Не унынію должны мы предаваться при всякой внезапной утратѣ, но оглянуться строго на самихъ себя, помышляя уже не о чернотѣ другихъ и не о чернотѣ всего міра, но о своей собственной чернотѣ. Страшна душевная чернота, и зачѣмъ это видится только тогда, когда неумолимая смерть уже стоитъ предъ глазами!

[1845. IV—7].

Заискивать любви къ себѣ есть незаконное дѣло и не должно занимать человѣка. Смотрите на то — любите ли вы другихъ, но не на то — любятъ ли васъ другіе. Кто требуетъ платежа за любовь свою, тотъ подлъ и далеко не христіанинъ.

[Id. 166].

Всякому кажется, что онъ могъ бы надѣлать много добра на мѣстѣ и въ должности другаго, и только не можетъ сдѣлать его въ своей должности. Это причина всѣхъ золъ.

[1846. IV—13].

Умъ не есть высшая въ насъ способность. Его должность не больше, какъ полицейская: онъ можетъ только привести въ порядокъ и разставить по мѣстамъ все то, что у насъ уже есть. Разумъ есть несравненно высшая способность; но она пріобрѣтается не иначе, какъ побѣдою надъ страстьми. Есть высшая еще способность; имя ей — мудрость, и ее можетъ дать намъ одинъ Христосъ.

[Id. 56/7].

Не для праздниковъ и пированій — на битву мы сюда призваны; праздновать же побѣду будемъ тамъ.

[Id. 168].

Стоитъ только хорошенько выстрадаться самому, какъ уже всѣ страдающіе становятся тебѣ понятны и почти знаешь, что нужно сказать имъ.

[Id. 75].

Отъ того и вся бѣда наша, что мы не глядимъ въ настоящее, а глядимъ въ будущее.

[Id. 116].

Есть люди, которые должны вѣкъ остаться нищими. Нищенство есть блаженство, котораго еще не раскусилъ свѣтъ; но кого Богъ удостоилъ отвѣ-

дать его сладость и кто уже возлюбилъ истинно свою нищенскую сумку, тотъ не продастъ ея ни за какія сокровища здѣшняго міра.

[Id. 135].

2) Женщины.

Женщины гораздо лучше насъ, мужчинъ: въ нихъ больше великодушія, больше отважности на все благородное.

[1846. IV—115].

III.

Христіанство.—Слово.

Христіанство дастъ..... многосторонность уму.

[1845. IV—69].

Обращаться съ словомъ нужно честно: оно есть высшій подарокъ Бога человѣку.

[1844. IV—20].

IV.

Вѣрная мысль въ русскомъ народѣ.

Изъ всѣхъ народовъ только въ одномъ русскомъ заронилась эта вѣрная мысль, что нѣтъ человѣка праваго и что правъ одинъ только Богъ.

[1845. IV—140].

Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ.
(1818—1883).

I.

Косность и движеніе. — Народность, право, свобода, человѣчество, искусство.

„Двѣ силы косности и движенія, консерватизма и прогресса, суть основныя силы всего существующаго.

[1860. X—414].

Развѣ нѣтъ великихъ представленій, великихъ утѣшительныхъ словъ: „народность, право, свобода, человѣчество, искусство?“ Да, эти слова существуютъ, и много людей живетъ ими и для нихъ. Но все-таки мнѣ сдается, что если бы вновь народился Шекспиръ, ему не отъ чего было бы отказаться отъ своего Гамлета, отъ своего Лира. Его проницательный взоръ не открылъ бы ничего новаго въ человѣческомъ быту, все таже пестрая и въ сущности несложная картина развернулась бы передъ нимъ въ своемъ тревожномъ однообразіи. Тоже легковѣріе и та же жестокость, та же потребность крови, золота, грязи, тѣ же пошлыя удовольствія, тѣ же безсмысленныя страданья, тѣ же самыя грубыя приманки, на которыя такъ же легко попадается многоголовый звѣрь людская толпа, тѣ же ухватки власти, тѣ же привычки рабства, та же естественность неправды — словомъ, то же хлопотливое прыганье бѣлки въ томъ же старомъ, даже неподновленномъ колесѣ.

[—1864. VI—434].

Свобода въ дѣлѣ художества. — Лозунгъ народности въ художествѣ. — Непосредственная красота. — Талантъ. — Искусство. — Читатель. — Романтизмъ. — Театръ.

Ученіе — не только свѣтъ, по народной пословицѣ, — оно также и свобода. Ничто такъ не освобождаетъ человѣка, какъ знаніе, — и нигдѣ такъ свобода не нужна, какъ въ дѣлѣ художества, поэзіи: не даромъ даже на казенномъ языкѣ художества зовутся „вольными", свободными. Отсутствіемъ подобной свободы объясняется, между прочимъ, и то, почему ни одинъ изъ славянофиловъ, не смотря на ихъ несомнѣнныя дарованія, не создалъ никогда ничего живаго; ни одинъ изъ нихъ не съумѣлъ снять съ себя — хоть на мгновенье — своихъ окрашенныхъ очковъ. Нѣтъ! безъ образованія, безъ свободы въ обширнѣйшемъ смыслѣ — въ отношеніи къ самому себѣ, къ своимъ предвзятымъ идеямъ и системамъ, даже къ своему народу, къ своей исторіи, — не мыслимъ истинный художникъ; безъ этого воздуха дышать нельзя.

[1883. X—110/1]

Выставлять лозунгъ народности въ художествѣ, поэзіи, литературѣ, свойственно только племенамъ слабымъ, еще не созрѣвшимъ или же находящимся въ порабощенномъ, угнетенномъ состояніи. Поэзія ихъ должна служить другимъ, конечно, важнѣйшимъ цѣлямъ — сбереженію самаго ихъ существованія.

[1880. X—427].

Непосредственная, несомнѣнная, общепонятная красота — необходимая принадлежность всякаго художественнаго созданія.

[1845. X—216].

Талантъ — не космополитъ: онъ принадлежитъ своему народу и своему времени.

[Id. 239].

Если васъ изученіе человѣческой физіономіи, чужой жизни, интересуетъ больше чѣмъ изложеніе собственныхъ чувствъ и мыслей; если, напримѣръ, вамъ пріятнѣе вѣрно и точно передать наружный видъ не только человѣка, но простой вещи, чѣмъ красиво и горячо высказать то, что вы ощущаете при видѣ этой вещи или этого человѣка, значитъ, вы объективный писатель и можете взяться за повѣсть или романъ. Что же касается до труда, то безъ него, безъ упорной работы, всякій художникъ непремѣнно останется дилетантомъ; нечего тутъ ждать такъ называемыхъ благодатныхъ минутъ вдохновенія; придетъ оно— тѣмъ лучше; а ты все-таки работай. Да не только надъ своею вещью работать надо, надъ тѣмъ, что бы она выражала именно то, что вы хотѣли выразить, и въ той мѣрѣ и въ томъ видѣ, какъ вы этого хотѣли; нужно еще читать, учиться безпрестанно, вникать во все окружающее, стараться не только уловлять жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ, но и понимать ее, понимать тѣ законы, по которымъ она движется и которые не всегда выступаютъ наружу; нужно сквозь игру случайностей добиваться до типовъ — и со всѣмъ тѣмъ всегда оставаться вѣрнымъ правдѣ, не довольствоваться поверхностнымъ изученіемъ, чуждаться эффектовъ и фальши.

[Письма. 1876.—295/6]

Всякій писатель, не лишенный таланта — (это, конечно, первое условіе), — всякій писатель, говорю, старается прежде всего вѣрно и живо воспроизводить впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ собственной и чу-

жой жизни. Талантъ настоящій — никогда не служитъ посторонним цѣлямъ и въ самомъ себѣ находитъ удовлетвореніе; окружающая его жизнь даетъ ему содержаніе — онъ является ея сосредоточеннымъ отраженіемъ. [1870. II—XXXVI].

Въ пейзажахъ не вдавайся въ отдѣлку деталей на нѣмецкій манеръ, а обращай вниманіе на гармонію массъ. [Письма. 1879—345].

Къ живописи примѣняется то же, что и къ литературѣ,—ко всякому искусству: кто всѣ детали передаетъ—пропалъ; надо умѣть схватывать однѣ характеристическія детали. Въ этомъ одномъ и состоитъ талантъ и даже то, что называется творчествомъ.
[Id. 1882.—490].

Всякое искусство есть возведеніе жизни въ идеалъ.
[1880. X—426].

Читателю всегда неловко, имъ легко овладѣваетъ недоумѣніе, даже досада, если авторъ обращается съ изображаемымъ характеромъ, какъ съ живымъ существомъ, т. е., видитъ и выставляетъ его худыя и хорошія стороны, а главное, если онъ не показываетъ явной симпатіи или антипатіи къ собственному дѣтищу. Читатель готовъ разсердится: ему приходится не слѣдить по начертанному уже пути, а самому протаривать дорожку.
[1883. X—106].

Романтизмъ есть не что иное, какъ апоѳеоза личности. [1845. X—219].

Театръ есть самое непосредственное произведеніе цѣлаго общества, цѣлаго быта, а геніальный человѣкъ, все-таки, одинъ. [1846. X—284].

II.

1) Кружокъ.—Жизнь.—Эгоисты.—Себялюбіе.—Отрицаніе.—Своего рода клевета.—Свѣтскіе люди.—Позднее счастіе.—Молодость. Стремленія молодежи.—Горемыка.—Старость.—Идеалъ.—Самопожертвованіе.—Толпа.—Скептикъ и стоикъ.—Нигилистъ.—Житейское правило.—Общее въ насъ.—Глумящійся человѣкъ и хохотъ невѣжества.—Женитьба.

Кружокъ — да это гибель всякаго самобытнаго развитія; кружокъ — это безобразная замѣна общества, женщины, жизни. Кружокъ, это лѣнивое и вялое житье вмѣстѣ и рядомъ, которому придаютъ значеніе и видъ разумнаго дѣла, кружокъ замѣняетъ разговоръ разсужденіями, пріучаетъ къ безплодной болтовнѣ, отвлекаетъ васъ отъ уединенной, благодатной работы, прививаетъ вамъ литературную чесотку, лишаетъ васъ, наконецъ, свѣжести и дѣвственной крѣпости души. Кружокъ — да это пошлость и скука подъ именемъ братства и дружбы, сцѣпленіе недоразумѣній и притязаній подъ предлогомъ откровенности и участія; въ кружкѣ, благодаря праву каждаго пріятеля во всякое время и во всякій часъ запускать свои неумытые пальцы прямо во внутренность товарища, ни у кого нѣтъ чистаго, нетронутаго мѣста на душѣ; въ кружкѣ поклоняются пустому краснобаю, самолюбивому умнику, довременному старику, носятъ на рукахъ стихотворца бездарнаго, но съ „затаенными" мыслями; въ кружкѣ молодые, семнадцатилѣтніе малые хитро и мудрено толкуютъ о женщинахъ и любви, а передъ женщинами молчатъ, или говорятъ съ ними, словно съ книгой,—да и о чемъ говорятъ! Въ кружкѣ процвѣтаетъ хитростное краснорѣчіе; въ кружкѣ наблюдаютъ другъ за другомъ не хуже полицейскихъ чиновниковъ... О, кру-

жокъ! ты не кружокъ: ты заколдованный кругъ, въ которомъ погибъ не одинъ порядочный человѣкъ!

[—1847—52. I—326].

Не счастье, а достоинство человѣческое — главная цѣль въ жизни.

[—1855. VI—115].

Наша жизнь не отъ насъ зависитъ; но у насъ у всѣхъ есть одинъ якорь, съ котораго, если самъ не захочешь, никогда не сорвешься: чувство долга.

[—1855. VI—178].

Жизнь не шутка и не забава, жизнь даже не наслажденіе... жизнь — тяжелый трудъ. Отреченіе, отреченіе постоянное — вотъ ея тайный смыслъ, ея разгадка: не исполненіе любимыхъ мыслей и мечтаній, какъ-бы онѣ возвышены ни были, — исполненіе долга, вотъ о чемъ слѣдуетъ заботиться человѣку; не наложивъ на себя цѣпей, желѣзныхъ цѣпей долга, не можетъ онъ дойти, не падая, до конца своего поприща; а въ молодости мы думаемъ: чѣмъ свободнѣе, тѣмъ лучше; тѣмъ дальше уйдешь. Молодости позволительно такъ думать; но стыдно тѣшиться обманомъ, когда суровое лицо истины глянуло, наконецъ, тебѣ въ глаза.

[Id. 228/9].

Самая суть жизни мелка, неинтересна — и нищенски плоска.

[—1864. VI—433].

Есть три разряда эгоистовъ: эгоисты, которые сами живутъ и жить даютъ другимъ; эгоисты, которые сами живутъ и не даютъ жить другимъ; наконецъ эгоисты, которые и сами не живутъ, и другимъ не даютъ... Женщины, бóльшею частію, принадлежатъ къ третьему разряду.

[Пигасовъ. 1855. IV—357/8].

Себялюбіе — самоубійство. Себялюбивый человѣкъ засыхаетъ словно, одинокое, безплодное дерево; но самолюбіе, какъ дѣятельное стремленіе къ совершенству, есть источникъ всего великаго.

[Рудинъ. 1855. IV—374].

Въ отрицаніи полномъ и всеобщемъ — нѣтъ благодати. Отрицайте все, и вы легко можете прослыть за умницу: это уловка извѣстная. Добродушные люди сейчасъ готовы заключить, что вы стоите выше того, что отрицаете.

[Id. 380/1].

Можно жизнь самаго лучшаго человѣка изобразить въ такихъ краскахъ — и ничего не прибавляя, замѣтьте — что всякій ужаснется! Вѣдь это тоже своего рода клевета!

[—1855. IV—396].

Свѣтскіе люди даже не бросаютъ, а просто роняютъ человѣка, ставшаго имъ ненужнымъ: какъ перчатку послѣ бала, какъ бумажку съ конфетки, какъ невыигравшій билетъ лотереи-томболы.

[1855. IV—453].

Ничего не можетъ быть хуже и обиднѣе слишкомъ поздно пришедшаго счастья. Удовольствія оно, все-таки, вамъ доставить не можетъ, а за то лишаетъ васъ права, драгоцѣннѣйшаго права — браниться и проклинать судьбу. Да, — горькая и обидная штука — позднее счастіе.

[Пигасовъ. 1855. IV—464].

Молодость ѣстъ пряники золоченые, да и думаетъ, что это-то и есть хлѣбъ насущный: а придетъ время, — и хлѣба напросишься.

[—1857. VI—252].

О, молодость! молодость! тебѣ нѣтъ ни до чего дѣла, ты какъ будто-бы обладаешь всѣми сокровищами вселенной, даже грусть тебя тѣшитъ, даже печаль тебѣ къ лицу, ты самоувѣренна и дерзка, ты говоришь: я одна живу — смотрите! а у самой дни бѣгутъ и исчезаютъ безъ слѣда и безъ счета, и все въ тебѣ исчезаетъ, какъ воскъ на солнцѣ, какъ снѣгъ.... И, можетъ быть, вся тайна твоей прелести состоитъ не въ возможности все сдѣлать — а въ возможности думать, что ты все сдѣлаешь.

[—1860. VI—386].

Въ сущности — стремленія молодежи всегда безкорыстны и честны; и цѣли ихъ остаются тѣ же, только имена мѣняются.

[1883. X—8].

Горемыка издали тотчасъ чуетъ другого горемыку, но подъ старость рѣдко сходится съ нимъ, и это нисколько неудивительно: ему съ нимъ нечѣмъ дѣлиться, — даже надеждами.

[1858. III—297].

Быть молодымъ и не умѣть — это сносно; но состарѣться и не быть въ силахъ — это тяжело. И вѣдь обидно то, что не чувствуешь, когда уходятъ силы.

[Лаврецкій. 1858. III—301].

Сохранить до старости сердце молодымъ, какъ говорятъ иные, и трудно, и почти смѣшно; тотъ уже можетъ быть доволенъ, кто не утратилъ вѣры въ добро, постоянства воли, охоты къ дѣятельности.

[1858. III—396].

Унылость сознанной старости ничѣмъ утѣшить и разсѣять нельзя; надо подождать, пока она пройдетъ сама собою.

[Id. 343/4].

Подъ старость всѣ мы становимся болѣе если менѣе одинокими — физически и нравственно — если у насъ нѣтъ семьи или великой и разнообразной общественной дѣятельности.

[Письма. 1873.—223].

Послѣ 40 лѣтъ жить не совсѣмъ весело, особенно въ теченіе первыхъ десяти лѣтъ. Ну а потомъ подъ вліяніемъ холодка, вѣющаго отъ могилы, человѣкъ успокоивается.

[Id. 1875.—258].

Всѣ люди живутъ — сознательно или безсознательно — въ силу своего принципа, своего идеала, т. е. въ силу того, что они почитаютъ правдой, красотою, добромъ. Для всѣхъ людей — этотъ идеалъ, эта основа и цѣль ихъ существованія находятся либо внѣ ихъ, либо въ нихъ самихъ: — другими словами, для каждаго изъ насъ либо собственное я становится на первомъ мѣстѣ, либо нѣчто другое, признанное имъ за высшее.

[1860. X—401/2].

Въ жизни не слѣдуетъ искать идеала общаго — а напротивъ спеціальнаго, единственно живого. Такой идеалъ и свойственную ему дѣятельность указываетъ человѣку — то, что называется его прирожденною способностью, талантомъ, говоря проще: охотой, расположеніемъ къ извѣстному дѣлу. Я еще не встрѣчалъ человѣка, который-бы не былъ одаренъ такого рода талантомъ, но многіе либо не стараются сознать его, либо находятъ его слишкомъ мелкимъ или недостойнымъ того, чтобы посвятить ему свою дѣятельность, и въ этомъ заключается большая ошибка. Спеціальный идеалъ не только не противорѣчитъ общему, но оплодотворяется имъ и взаимно даетъ ему жизнь.

[Письма. 1882.—415/16].

Кто, жертвуя собой, вздумалъ-бы сперва разсчитывать и взвѣшивать всѣ послѣдствія, всю вѣроятность пользы своего поступка, тотъ едва-ли способенъ на самопожертвованіе.

[1860. X—407].

Масса́ людей всегда кончаетъ тѣмъ, что идетъ, беззавѣтно вѣруя, за тѣми личностями, надъ которыми она сама глумилась, которыхъ даже проклинала и преслѣдовала, но которыя, не боясь ни ея преслѣдованій, ни проклятій, не боясь даже ея смѣха, идутъ неуклонно впередъ, вперивъ духовный взоръ въ ими только видимую цѣль, ищутъ, падаютъ, поднимаются, и наконецъ находятъ.... и по праву; только тотъ и находитъ, кого ведетъ сердце.

[Id. 410].

Честный скептикъ всегда уважаетъ стоика. Когда распадался древній міръ—и въ каждую эпоху, подобную той эпохѣ—лучшіе люди спасались въ стоицизмъ, какъ въ единственное убѣжище, гдѣ еще могло сохраниться человѣческое достоинство. Скептики, если не имѣли силы умереть—«отправиться въ ту страну, откуда ни одинъ еще путникъ не возвращался»,—дѣлались эпикурейцами.

[Id.—421/2].

Нигилистъ, это человѣкъ, который не склоняется ни передъ какими авторитетами, который не принимаетъ ни одного принципа на вѣру, какимъ-бы уваженіемъ ни былъ окруженъ этотъ принципъ.

[—1861. II—26].

Если вы желаете хорошенько насолить и даже повредить противнику, говорилъ мнѣ одинъ старый пройдоха,—то упрекайте его въ томъ самомъ недостаткѣ или порокѣ, который вы за собою чувствуете.—

Негодуйте... и упрекайте! — Во-первыхъ — это заставитъ другихъ думать, что у васъ этого порока нѣтъ. Во-вторыхъ — негодованіе ваше можетъ даже быть искреннимъ... Вы можете воспользоваться укорами собственной совѣсти. Если вы, напримѣръ, ренегатъ — упрекайте противника въ томъ, что у него нѣтъ убѣжденій! Если вы сами лакей въ душѣ — говорите ему съ укоризной, что онъ лакей ... лакей цивилизаціи, Европы, соціализма!

— Можно даже сказать: лакей безлакейства! — замѣтилъ я.

— И это можно, — подхватилъ пройдоха.

[1878. VIII—3[illegible]3].

Сила вещей сильнѣе всякой отдѣльной, личной силы — такъ же, какъ общее въ насъ сильнѣе нашихъ собственныхъ наклонностей.

[1883. X—38].

Извѣстно, что глумящійся человѣкъ часто самъ хорошенько не даетъ себѣ отчета, надъ чѣмъ онъ трунитъ и иронизируетъ; во всякомъ случаѣ, онъ можетъ воспользоваться этими ширмочками, что бы скрыть за ними шаткость и неясность собственныхъ убѣжденій. Хохотъ невѣжества почти такъ же противенъ — такъ же и вреденъ — какъ его злоба.

[Id. 42/3].

Эта штука [женитьба] либо съеживаетъ, либо развиваетъ человѣка.

[Письма. 1882.—508].

2) Любовь и женщина.

Любовь даже вовсе не чувство; она — болѣзнь, извѣстное состояніе души и тѣла; она не развивается постепенно; въ ней нельзя сомнѣваться, съ ней нельзя

хитрить, хотя она проявляется не всегда одинаково; обыкновенно она овладѣваетъ человѣкомъ безъ спроса, внезапно, противъ его воли — ни дать, ни взять — холера или лихорадка. Въ любви нѣтъ равенства, нѣтъ такъ называемаго свободнаго соединенія душъ и прочихъ идеальностей, придуманныхъ на досугѣ нѣмецкими профессорами... Нѣтъ, въ любви одно лицо — рабъ, а другое — властелинъ, и не даромъ толкуютъ поэты о цѣпяхъ, налагаемыхъ любовью. Да, любовь — цѣпь, и самая тяжелая.

[—1855. VI—127].

Первая любовь — та же революція: однообразно правильный строй сложившейся жизни разбитъ и разрушенъ въ одно мгновенье, молодость стоитъ на баррикадѣ, высоко вьется ея яркое знамя, — и что бы тамъ впереди ее ни ждало — смерть или новая жизнь — всему она шлетъ свой восторженный привѣтъ.

[1871. VII—381].

Мужчинѣ ничего не значитъ начать новую жизнь, стряхнуть съ себя долой все прошедшее; женщина этого не можетъ. Нѣтъ, не можетъ она сбросить свое прошедшее, не можетъ оторваться отъ своего корня — нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! И вотъ, наступаетъ жалкое и смѣшное зрѣлище... Постепенно теряя надежду и вѣру въ себя — а какъ это тяжело, вы и представить не можете! — она гаснетъ и вянетъ одна, упорно придерживаясь своихъ воспоминаній и отварачиваясь отъ всего, что̀ окружающая жизнь ей представляетъ.

[—1855. VI—107].

Семейная жизнь — все для женщины, для нея другой жизни нѣтъ.

[—1855. VI—114].

Какая разница между ошибкою нашего брата и ошибкою женщины? Вотъ какая: мужчина можетъ, напримѣръ, сказать, что дважды-два не четыре, а пять или три съ половиною; а женщина скажетъ, что дважды-два — стеариновая свѣчка.

[Пигасовъ. 1855. IV—358].

Извѣстное дѣло: ходить въ обрѣзъ, по самому краю пропасти — любимое женское занятіе.

[—1874. VIII—84]

III.

Сердце. — Вѣчность. — Несчастіе людей одинокихъ и робкихъ. — Трудность отдѣлиться отъ самого себя. — Люди, избалованные въ дѣтствѣ. — Глупость. — Общее чувство. — Говорить съ аппетитомъ. — Стыдъ. — Счастіе. — Безстрастные люди. — Деспотизмъ умныхъ людей. — Смѣхъ. — Самолюбивые люди. — Добрый человѣкъ. — Самосознаніе. — Комическое и трагическое. — Пошлость. — Хорошее и дурное. — Ложность интонацій и манеръ. — Слово. — Дѣльные умы. — Старость. — Слабые люди. — Глупые люди. — Характеръ. — Единственныя дѣти. — Чувство неловкости между двумя близкими людьми. — Болото. — Тайныя раны. — Дуракъ. — Самодовольная добродѣтель. — Молитва. — Афоризмы. — Чувство мѣры. — Не въ пору возвѣщенная истина. — Непризнанные геніи. — Свѣтъ ламиъ. — Болѣзни. — Цитра.

Каждый человѣкъ воображаетъ, что его сердце — сокровище, нетронутый кладъ.

[—1843. IX—50].

Передъ вѣчностью, говорятъ, все пустяки — да; но въ такомъ случаѣ и сама вѣчность — пустяки.

[—1850. V—208].

Несчастіе людей одинокихъ и робкихъ — отъ самолюбія робкихъ — состоитъ именно въ томъ, что они, имѣя глаза и даже растаращивъ ихъ, ничего не видятъ, или видятъ все въ ложномъ свѣтѣ, словно

сквозь окрашенныя очки. Ихъ же собственныя мысли и наблюденія мѣняютъ имъ на каждомъ шагу.

[—1850. V—230].

Ничего не можетъ быть труднѣе человѣку, какъ отдѣлиться отъ самого себя и вдуматься въ явленія природы.

[1852. X—361].

Люди, избалованные въ дѣтствѣ, сохраняютъ особый отпечатокъ до конца жизни.

[1854. VI—21].

Я никогда ни въ чемъ не раскаиваюсь: не стоитъ труда. Сдѣлалъ глупость, старайся поскорѣе забыть ее — вотъ и все.

[—1854. VI—30].

Всякое общее чувство, даже скорбное, связуя людей, возвышаетъ ихъ.

[1855. X—442].

Обо всемъ на свѣтѣ можно говорить съ жаромъ, съ восторгомъ, съ увлеченіемъ, но съ аппетитомъ говоришь только о самомъ себѣ.

[—1855. VI—100].

Стыдиться — это признакъ молодости.

[—Id. 184].

Что за охота мечтать о самой себѣ, о своемъ счастіи? О немъ думать нечего; оно не приходитъ — что за нимъ гоняться! Оно — какъ здоровье: когда его не замѣчаешь, значитъ оно есть.

[Id. 213].

У счастья нѣтъ завтрашняго дня; у него нѣтъ и вчерашняго; оно не помнитъ прошедшаго, не думаетъ о будущемъ; у него есть настоящее, и то не день — а мгновенье.

[—1857. VI—305].

Никто такъ легко не увлекается, какъ безстрастные люди.

[Рудинъ. 1855. IV—437].

Нѣтъ хуже деспотизма такъ называемыхъ умныхъ людей.

[—1855. IV—424].

Смѣхъ безъ причины — лучшій смѣхъ на свѣтѣ.

[—1857. VI—256].

Въ смѣхѣ есть примиряющая и искупляющая сила — и если не даромъ сказано: „чему посмѣешься, тому послужишь", то можно прибавить: что надъ кѣмъ посмѣялся, тому уже простилъ, того даже полюбить готовъ.

[1860. X—405].

Одни самолюбивые люди застѣнчивы.

[—1859. II—292].

Будь только человѣкъ добръ, — его никто отразить не можетъ.

[1858. III—298].

Всякое самосознаніе есть сила.

[1860. X—404.]

Въ жизни вполнѣ комическое и вполнѣ трагическое встрѣчается рѣдко.

[1860. X—420].

Появленіе пошлости бываетъ часто полезно въ жизни: оно ослабляетъ слишкомъ высоко настроенныя струны, отрезвляетъ самоувѣренныя или самозабывчивыя чувства, напоминая имъ свое близкое родство съ ними.

[1861. II—123].

Все на свѣтѣ, и хорошее и дурное — дается человѣку не по его заслугамъ, а вслѣдствіе какихъ-то еще неизвѣстныхъ, но логическихъ законовъ.

[—1870. VII—287].

Привычка риторически выражаться, ложность интонацій и манеръ до того можетъ въѣсться въ человѣка, что онъ уже никакъ не въ состояніи отдѣлаться отъ нея: это своего рода проклятіе.

[—1870. VIII—17].

Нѣтъ ничего на свѣтѣ сильнѣе... и безсильнѣе — слова! [1871. VII—351].

Всѣ почти дѣльные умы — односторонни.

[1871. X—452/3].

Слабые люди никогда сами не кончаютъ — все ждутъ конца. [1871. VII—433].

Слабые люди, говоря съ самими собою, охотно употребляютъ энергическія выраженія.

[Id. 441].

Весь свѣтъ на глупыхъ людяхъ стоитъ.

[Соломинъ. 1876. IV—206].

Вся суть не въ убѣжденіяхъ — а въ характерѣ.

[Неждановъ. 1876. IV—256].

Единственныя дѣти большею частію развиваются неправильно. Воспитывая ихъ, родители столько же заботятся о самихъ себѣ, сколько о нихъ... Это не дѣло. [—1876. VIII—164].

Все сглаживается, воспоминанія о самыхъ трагическихъ семейныхъ событіяхъ постепенно теряютъ свою силу и жгучесть; но если чувство неловкости водворилось между двумя близкими людьми — этого ничѣмъ истребить нельзя!

[—1876. VIII—186].

Какъ ни колыхай болота, моремъ оно все-таки не станетъ.

[Письма. 1876.—308].

Не слѣдуетъ показывать даже другу свои тайныя раны. [Письма. 1877 - 317].

Житье дуракамъ между трусами.
[1878. VIII—368].

О, безобразіе самодовольной, непреклонной, дешево доставшейся добродѣтели — ты едва ли не противнѣй откровеннаго безобразія порока!
[Id. 392].

О чемъ бы ни молился человѣкъ — онъ молится о чудѣ. — Всякая молитва сводится на слѣдующее: „Великій Боже, сдѣлай, чтобы дважды два — не было четыре". [1881. VIII—410].

a) Никогда ничего неожиданнаго не случается ибо даже глупости имѣютъ свою логику.

b) Предчувствія никогда не сбываются.

c) Сообщенныя за вѣрнѣйшія извѣстія всегда ложны.

d) Слѣдуетъ: размышлять о прошедшемъ; удовлетворять требованіямъ настоящаго, и никогда не думать о будущемъ.

И наконецъ самый важный афоризмъ:

Человѣкъ, желающій жить спокойно, никогда ничего не предпринимай, ничего не предполагай, ничему не довѣряйся и ничего не опасайся!..
[Письма. 1882.—488/9].

Когда я говорилъ, что не слѣдуетъ думать о будущемъ — я этимъ не хотѣлъ сказать, что не слѣдуетъ работать для него. — Неопредѣленно размышлять о немъ, ставить себѣ вопросы, сомнѣваться, тревожиться и пр. — вотъ что не нужно.

[Id. 494].

Древніе греки не даромъ говорили, что послѣдній и высшій даръ боговъ человѣку — чувство мѣры.

[1883. X—16].

Не въ пору гость хуже татарина, гласитъ пословица; не въ пору возвѣщенная истина хуже лжи, не въ пору поднятый вопросъ только путаетъ и мѣшаетъ.

[Id. 31]

Непризнанныхъ геніевъ нѣтъ — такъ же, какъ нѣтъ заслугъ, переживающихъ свою урочную чреду.

[Id. 112].

Горше смерти для человѣка нѣтъ ничего.

[Id. 86].

Ничего не дѣйствуетъ такъ убійственно на фантазію, какъ ровный, холодный и педантическій свѣтъ ламиъ.

[1846. V—99].

О своихъ болѣзняхъ порядочный человѣкъ не говоритъ.

[1850. V—208].

На меня этотъ инструментъ [цитра] постоянно производитъ впечатлѣніе самое тягостное. Мнѣ всегда чудилось и чудится доселѣ, что въ цитрѣ заключена душа дряхлаго жида-ростовщика, и что она гнусливо поетъ и плачется на безжалостнаго виртуоза, заставляющаго ее издавать звуки.

[—1868. VII—83]

И я сжегъ все, чему поклонялся,
Поклонился всему, что сжигалъ.

[—1858. III—292].

IV.

Русскій человѣкъ. — Наша психологія. — Политическія убѣжденія. — Намъ нуженъ баринъ. — Славянофилы. — Самородки. — Народное творчество. — Поэтическій идеалъ нецивилизованнаго русскаго человѣка. — Мысль о «сдвиганіи горъ съ мѣста». — Наши «болѣзни». — Отношеніе русскихъ людей къ правдѣ — Реформы. — Русская суть. — Русскіе за границей. — Наши сановники. Остроты. — Наши книгопродавцы.

Въ русскомъ человѣкѣ таится и зрѣетъ зародышъ будущихъ великихъ дѣлъ, великаго народнаго развитія.

[1846. X—337].

Петръ Великій былъ по преимуществу русскій человѣкъ, русскій именно въ своихъ преобразованіяхъ. Русскій человѣкъ такъ увѣренъ въ своей силѣ и крѣпости, что онъ не прочь и поломать себя: онъ мало занимается своимъ прошедшимъ и смѣло глядитъ впередъ.

[1847. I—13].

Русскій человѣкъ боится и привязывается легко; но уваженіе его заслужить трудно: дается оно не скоро и не всякому.

[1858. III—337].

У насъ, русскихъ, нѣтъ другой жизненной задачи, какъ разработка нашей личности, и вотъ мы, едва возмужалыя дѣти, уже принимаемся разрабатывать ее, эту нашу несчастную личность! За то мы психологи. О, да, мы большіе психологи! Но наша психологія сбивается на патологію; наша психологія — это хитростное изученіе законовъ больного состоянія и больного развитія, до которыхъ здоровымъ людямъ нѣтъ никакого дѣла... А главное, мы не молоды, въ самой молодости не молоды!

[—1855. VI—102].

Намъ, русскимъ, еще рано имѣть политическія убѣжденія или воображать, что мы ихъ имѣемъ.
[—1867. III—21].

Намъ во всемъ и всюду нуженъ баринъ; бариномъ этимъ бываетъ, большею частію, живой субъектъ, иногда какое-нибудь такъ-называемое направленіе надъ нами власть возымѣетъ. Новый баринъ народился— стараго долой! То былъ Яковъ, а теперь Сидоръ; въ ухо Якова, въ ноги Сидору! Всѣ наши расколы, наши Онуфріевщины да Акулиновщины именно такъ и основались. Кто палку взялъ, тотъ и капралъ. [Потугинъ. 1867. III—30].

Удивляюсь я своимъ соотечественникамъ. Всѣ унываютъ, всѣ повѣсивши носъ ходятъ, и въ то же время всѣ исполнены надеждой, и чуть что, такъ на стѣну и лѣзутъ. Вотъ хоть-бы славянофилы: прекраснѣйшіе люди, а та же смѣсь отчаянія и задора, тоже живутъ буквой „буки". Все молъ будетъ, будетъ. Въ наличности ничего нѣтъ, и Русь въ цѣлые десять вѣковъ ничего своего не выработала, ни въ управленіи, ни въ судѣ, ни въ наукѣ, ни въ искусствѣ, ни даже въ ремеслѣ... Но постойте, потерпите: все будетъ. А почему будетъ, позвольте полюбопытствовать? А потому что мы молъ, образованные люди, — дрянь; но народъ... О, это великій народъ! Видите этотъ армякъ? вотъ откуда все пойдетъ. Всѣ другіе идолы разрушены; будемъ-те же вѣрить въ армякъ.
[Id. 32].

Ужъ эти мнѣ самородки! Да кто же не знаетъ, что щеголяютъ ими только тамъ, гдѣ нѣтъ ни настоящей, въ кровь и плоть перешедшей науки, ни настоящаго искусства.
[Id. 97].

Мы не однимъ только знаніемъ, искусствомъ, правомъ, обязаны цивилизаціи, но самое даже чувство красоты и поэзіи развивается и входитъ въ силу подъ вліяніемъ той же цивилизаціи, и такъ-называемое народное, наивное, безсознательное творчество есть нелѣпость и чепуха.

[Id. 103].

Безъ цивилизаціи нѣтъ и поэзіи. Хотите ли уяснить себѣ поэтическій идеалъ нецивилизованнаго русскаго человѣка? Разверните наши былины, наши легенды. Не говорю уже о томъ, что любовь въ нихъ постоянно является какъ слѣдствіе колдовства, приворота, производится питіемъ „забыдущимъ" и называется даже присухой, зазнобой; не говорю также о томъ, что наша такъ-называемая эпическая литература одна, между всѣми другими, европейскими и азіятскими, одна, замѣтьте, не представила — коли Ваньку-Таньку не считать никакой типической пары любящихся существъ; что свято-русскій богатырь свое знакомство съ суженой-ряженой всегда начинаетъ съ того, что бьетъ ее по бѣлому тѣлу „нежалухою" - отчего „и женской полъ пухо̀лъ живетъ"; — обо всемъ этомъ я говорить не стану; но позволяю себѣ обратить ваше вниманіе на изящный образъ юноши, жень-премьѐ, какимъ онъ рисовался воображенію первобытнаго, нецивилизованнаго славянина. Вотъ, извольте посмотрѣть: идетъ жень-премьѐ; шубеньку сшилъ онъ себѣ кунью, по всѣмъ швамъ строченую, поясокъ семишолковый подъ самыя мышки подведенъ, персты закрыты рукавчиками, воротъ въ шубѣ сдѣланъ выше головы, спереди-то не видать лица румянаго, сзади-то не видать шеи бѣленькой, шапочка сидитъ на одномъ ухѣ, а на ногахъ сапоги сафьянные, носы ши-

ломъ, пяты востры — вокругъ носика-то носа яйцо кати; подъ пяту — пяту воробей лети — перепурхивай. — И идетъ молодецъ частой мелкой походочкой, той знаменитой „щепливой" походкой, которою нашъ Алкивіадъ, Чурило Пленковичъ, производилъ такое изумительное, почти медицинское дѣйствіе въ старыхъ бабахъ и молодыхъ дѣвкахъ, той самой походкой, которою до нынѣшняго дня такъ неподражаемо сѣменятъ наши по всѣмъ суставчикамъ развинченные половые, эти сливки, этотъ цвѣтъ русскаго щегольства, это ne plus ultra русскаго вкуса. Я это не шутя говорю: мѣшковатое ухорство, вотъ нашъ художественный идеалъ.

[Id. 103/4]

Пора у насъ въ Россіи бросить мысль о „сдвиганіи горъ съ мѣста" — о крупныхъ, громкихъ и красивыхъ результатахъ; болѣе чѣмъ когда-либо и гдѣ-либо слѣдуетъ у насъ удовлетворяться малымъ, назначать себѣ тѣсный кругъ дѣйствія: мы умремъ — и ничего громаднаго не увидимъ.

[Письма. 1875 — 254].

✓ Ото всѣхъ нашихъ „болѣзней", лѣни, вялости, пустоты, скуки — мы ищемъ излечиться разомъ, какъ зубъ заговорить! И это чудодѣйственное средство: — то какой-нибудь человѣкъ, то естественныя науки — то война. Все это признакъ слабаго развитія умственнаго — и, говоря прямо — необразованія.

[Id. 1876. — 306].

На Руси умныхъ и талантливыхъ, и честныхъ людей очень мало и замѣнить исчезающихъ нѐ кѣмъ.

[Id. 282].

Русскіе люди — самые изолгавшіеся люди въ цѣ-

ломъ свѣтѣ; а ничего такъ не уважаютъ, какъ правду — ничему такъ не сочувствуютъ, какъ именно ей.

[1876. IV—201].

Всякая реформа у насъ, въ Россіи, не сходящая свыше, немыслима.

[Письма. 1879—344].

Я полагаю, что насъ хоть въ семи водахъ мой — нашей, русской сути изъ насъ не вывести.

[1883. X—5].

Я неохотно знакомился съ русскими заграницей. Я ихъ узнавалъ даже издали по ихъ походкѣ, покрою платья, а главное, по выраженію ихъ лица. Самодовольное и презрительное, часто повелительное, оно вдругъ смѣнялось выраженіемъ осторожности и робости... Человѣкъ внезапно настороживался весь, глазъ безпокойно бѣгалъ... „Батюшки мои! не совралъ ли я, не смѣются ли надо мною?“ казалось, говорилъ этотъ уторопленный взглядъ... Проходило мгновенье, — и снова возстановлялось величіе физіономіи, изрѣдка чередуясь съ тупымъ недоумѣньемъ.

[—1857 VI.—257].

Сановники наши вообще любятъ озадачивать подчиненныхъ.

[1861. II—70].

Русскіе люди всегда первые смѣются собственнымъ остротамъ.

[—1867. III—112].

Удивительный народъ — наши книгопродавцы! — Никто меньше ихъ не рискуетъ, никому барыши такъ легко не плывутъ въ руки — а лопаются они какъ мыльные пузыри.

[Письма. 1876—283].

Идеи Базарова въ романѣ: «Отцы и Дѣти».

Химикъ и поэтъ. — Наука. — Самецъ. — Воспитаніе. — Русскій мужикъ. — Русскій человѣкъ. — Природа. — Наши умники. — Рафаэль. — Свободно мыслящія женщины. — Выходъ за мужъ за богатаго старика. — Изученіе отдѣльныхъ личностей. — Боль. — Помощь. — Принципы и ощущенія. — Клевета. — Пониманіе человѣка. — Дуэль. — Русскій мужикъ.

Порядочный химикъ въ двадцать разъ полезнѣе всякаго поэта. [1861. II—29].

Есть науки, какъ есть ремесла, званія, а наука вообще не существуетъ вовсе.

[Id. 30].

Человѣкъ, который всю свою жизнь поставилъ на карту женской любви, и когда ему эту карту убили, раскисъ и опустился до того, что ни на что не сталъ способенъ, этакой человѣкъ — не мущина, но самецъ.

[Id. 37/8].

Всякій человѣкъ самъ себя воспитать долженъ.

[Id. 38].

Знаешь поговорку: „русскій мужикъ Бога слопаетъ".

[Id. [illegible]].

Русскій человѣкъ только тѣмъ и хорошъ, что онъ самъ о себѣ прескверпаго мнѣнія.

[Id. 49]

Природа не храмъ, а мастерская, и человѣкъ въ ней работникъ. [Id.—49].

А потомъ мы догадались, что болтать, все только болтать о нашихъ язвахъ не стоитъ труда, что это ведетъ только къ пошлости и доктринерству; мы увидали, что и умники наши, такъ называемые пе-

редовые люди и обличители никуда не годятся, что мы занимаемся вздоромъ, толкуемъ о какомъ-то искусствѣ, безсознательномъ творчествѣ, о парламентаризмѣ, объ адвокатурѣ, и чортъ знаетъ о чемъ, когда дѣло идетъ о насущномъ хлѣбѣ, когда грубѣйшее суевѣріе насъ душитъ, когда всѣ наши акціонерныя общества лопаются единственно отъ того, что оказывается недостатокъ въ честныхъ людяхъ, когда самая свобода, о которой хлопочетъ правительство, едва ли пойдетъ намъ въ прокъ, потому что мужикъ нашъ радъ самого себя обокрасть, чтобы только напиться дурману въ кабакѣ.

[Id. 59/60].

Рафаэль гроша мѣднаго не стоитъ.

[Id. 62].

Свободно мыслятъ между женщинами только уроды. [Id. 86].

Выдти за богатаго старика — дѣло ничуть не странное, а напротивъ, благоразумное.

[Id. 87].

Изучать отдѣльныя личности не стоитъ труда. Всѣ люди другъ на друга похожи, какъ тѣломъ, такъ и душой; у каждаго изъ насъ мозгъ, селезенка, сердце, легкія одинаково устроены; и такъ называемыя нравственныя качества одни и тѣ же у всѣхъ: небольшія видоизмѣненія ничего не значатъ. Достаточно одного человѣческаго экземпляра, что бы судить обо всѣхъ другихъ. Люди, что деревья въ лѣсу; ни одинъ ботаникъ не станетъ заниматься каждою отдѣльною березой. [Id. 95/6].

Я уже въ клиникѣ замѣтилъ: кто злится на свою боль — тотъ непремѣнно ее побѣдитъ.

[Id. 128].

Чему помочь нельзя, о томъ и говорить стыдно.
[Id. 147].

Принциповъ вообще нѣтъ — а есть ощущенія. Все отъ нихъ зависитъ. [Id. 149].

Какую клевету ни взведи на человѣка, онъ въ сущности заслуживаетъ въ двадцать разъ хуже того.
[Id. 150].

Человѣкъ все въ состояніи понять — и какъ трепещетъ эѳиръ, и что на солнцѣ происходитъ; а какъ другой человѣкъ можетъ иначе сморкаться, чѣмъ онъ самъ сморкается, этого онъ понять не въ состояніи.
[Id. 166].

Съ теоретической точки зрѣнія дуэль — нелѣпость; ну, а съ практической точки зрѣнія — это дѣло другое.
[Id. 174].

Русскій мужикъ — это тотъ самый таинственный незнакомецъ, о которомъ нѣкогда такъ много толковала госпожа Ратклиффъ. Кто его пойметъ! Онъ самъ себя не понимаетъ. [Id. 183].

Иванъ Александровичъ Гончаровъ.
(1812—1891).

I.

Переходныя эпохи. — Общее у всѣхъ противоположныхъ лагерей. Роскошь и комфортъ.

Крупные и крутые повороты не могутъ совершиться какъ перемѣна платья, они совершаются постепенно, пока всѣ атомы броженія не осилятъ

сильные слабыхъ и не сольются въ одно. Таковы всѣ переходныя эпохи.

[1875. VIII—233].

У всѣхъ, самыхъ противуположныхъ лагерей — всегда есть общія точки соприкосновенія, всѣ ратуютъ во имя разума, свободы и правды, всѣ приводятъ это на словахъ, но всѣ разумѣютъ слова по своему, и отъ того употребляютъ различные, часто невѣрные пути.

[Id. 238].

Роскошь — порокъ, уродливость, неестественное уклоненіе человѣка за предѣлы естественныхъ потребностей, развратъ. Тщеславіе и грубое излишество въ наслажденіяхъ—вотъ отличительныя черты роскоши. Оттого роскошь недолговѣчна: она живетъ лихорадочною и эфемерною жизнью; никакіе Крезы не достигаютъ до геркулесовыхъ столповъ въ ней; она падаетъ, истощившись въ насыщеніи, увлекая паденіемъ и торговлю. Рядомъ съ роскошью всегда таится невидимый ея врагъ — нищета, которая сторожитъ минуту, когда мишурная богиня зашатается на пьедесталѣ: она быстро, въ циническихъ лохмотьяхъ своихъ, сталкиваетъ царицу, садится на ея престолъ и гложетъ великолѣпные остатки. Гдѣ роскошь, тамъ нѣтъ торговли; это конвульсивные, отчаянные скачки черезъ препятствія, courses aux clochers: перескачетъ, схватитъ призъ и сломаетъ ноги. Не таковъ комфортъ: какъ роскошь есть безуміе, уродливое и неестественное уклоненіе отъ указанныхъ природой и разумомъ потребностей, такъ комфортъ есть разумное, выработанное до строгости и тонкости удовлетвореніе этимъ потребностямъ. Для роскоши нужны богатства; комфортъ доступенъ при обыкновенныхъ

средствахъ. Богачъ уберетъ свою постель валансьенскими кружевами; комфортъ потребуетъ тонкаго и свѣжаго полотна. Роскошь садится на инкрюстированномъ, золоченомъ креслѣ, ѣстъ на золотѣ и на серебрѣ; комфортъ требуетъ не золоченаго, но мягкаго, покойнаго кресла, хотя и не изъ рѣдкаго дерева; для стола онъ довольствуется фаянсомъ, или, много, фарфоромъ. Роскошь потребуетъ рѣдкой дичи, фруктовъ не по сезону; комфортъ будетъ придерживаться своего обыкновеннаго стола, но за то онъ потребуетъ его вездѣ, куда ни заброситъ судьба человѣка. Роскошь старается, чтобъ у меня было то, чего не можете имѣть вы; комфортъ, напротивъ, требуетъ, чтобъ я у васъ нашелъ то, что привыкъ видѣть у себя. Комфортъ и цивилизація почти синонимы, или, точнѣе, первое есть неизбѣжное, разумное послѣдствіе втораго.

[1853. VI—313/5].

Свобода науки. — Профессорскія лекціи и университетъ. — Книги. Писатель. — Поэзія, сатира, романъ. — Газета. — Творчество и нервозность. — Критика художественныхъ произведеній. — Сознательные и несознательные писатели. — Положеніе искусства. Творчество. — Трудность рисованія съ жизни, еще не сложившейся. — Художественная правда. — Фраза «Искусство для искусства». — Усталость писателя къ концу поприща.

Программы, инструкціи безсильны противъ свободы науки. [1887. IX—7].

Профессорскія лекціи, какъ бы онѣ не были полны, содержательны, исполнены любви къ знанію самого профессора, все-таки суть не что иное, какъ только программы, систематическіе, постепенные указатели, регулирующіе порядокъ пріобрѣтенныхъ познаній. Кто прослушаетъ только ихъ и самъ не за-

разится живой жаждой чтенія, у того, можно сказать, все прослушанное въ университетѣ будетъ — какъ зданіе на пескѣ. Только тому университетъ и сослужитъ свою службу, кто изъ чтенія сдѣлаетъ себѣ вторую жизнь.

[Id.—29].

[Разговоръ между Райскимъ и Леонтіемъ въ романѣ „Обрывъ"]. Книги! Развѣ это жизнь? Старыя книги сдѣлали свое дѣло; люди рвутся впередъ, ищутъ улучшить себя, очистить понятія, прогнать туманъ, условиться по-опредѣлительнѣе въ общественныхъ вопросахъ, въ правахъ, въ правахъ; наконецъ привести въ порядокъ и общественное хозяйство... А онъ глядитъ въ книгу, а не въ жизнь! [Слова Райскаго].

— Чего нѣтъ въ этихъ книгахъ, того и въ жизни нѣтъ, или не нужно! торжественно рѣшилъ Леонтій. Вся программа, и общественной, и единичной жизни, у насъ позади: всѣ образцы даны намъ. Умѣй напасть на свою форму, а она готова. Не отступай только — и будешь знать, что дѣлать. Позади найдешь образцы формъ и политическихъ и общественныхъ порядковъ. И лично для себя тоже самое: кто ты: полководецъ, писатель, сенаторъ, консулъ, или невольникъ, или школьный мастеръ, или жрецъ? Смотри: вотъ они всѣ живые здѣсь—въ этихъ книгахъ. Учи ихъ жизнь и живи, учи ихъ ошибки и избѣгай, учи ихъ добродѣтели и, если можно, подражай. Да трудно! Ихъ лица строги, черты крупны, характеры цѣльны и не разбавлены мелочью! Трудно вливаться въ эти величавыя формы, какъ трудно надѣвать ихъ латы, подинмать мечи, сѣкиры! Не поднять и подви-

говъ ихъ! Мы и давай выдумывать какую-то свою, новую жизнь!....

— Стало быть, по твоему, жизнь тамъ и кончилась, а это все не жизнь? Ты не вѣришь въ развитіе, въ прогрессъ?

— Какъ не вѣрить, вѣрю! Вся эта дрянь, мелочь, на которую разсыпался современный человѣкъ — исчезнетъ: все это приготовительная работа, сборъ и смѣсь еще неосмысленнаго матеріала. Эти историческія крохи соберутся и сомнутся рукой судьбы опять въ одну массу, и изъ этой массы выльются со временемъ опять колоссальныя фигуры, опять потечетъ ровная, цѣльная жизнь, которая впослѣдствіи образуетъ вторую древность.

[1868. IV—266/7].

Писатель тогда только напишетъ дѣльно, когда не будетъ находиться подъ вліяніемъ личнаго увлеченія и пристрастія. Онъ долженъ обозрѣвать покойнымъ и свѣтлымъ взглядомъ жизнь и людей вообще, — иначе выразитъ только свое я, до котораго никому нѣтъ дѣла.

[—1847. I/2 ч.—45].

[Разговоръ между Райскимъ и Леонтіемъ въ романѣ „Обрывъ"]. Есть одно искусство: оно лишь можетъ удовлетворить современнаго художника: искусство слова, поэзія: оно безгранично. Туда уходитъ и живопись, и музыка — и еще тамъ есть то, чего не даетъ ни то, ни другое... [Райскій].

— Что жъ ты, пишешь стихи?

— Нѣтъ... съ досадой сказалъ Райскій: — стихи — это младенческій лепетъ. Ими споешь любовь, пиръ, цвѣты, соловья... лирическое горе, такую же радость — и больше ничего...

— А сатира?...

Да, иногда можно удачно хлеснуть стихомъ по больному мѣсту. Сатира — плеть: ударомъ обожжетъ, но ничего тебѣ не выяснитъ, не дастъ животрепещущихъ образовъ, не раскроетъ глубины жизни съ ея тайными пружинами, не подставитъ зеркала... Нѣтъ, только романъ можетъ охватывать жизнь и отражать человѣка!

[1868. IV—268].

Газета — это не только живая хроника современной исторіи, но и архимедовъ рычагъ, двигающій европейскій міръ политики, общественныхъ вопросовъ; а романъ перестал быть забавой: изъ него учатся жизни! Онъ сдѣлался руководствующимъ кодексомъ къ изученію взаимныхъ отношеній, страстей, симпатій и антипатій... словомъ школой жизни!

[—1877. VIII—15].

Напрасно приписывать избытокъ фантазіи и воспріимчивости только художническимъ натурамъ. Не однимъ художникамъ нужно творчество. Совершенно справедливо, что въ искусствѣ художникъ создаетъ или изобрѣтаетъ сходства и подобія, т. е. образы существующаго или возможнаго въ природѣ, а въ сферѣ знанія ученый только угадываетъ или открываетъ скрытые законы или готовыя истины. Но въ процессахъ самаго этого угадыванія или этихъ открытій дѣйствуютъ также изобрѣтательныя или творческія силы и пріемы. Нервозность, т. е. тонкіе и чуткіе нервы, а вслѣдствіе этого впечатлительность и помощь фантазіи присущи, какъ необходимый элементъ, всякой работѣ, требующей иниціативы мысли и изобрѣтательной производительности, не говоря уже о наукѣ, искусствѣ, но даже въ ре-

меслахъ. Чуткость нервъ и фантазія въ художникахъ (живописцахъ, поэтахъ, актерахъ) только разнообразнѣе и капризнѣе проявляется, по самому свойству и натурѣ ихъ дѣла, по образу жизни и прочимъ условіямъ.

[1874. VIII—170].

Въ области критики художественныхъ произведеній, являлось и является не мало болѣе или менѣе замѣчательныхъ умовъ и перьевъ, но очень немногіе изъ нихъ подходятъ къ произведенію по прямому и кратчайшему пути, т. е. отъ непосредственнаго впечатлѣнія произведенія на нихъ самихъ: они обходятъ со стороны, отъ холоднаго умственнаго воззрѣнія пускаются въ критическія дебри и разсуждаютъ, тамъ, гдѣ надо прежде чувствовать и огнемъ чувства освѣщать путь уму — къ вѣрному опредѣленію достоинствъ или недостатковъ произведенія. Но чуткость нервъ, сила фантазіи и впечатлительность, до степени страстности, даются природою,— по видимому, не очень часто.

[Id. 184].

„Художникъ мыслитъ образами", сказалъ Бѣлинскій — и мы видимъ это на каждомъ шагу, во всѣхъ даровитыхъ романистахъ. Но какъ онъ мыслитъ — вотъ давнишній, мудреный, спорный вопросъ! Одни говорятъ — сознательно, другіе — безсознательно. Я думаю и такъ, и этакъ: смотря потому, что преобладаетъ въ художникѣ, умъ или фантазія и такъ-называемое сердце? Онъ работаетъ сознательно, если умъ его тонокъ, наблюдателенъ и превозмогаетъ фантазію и сердце. Тогда идея нерѣдко высказывается помимо образа. И если талантъ не силенъ, она заслоняетъ образъ и является тенденціею. У такихъ созна-

тельныхъ писателей умъ досказываетъ, чего не договариваетъ образъ—и ихъ созданія бываютъ нерѣдко сухи, блѣдны, неполны; они говорятъ уму читателя, мало говоря воображенію и чувству. Они убѣждаютъ, учатъ, увѣряютъ, такъ сказать, мало трогая. И наоборотъ—при избыткѣ фантазіи и при—относительно меньшемъ противъ таланта — умѣ, образъ поглощаетъ въ себѣ значеніе, идею; картина говоритъ за себя и художникъ часто самъ увидитъ смыслъ—съ помощью тонкаго критическаго истолкователя, какими, напримѣръ, были Бѣлинскій и Добролюбовъ. Рѣдко, въ лицѣ самого автора, соединяются и сильный объективный художникъ, и вполнѣ сознательный критикъ.

[1875. VIII—207/8].

Прежде всего надо вспомнить и уяснить себѣ слѣдующее положеніе искусства: если образы типичны — они непремѣнно отражаютъ на себѣ—круппѣе или мельче—и эпоху, въ которой живутъ, отъ того они и типичны. То есть, на нихъ отразятся, какъ въ зеркалѣ и явленія общественной жизни, и нравы, и бытъ. А если художникъ самъ глубокъ, то въ нихъ проявляется и психологическая сторона.

[Id. 211/2].

Творчество требуетъ спокойнаго наблюденія уже установившихся и успокоившихся формъ жизни, а новая жизнь слишкомъ нова, она трепещетъ въ процессѣ броженія, слагается сегодня, разлагается завтра и видоизмѣняется не по днямъ, а по часамъ. Нынѣшніе герои не похожи на завтрашнихъ и могутъ отражаться только въ зеркалѣ сатиры, легкаго очерка, а не въ большихъ эпическихъ произведеніяхъ.

[Id .222].

Рисовать трудно и, по моему, просто нельзя, съ жизни, еще не сложившейся, гдѣ формы ея не устоялись, лица не наслоились въ типы. Никто не знаетъ, въ какія формы дѣятельности и жизни отольются молодыя силы юныхъ поколѣній, такъ какъ сама новая жизнь окончательно не выработала новыхъ окрѣпшихъ направленій и формъ. Можно въ общихъ чертахъ намекать на идею, на будущій характеръ новыхъ людей. Но писать самый процессъ броженія нельзя: въ немъ личности видоизмѣняются почти каждый день — и будутъ неуловимы для пера. Послѣ Гоголя, мы въ искусствѣ не сошли съ пути отрицанія, между прочимъ и потому, что художнику легче даются отрицательные образы.

[Id. 249/56].

Ученый ничего не создастъ, а открываетъ готовую и скрытую въ природѣ правду, а художникъ создастъ подобія правды, т. е. наблюдаемая имъ правда отражается въ его фантазіи и онъ переноситъ эти отраженія въ свое произведеніе. Это и будетъ художественная правда. Слѣдовательно, художественная правда и правда дѣйствительности — не одно и тоже. Явленіе, перенесенное цѣликомъ изъ жизни въ произведеніе искусства, потеряетъ истинность дѣйствительности и не станетъ художественною правдою. Поставьте рядомъ два-три факта изъ жизни, какъ они случились, выйдетъ невѣрно, даже не правдоподобно. Отчего же это? Именно отъ того, что художникъ пишетъ не прямо съ природы и съ жизни, а создаетъ правдоподобіе ихъ. Въ этомъ и заключается процессъ творчества! Пособіемъ художника всегда будетъ фантазія, а цѣлью его, хотя и несознательною, пассивною или замаскированною,

стремленіе къ тѣмъ или другимъ идеаламъ, хоть бы, напримѣръ, къ усовершенствованію наблюдаемыхъ имъ явленій, къ замѣнѣ худшаго лучшимъ. Писать художественныя произведенія только умомъ — все равно, что требовать отъ солнца, чтобы оно давало лишь свѣтъ, но не играло лучами — въ воздухѣ, на деревьяхъ, на водахъ, не давало бы тѣхъ красокъ, тоновъ и переливовъ свѣта, которые сообщаютъ красоту и блескъ природѣ! Развѣ это реально? И что такое умъ въ искусствѣ? Это умѣнье создать образъ. Слѣдовательно, въ художественномъ произведеніи одинъ образъ уменъ — и чѣмъ онъ строже, тѣмъ умнѣе. Природа слишкомъ сильна и своеобразна, чтобы взять ее, такъ сказать, цѣликомъ, помѣряться съ нею ея же силами и непосредственно стать рядомъ; она не дастся. У нея свои слишкомъ могучія средства. Изъ непосредственнаго снимка съ нея выйдетъ жалкая, безсильная копія. Она позволяетъ приблизиться къ ней только путемъ творческой фантазіи.

[Id. 255/7].

Пора бы оставить въ покоѣ ничего невыражающую фразу „искусство для искусства". Что нибудь одно: или у писателя нѣтъ таланта — и онъ пишетъ только для искусства писать: но тогда не было бы никакой живописи, никакихъ живыхъ лицъ и ничего бы не выходило. А если признаютъ талантъ, а съ нимъ и живопись, тогда послѣдняя что нибудь да выражаетъ. Живой, т. е. правдивый образъ всегда говоритъ о жизни, все равно о какой. „Намъ до той или другой жизни дѣла нѣтъ: — все въ искусствѣ должно служить дѣлу, моменту, „злобѣ дня" — проповѣдуютъ ультро-реалисты. Но вѣдь эдакъ пришлось бы ограничить жизнь суетливымъ перебѣганьемъ отъ одной

дневной заботы къ другой. Куда же дѣвать всѣ другія, безчисленныя, и мрачныя, и свѣтлыя стороны жизни, картины не однихъ политическихъ, соціальныхъ, но и общечеловѣческихъ, разнороднѣйшихъ страстей, интересовъ, сусть, волненій и горячекъ, скорбей и радостей? Вѣдь жизнь — это безпредѣльное и глубокое море: его не исчерпаешь и не направишь въ одно какое нибудь узкое русло, а съ нимъ и искусство, ея вѣрное стремленіе!

[Id. 260/1].

Для образовъ и картинъ требуется извѣстная свѣжесть силъ и охоты: всему есть своя пора. Къ концу поприща человѣкъ устаетъ отъ борьбы со всѣми и со всѣмъ, что ему мѣшало, что не понимало его, что враждовало съ нимъ.

[Id. 265].

II.

1) Когда человѣкъ приходитъ искать утѣшенія въ религіи. — Трудъ. Сомнѣнія и вопросы. — Человѣческія достоинства. — Умѣнье жить. — Самолюбіе. — Страсть.

Пока въ человѣкѣ кипятъ жизненныя силы, — пока играютъ желанія и страсти, онъ занятъ чувственно, онъ бѣжитъ того успокоительнаго, важнаго и торжественнаго созерцанія, къ которому ведетъ религія... Онъ приходитъ искать утѣшенія въ ней съ угасшими, растраченными силами, съ сокрушенными надеждами, съ бременемъ лѣтъ...

[Александръ Адуевъ. 1847. I/2 ч.—183].

Трудъ — образъ, содержаніе, стихія и цѣль жизни.

[Штольцъ. 1857. II/2—43].

Сама жизнь и трудъ есть цѣль жизни.

[1857—1858. III/4 ч.—27]

Уважай сомнѣнія и вопросы: они — переполненный избытокъ, роскошь жизни и являются больше на вершинахъ счастья, когда нѣтъ грубыхъ желаній; они не родятся среди жизни обыденной: тамъ не до того, гдѣ горе и нужда; толпы идутъ и не знаютъ этого тумана сомнѣній, тоски вопросовъ... Но кто встрѣтился съ ними своевременно, для того они не молотъ, а милые гости [Штольцъ].

— Но съ ними не справишься: они даютъ тоску и равнодушіе... почти ко всему... нерѣшительно прибавила она [Ольга].

— А надолго ли? Потомъ освѣжаютъ жизнь, говорилъ онъ [Штольцъ]. — Они приводятъ къ безднѣ, отъ которой не допросишься ничего, и съ большей любовью заставляютъ опять глядѣть на жизнь... Они вызываютъ на борьбу съ собой уже испытанныя силы, какъ будто затѣмъ, чтобы не давать имъ уснуть...

[Id. III/4 ч.—118/9].

Гордость, человѣческое достоинство, права на уваженіе, цѣлость самолюбія! Оборвите эти цвѣты съ вѣнка, которыми украшенъ человѣкъ, и онъ сдѣлается почти вещью.

[1868. V—425].

„Умѣнье жить" ставятъ въ великую заслугу другъ другу, т. е. умѣнье „казаться", съ правомъ въ дѣйствительности „не быть" тѣмъ, чѣмъ надо быть. А умѣньемъ жить называютъ умѣнье — ладить со всѣми, чтобы было хорошо и другимъ, и самому себѣ, умѣть таить дурное и выставлять что годится — т. е. приводить въ данный моментъ нужныя для этого свойства въ движеніе, какъ трогать клавиши, большею частію — не обладая самой музыкой.

[Id. 493].

Самолюбіе иногда грубый, иногда сдержанный, но всегда главный, а у многихъ и единственный двигатель дѣятельности, а часто и всей жизни.

[1874. VIII—177].

Давать страсти законный исходъ, указать порядокъ теченія, какъ рѣкѣ, для блага цѣлаго края, — это общечеловѣческая задача, это вершина прогресса. За рѣшеніемъ ея вѣдь уже нѣтъ ни измѣнъ, ни охлажденій, а вѣчно ровное біеніе покойно-счастливаго сердца, слѣдовательно вѣчно - наполненная жизнь, вѣчный сокъ жизни, вѣчное нравственное здоровье.

[1857. II/2 ч.—72].

2) Любовь.—Женщины.

Сердце любитъ до тѣхъ поръ, пока не истратитъ своихъ силъ. Оно живетъ своею жизнію и также, какъ и все въ человѣкѣ, имѣетъ свою молодость и старость. Не удалась одна любовь, оно только замираетъ, молчитъ до другой; въ другой помѣшали, разлучили—способность любить опять останется неупотребленной до третьяго, до четвертаго раза, до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, сердце не положитъ всѣхъ силъ своихъ въ одной какой нибудь счастливой встрѣчѣ, гдѣ ничто не мѣшаетъ, а потомъ медленно и постепенно охладѣетъ.

[Петръ Иванычъ Адуевъ. 1847. I—169].

Любовь не забываетъ ни одной мелочи. Въ глазахъ ея все, что ни касается до любимаго предмета, все важный фактъ. Въ умѣ любящаго человѣка плетется многосложная ткань изъ наблюденій, тонкихъ соображеній, воспоминаній, догадокъ обо всемъ, что окружаетъ любимаго человѣка, что творится въ его сферѣ,

что имѣетъ на него вліяніе. Въ любви довольно одного слова, намека... чего намека! взгляда, едва примѣтнаго движенія губъ, чтобы составить догадку, потомъ перейти отъ нея къ соображенію, отъ соображенія къ рѣшительному заключенію и потомъ мучиться или блаженствовать отъ собственной мысли. Логика влюбленныхъ, иногда фальшивая, иногда изумительно-вѣрная, быстро возводитъ зданіе догадокъ, подозрѣній, но сила любви еще быстрѣе разрушаетъ его до основанія: часто довольно для этого одной улыбки, слезы, много, много двухъ, трехъ словъ — и прощай подозрѣнія. Этого рода контроля ни усыпить, ни обмануть невозможно ничѣмъ. Влюбленный, то вдругъ заберетъ въ голову то, чего другому бы и во снѣ не приснилось, то не видитъ того, что дѣлается у него подъ носомъ, то проницателенъ до ясновидѣнія, то недальновиденъ до слѣпоты.

[1847. I/2 ч.—89/90].

Что бы женщина ни сдѣлала съ тобой, измѣнила, охладѣла, поступила, какъ говорятъ въ стихахъ, коварно, — вини природу, предавайся, пожалуй, по этому случаю, философскимъ размышленіямъ, брани міръ, жизнь, что хочешь, но никогда не посягай на личность женщины ни словомъ, ни дѣломъ. Оружіе противъ женщины — снисхожденіе, наконецъ, самое жестокое — забвеніе! только это и позволяется порядочному человѣку.

[Петръ Иванычъ Адуевъ. 1847. I—179].

И въ положительныхъ цѣляхъ женщины присутствуетъ непремѣнно любовь... Семейныя обязанности — вотъ ея заботы: но развѣ можно исполнять ихъ безъ любви? Няньки, кормилицы, и тѣ творятъ себѣ кумира изъ ребенка, за которымъ ходятъ; а жена, а мать! [1847. I/2 ч.—8].

На женщинъ много дѣйствуетъ внѣшность. И умныя женщины любятъ, когда для нихъ дѣлаютъ глупости, особенно дорогія. Только онѣ любятъ большею частью при этомъ, не того, кто ихъ дѣлаетъ, а другаго..

[Петръ Иванычъ Адуевъ. 1847. I/2 ч.—53/4].

Женщины страхъ какъ любятъ женить мужчинъ; иногда онѣ и видятъ, что бракъ какъ-то не клеится и не долженъ бы клеиться, но всячески помогаютъ дѣлу. Имъ лишь бы устроить свадьбу, а тамъ новобрачные какъ себѣ хотятъ. Богъ знаетъ, изъ чего онѣ хлопочутъ.

[1847. I/2 ч.—82].

Хитрятъ и пробавляются хитростью только болѣе или менѣе ограниченныя женщины. Онѣ, за недостаткомъ прямаго ума, двигаютъ пружинами ежедневной мелкой жизни посредствомъ хитрости, плетутъ, какъ кружево, свою домашнюю политику, не замѣчая, какъ вокругъ нихъ располагаются главныя линіи жизни, куда онѣ направятся и гдѣ сойдутся.

Хитрость все равно, что мелкая монета, на которую не купишь многаго. Какъ мелкой монетой можно прожить часъ, два, такъ хитростью можно тамъ прикрыть что-нибудь, тутъ обмануть, переиначить, а ея не хватитъ обозрѣть далекій горизонтъ, свести начало и конецъ крупнаго, главнаго событія.

Хитрость близорука: хорошо видитъ только подъ носомъ, а не вдаль, и оттого часто сама попадается въ ту же ловушку, которую разставила другимъ.

[1857. II/2 ч.—149].

У насъ часто за умъ, особенно у женщинъ, считаютъ одну только, до нельзя изощренную, низшую его степень — хитрость, и женщины даже кичатся,

что владѣютъ этимъ тонкимъ орудіемъ, этимъ умомъ кошки, лисы, даже нѣкоторыхъ насѣкомыхъ! Это пассивный умъ, способность таиться, избѣгать опасности, прятаться отъ силы, отъ угнетенія. Такой умокъ выработала себѣ между прочимъ, въ долгомъ угнетеніи, обезсилѣвшая и разсѣянная цѣлая еврейская нація, тайкомъ пробиравшаяся сквозь человѣческую толпу, хитростью отстаивавшая свою жизнь, имущество и свои права на существованіе. Этотъ умокъ помогаетъ съ успѣхомъ пробавляться въ обиходной жизни, дѣлать мелкія дѣлишки, прятать грѣшки и т. д. Но когда женщинамъ возвратятъ ихъ права — эта тонкость, полезная въ мелочахъ и почти всегда вредная въ крупныхъ, важныхъ дѣлахъ, уступитъ мѣсто прямой человѣческой силѣ — уму.

[Райскій. 1868. V—251|2].

Разъ вышедши замужъ, онѣ [многія женщины] покорно принимаютъ и хорошія и дурныя качества мужа, безусловно мирятся съ приготовленнымъ имъ положеніемъ и сферой, или такъ же покорно уступаютъ первому случайному увлеченію, съ разу признавая невозможнымъ или не находя нужнымъ противиться ему: „судьба, дескать, страсти, женщина — созданіе слабое“ и т. д. Даже если мужъ и превышаетъ толпу умомъ, — этой обаятельной силой въ мужчинѣ, такія женщины гордятся этимъ преимуществомъ мужа, какъ какимъ-нибудь дорогимъ ожерельемъ, и то въ такомъ только случаѣ, если умъ этотъ остается слѣпъ на ихъ жалкія женскія продѣлки. А если онъ осмѣлится прозирать въ мелочную комедію ихъ лукаваго, ничтожнаго, иногда порочнаго, существованія, имъ дѣлается тяжело и тѣсно отъ этого ума. [1857—1858. Ш|4 ч.—122].

Въ женской половинѣ человѣческаго рода, думалось ему [Райскому], заключены великія силы, ворочающія міромъ. Только не поняты, не признаны, не воздѣланы онѣ, ни ими самими, ни мужчинами, и подавлены; грубо затоптаны, или присвоены мужской половиной, не умѣющей ни владѣть этими великими силами, ни разумно повиноваться имъ, отъ гордости. А женщины, не узнавая своихъ природныхъ и законныхъ силъ, вторгаются въ область мужской силы — и отъ этого взаимнаго захвата — вся неурядица.

[1868. V—410].

Время сняло съ васъ [женщинъ] много оковъ, наложенныхъ лукавой и грубой тираніей: сниметъ и остальныя, дастъ просторъ и свободу вашимъ великимъ, соединеннымъ силамъ ума и сердца — и вы открыто пойдете своимъ путемъ и употребите эту свободу лучше, нежели мы употребляемъ свою! Отбросьте же хитрость — это орудіе слабости — и всѣ ея темные, ползучіе ходы и цѣли...

[Id.—532].

Мы [мужчины и женщины] не равны: вы выше насъ, вы — сила; мы — ваше орудіе, мы сдѣлаемъ всю черновую работу; а вы, рождая насъ, берегите насъ, какъ Провидѣніе, воспитывайте, учите труду, человѣчности, добру и той любви, которую Творецъ вложилъ въ ваши сердца, — и мы пойдемъ за вами туда, гдѣ все совершенно, гдѣ вѣчная красота! То есть: создайте насъ вновь для жизни духа, какъ вы создали насъ по плоти, вотъ гдѣ ваша задача! Мы — творцы въ черной работѣ: въ наукѣ, въ искусствѣ, въ воздѣланіи внѣшней природы: мы — внѣшніе дѣя-

тели. Вы — создательницы и воспитательницы людей, вы — прямое, лучшее орудіе Бога.

[1875. VIII—246].

Мать любитъ безъ толку и безъ разбору. Велики вы, славны, красивы, горды, переходитъ имя ваше изъ устъ въ уста, гремятъ ваши дѣла по свѣту — голова старушки трясется отъ радости, она плачетъ, смѣется и молится долго и жарко. Нищи ли вы духомъ и умомъ, отмѣтила ли васъ природа клеймомъ безобразія, точитъ ли жало недуга ваше сердце или тѣло, наконецъ, отталкиваютъ васъ отъ себя люди и нѣтъ вамъ мѣста между ними — тѣмъ болѣе мѣста въ сердцѣ матери. Она сильнѣе прижимаетъ къ груди уродливое, неудавшееся чадо и молится еще долѣе и жарче.

[1847. I—10].

III.

Казнь. — Приготовительная школа для таланта. — Оскорбленіе эстетическаго чувства. — Дружба и любовь. — Болтливость любовниковъ. — Женщина. — Любовь къ матери. — Безпечность. — Покой. — Старость. — Добровольное иго. — Баловство. — Красавецъ.

Не казнь страшна, но приготовленія къ ней.

[1857. II/2 ч.—182].

Приготовительная школа для таланта трудная, требующая всего человѣка.

[1875. VIII—228].

Никакой терпимости, никакого снисхожденія нѣтъ въ человѣкѣ, когда оскорблено его эстетическое чувство.

[1854. VII—321].

Дружба, какъ бы она ни была сильна, едва ли удержитъ кого нибудь отъ путешествія. Только лю-

бовникамъ позволительно плакать и рваться отъ тоски, прощаясь, потому — что тамъ другіе двигатели: кровь и нервы; оттого боль и въ разлукѣ. Дружба вьетъ гнѣздо не въ нервахъ, не въ крови, а въ головѣ, въ сознаніи.

[1852. VI—39].

Любовники страхъ какъ болтливы.

[1857. II/2 ч.—137].

Женщина охлаждается, когда мужчина выскажется весь.

[Петръ Иванычъ Адуевъ. 1847. I—178].

Отличный столъ и лучшее вино почти не имѣютъ цѣны въ глазахъ женщины.

[1847. I/2 ч.—206].

Любовь къ матери—чувство покойное.

[Петръ Иванычъ Адуевъ. 1847. I/2 ч.—31].

Говорятъ, что безпечность въ характерѣ русскаго человѣка: полноте, она въ характерѣ — просто человѣка.

[1854. VII—310].

Покой вообще не свойственъ натурамъ нервнымъ.

[1874. VIII—175].

Лѣта охлаждаютъ всякія желанія и надежды.

[[illegible]. VII—[illegible]].

Добровольно взятое на себя иго—уже не иго: оно легче и охотнѣе переносится, особенно когда подкладкой ему служитъ симпатія. Мы всегда охотнѣе даемъ то, чего отъ насъ не требуютъ и чего мы не обязаны давать. Въ этомъ и весь секретъ.

[1887. IX—60].

Баловство — не до глупой слабости, не до излишества — также необходимо въ дѣтскомъ воспитаніи. Оно порождаетъ въ дѣтскихъ сердцахъ благодарность

и другія добрыя, нѣжныя чувства. Это своего рода практика въ сферѣ любви, добра. Сердце, какъ и умъ, требуетъ развитія.

[Id. 61].

Если уроду нужно много нравственныхъ достоинствъ, чтобъ не колоть глазъ своимъ безобразіемъ, то красавцу нужно ихъ чуть ли не больше, чтобъ заставить простить себѣ красоту. Сколько надо одного ума, чтобъ не знать о ней! Но этого не бываетъ; надо искусственно дойти до потери сознанія о ней, забывать ее, то есть, безпрестанно помнить, что надо забывать.

[1853. VI—338/9].

IV.

1) Сѣверныя красавицы.— Простой русскій человѣкъ.— Обрусѣвшіе нѣмцы; славянофильство.

Не пластической красоты надо искать въ сѣверныхъ красавицахъ: онѣ не статуи; имъ не дались античныя позы, въ которыхъ увѣковѣчилась красота греческихъ женщинъ, да не изъ чего и строить этихъ позъ: нѣтъ тѣхъ безукоризненно-правильныхъ контуровъ тѣла... чувственность не льется изъ глазъ ихъ жаркимъ потокомъ лучей; на полуоткрытыхъ губахъ не млѣетъ та наивно-сладострастная улыбка, какою горятъ уста южной женщины. Нашимъ женщинамъ дана въ удѣлъ другая, высшая красота. Для рѣзца неуловимъ этотъ блескъ мысли въ чертахъ лицъ ихъ, эта борьба воли съ страстью, игра невысказываемыхъ языкомъ движеній души съ безчисленными, тонкими оттѣнками лукавства, мнимаго простодушія, гнѣва и доброты, затаенныхъ радостей, и страданій... всѣхъ

этихъ мимолетныхъ молній, вырывающихся изъ концентрической души...

[1847. I/2—201].

Простой русскій человѣкъ не всегда любитъ понимать что̀ читаетъ. Я видѣлъ какъ простые люди зачитываются до слезъ священныхъ книгъ на славянскомъ языкѣ, ничего не понимая. Помню, какъ матросы на кораблѣ слушали такую книгу, не шевелясь по цѣлымъ часамъ, глядя въ ротъ чтецу, лишь бы онъ читалъ звонко и съ чувствомъ. Простые люди не любятъ простоты.

[1888. IX—190/1].

Обрусѣвшіе нѣмцы (напримѣръ, остзейцы) сливаются, хотя туго и медленно, съ русскою жизнію и — нѣтъ сомнѣнія — сольются когда-нибудь совсѣмъ. Отрицать полезность этого притока посторонняго элемента къ русской жизни — и несправедливо, и нельзя. Они вносятъ во всѣ роды и виды дѣятельности — прежде всего свое терпѣніе, persévérance своей расы, а за тѣмъ и много другихъ качествъ, и гдѣ бы ни было — въ арміи, во флотѣ, въ администраціи, въ наукѣ, словомъ, всюду — они служатъ съ Россіей и Россіи, и большею частію становятся ея дѣтьми. Отвергать ихъ при этихъ условіяхъ, какъ притокъ, сливающійся съ общею рѣкою — было бы также возмутительно-несправедливо съ нашей русской стороны, какъ возмутительно-несправедливо со стороны нѣкоторой партіи остзейскихъ нѣмцевъ, живя въ Россіи, съ русскими, находя въ ней надежную опору своего политическаго существованія и всѣ условія благосостоянія, считать ее чуждою себѣ, своему нѣмецкому духу, пятиться отъ слiянія съ нею и стараться удержать statu quo. Все это, конечно,

минуетъ въ будущемъ, хотя, можетъ быть, и не очень близкомъ. Закоснѣлость и упрямство нашихъ доморощенныхъ нѣмцевъ уступятъ духу времени, когда они, съ своею мнимою остзейскою цивилизаціею, очутятся позади шагающей впередъ Россіи. И самое славянофильство, оставаясь тѣмъ, что оно есть, т. е. выраженіемъ и охраненіемъ кореннаго славяно-русскаго духа, нравственной народной силы и историческаго характера Россіи, будетъ искреннѣе протягивать руку къ всеобщей, т. е. европейской культурѣ: ибо если чувства и убѣжденія національны, то знаніе — одно для всѣхъ и у всѣхъ.

[1875. VIII—223[4].

2) Филантропія и бѣдность въ Англіи. — Красота англичанъ и англичанокъ. — Каффры, негры, малайцы, китайцы и японцы.

Филантропія возведена въ степень общественной обязанности, а отъ бѣдности гибнутъ, не только отдѣльныя лица, семейства, но цѣлыя страны подъ англійскимъ управленіемъ. Между тѣмъ, этотъ нравственный народъ по воскресеньямъ ѣстъ черствый хлѣбъ, не позволяетъ вамъ въ вашей комнатѣ заиграть на фортепіано или засвистать на улицѣ. Призадумаешься надъ репутаціей умнаго, дѣловаго, религіознаго, нравственнаго и свободнаго народа!

[1852. VI—59].

Едва-ли въ другомъ народѣ разлито столько красоты въ массѣ, какъ въ Англіи. Не судите о красотѣ Англичанъ и Англичанокъ по этимъ рыжимъ господамъ и госпожамъ, которые дезертируютъ изъ Англіи подъ именемъ шкиперовъ, машинистовъ, учителей и гувернантокъ, особенно гувернантокъ: это оборыши; красивой женщинѣ незачѣмъ бѣжать изъ Англіи:

красота — капиталъ. Англичанки большею частью высоки ростомъ, стройны, но немного горды и спокойны, — по словамъ многихъ, даже холодны. Надо сказать, что и мужчины достойны этихъ леди по красотѣ. Они отличаются тѣмъ-же ростомъ, наружнымъ спокойствіемъ, гордостью, важностью въ осанкѣ, твердостью въ поступи.

[1853. VI—59,60].

Кафры, негры, малайцы—нетронутое поле, ожидающее посѣва; китайцы и ихъ родственники японцы — истощенная, непроходимо-заглохшая нива.

[1854. VII—375].

Ѳедоръ Михайловичъ Достоевскій.

(1821—1881).

I.

1) Вѣра.—Безсмертіе души и самоубійство. Христіанство и ученія о средѣ.

Вѣра и математическія доказательства — двѣ вещи несовмѣстимыя.

[1876. XI—116].

Безъ вѣры въ свою душу и въ ея безсмертіе бытіе человѣка неестественно, немыслимо и невыносимо.

[Id. 384].

Самоубійство, при потерѣ идеи о безсмертіи, становится совершенною и неизбѣжною даже необходимостью для всякаго человѣка, чуть-чуть поднявшагося

*

шагося въ своемъ развитіи надъ скотами. Напротивъ, безсмертіе, обѣщая вѣчную жизнь, тѣмъ крѣпче связываетъ человѣка съ землей.

[Id. 387].

Дѣлая человѣка отвѣтственнымъ, христіанство тѣмъ самымъ признаетъ и свободу его. Дѣлая же человѣка зависящимъ отъ каждой ошибки въ устройствѣ общественномъ, ученіе о средѣ доводитъ человѣка до совершенной безличности, до совершеннаго освобожденія его отъ всякаго нравственнаго личнаго долга, отъ всякой самостоятельности, доводитъ до мерзѣйшаго рабства, какое только можно вообразить.

[1873. X—15].

2) Любовь къ человѣчеству.—Идея нравственная и національность.—Единящая мысль и единящее чувство.—Народъ.—Тиранство.—Война и миръ.—Богатство.—Бездарные исполнители закона.—Остроги и система насильныхъ работъ.

Любовь къ человѣчеству — совсѣмъ немыслима, непонятна и совсѣмъ невозможна безъ совмѣстной вѣры въ безсмертіе души человѣческой. Любовь къ человѣчеству вообще—есть, какъ идея, одна изъ самыхъ непостижимыхъ идей для человѣческаго ума. Ее можетъ оправдать лишь одно чувство. Но чувство то возможно именно лишь при совмѣстномъ убѣжденіи въ безсмертіи души человѣческой.

[1876. XI—387].

При началѣ всякаго народа, всякой національности, идея нравственная всегда предшествовала зарожденію національности, ибо она же и создавала ее. Исходила же эта нравственная идея всегда изъ идей мистическихъ, изъ убѣжденій, что человѣкъ вѣченъ, что онъ не простое земное животное, а связанъ съ другими мірами и съ вѣчностью. Эти убѣж-

денія формулировались всегда и вездѣ въ религію, въ исповѣданіе новой идеи, и всегда, какъ только начиналась новая религія, такъ тотчасъ же и создавалась граждански новая національность. Взгляните на евреевъ и мусульманъ: національность у евреевъ сложилась только послѣ закона Моисеева, хотя и началась еще изъ закона Авраамова, а національности мусульманскія явились только послѣ Корана. И замѣтьте, какъ только послѣ временъ и вѣковъ (потому что тутъ тоже свой законъ, намъ невѣдомый) начиналъ расшатываться и ослабѣвать въ данной національности ея идеалъ духовный, такъ тотчасъ же начинала падать и національность, а вмѣстѣ падалъ и весь ея гражданскій уставъ и померкали всѣ тѣ гражданскіе идеалы, которые успѣвали въ ней сложиться. Въ какомъ характерѣ слагалась въ народѣ религія, въ такомъ характерѣ зарождались и формулировались и гражданскія формы этого народа. Стало быть, гражданскіе идеалы всегда прямо и органически связаны съ идеалами нравственными, а главное то, что несомнѣнно изъ нихъ только одних и выходятъ.

[1880. XII—451|2].

Всякая высшая и единящая мысль и всякое вѣрное единящее всѣхъ чувство — есть величайшее счастье въ жизни націй.

[1876. XI—288].

Всякій великій народъ вѣритъ и долженъ вѣрить, если только хочетъ быть долго живъ, что въ немъ-то, и только въ немъ одномъ, и заключается спасеніе міра, что живетъ онъ на то, чтобъ стоять во главѣ народовъ, пріобщить ихъ всѣхъ къ себѣ во-едино и

вести ихъ, въ согласномъ хорѣ, къ окончательной цѣли, всѣмъ имъ предназначенной.

[1877. XII—19].

Тиранство есть привычка; оно одарено развитіемъ, оно развивается, наконецъ, въ болѣзнь. Я стою на томъ, что самый лучшій человѣкъ можетъ огрубѣть и отупѣть отъ привычки до степени звѣря. Кровь и власть пьянятъ: развиваются загрубѣлость, развратъ; уму и чувству становятся доступны и, наконецъ, сладки самыя ненормальныя явленія. Человѣкъ и гражданинъ гибнутъ въ тиранѣ навсегда, а возвратъ къ человѣческому достоинству, къ раскаянію, къ возрожденію становится для него уже почти невозможенъ. Къ тому же примѣръ, возможность такого своеволія дѣйствуетъ и на все общество заразительно: такая власть соблазнительна. Общество, равнодушно смотрящее на такое явленіе, уже само заражено въ своемъ основаніи. Однимъ словомъ, право тѣлеснаго наказанія, данное одному надъ другимъ, есть одна изъ язвъ общества, есть одно изъ самыхъ сильныхъ средствъ для уничтоженія въ немъ всякаго зародыша, всякой попытки гражданственности и полное основаніе къ непремѣнному и неотразимому его разложенію.

[1858. IV—187].

Война есть процессъ, которымъ , съ наименьшимъ пролитіемъ крови, съ наименьшею скорбію и съ наименьшей тратой силъ, достигается международное спокойствіе и выработываются, хоть приблизительно, сколько нибудь нормальныя отношенія между націями. Миръ, долгій миръ звѣритъ и ожесточаетъ человѣка, а не война. Долгій миръ всегда родитъ жестокость, трусость и грубый, ожирѣлый

эгоизмъ, а главное — умственный застой. Въ долгій миръ жирѣютъ лишь одни эксплоататоры народовъ.

[1877. XII—113].

Пролита́я кровь „за великое дѣло любви" много значитъ, многое очиститъ и омыть можетъ, многое можетъ вновь оживить и многое, доселѣ приниженное и оплеванное въ душахъ нашихъ, вновь вознести.

[Id.—II].

Богатство — усиленіе личности, механическое и духовное удовлетвореніе, стало быть отъединеніе личности отъ цѣлаго.

[I — [illegible]]

Бездарные исполнители закона рѣшительно не понимаютъ, да и не въ состояніи понять, что одно буквальное исполненіе его, безъ смысла, безъ пониманія духа его, прямо ведетъ къ безпорядкамъ, да и никогда къ другому не приводило.

[1858. IV—138].

Остроги и система насильныхъ работъ не исправляютъ преступника; они только его наказываютъ и обезпечиваютъ общество отъ дальнѣйшихъ покушеній злодѣя на его спокойствіе. Въ преступникѣ же острогъ и самая усиленная каторжная работа развиваютъ только ненависть, жажду запрещенныхъ наслажденій и страшное легкомысліе.

[Id. 13].

Если-бъ арестанты лишены были всякой возможности имѣть свои деньги, они или сходили бы съума, или мерли бы какъ мухи (не смотря на то, что были во всемъ обезпечены), или, наконецъ, пустились бы въ неслыханныя злодѣйства, — одни отъ тоски, другіе — что-бъ поскорѣе быть какъ-нибудь казненнымъ

и уничтоженнымъ, или такъ какъ-нибудь перемѣнить участь. Къ деньгамъ арестантъ жаденъ до судорогъ, до омраченія разсудка.

[Id. 74].

Безъ труда и безъ законной, нормальной собственности человѣкъ не можетъ жить, развращается, обращается въ звѣря.

[Id. 15].

Деньги есть чеканенная свобода; а потому для человѣка, лишеннаго совершенно свободы, онѣ дороже вдесятеро.

[Id. 15].

Тщеславіе и заносчивость свойственны почти всѣмъ арестантамъ безъ исключенія.

[Id.—53].

3) Искусство.

Искусство всегда современно и дѣйствительно, никогда не существовало иначе и, главное, не можетъ иначе существовать.

[1861. X—68].

II.

1) Сила ума. — Ограниченные и умные люди. — Потребность отличиться. — Человѣкъ девятнадцатаго столѣтія. — Сознаніе. — Назначеніе умнаго человѣка. — Недостатокъ оригинальности. — Чудакъ. — Страданіе. — Идеалы. — Нравственность. — Самопожертвованіе. — Причины дѣйствій человѣческихъ. — Современная бѣда. — Самосочиненіе человѣка. — Простодушіе людей.

Сила ума есть единственное незыблемое и неоспоримое преимущество одного человѣка передъ другимъ.

[1861. X—15].

Люди ограниченные, тупые, гораздо меньше дѣлаютъ глупостей, чѣмъ люди умные.

[Id. 17].

Потребность заявить себя, отличиться, выйти изъ ряду вонъ есть законъ природы для всякой личности; это право ея, ея сущность, законъ ея существованія. Даже само общество заключаетъ въ себѣ какую-то инстинктивную потребность выдвинуть изъ среды себя какую нибудь исключительную личность; поставить ее какъ исключеніе передъ собою, внѣ обычаевъ и принятыхъ правилъ; признать за этой личностью что-то необыкновенное и преклониться передъ нею. [Id. 29].

Человѣкъ девятнадцатаго столѣтія долженъ и нравственно обязанъ быть существомъ по преимуществу безхарактернымъ; человѣкъ же съ характеромъ, дѣятель, — существомъ по преимуществу ограниченнымъ. [—1864. III—444]

О чемъ можетъ говорить порядочный человѣкъ съ наибольшимъ удовольствіемъ? Отвѣтъ: о себѣ. [Id. 445].

Развѣ сознающій человѣкъ можетъ сколько нибудь себя уважать? [Id. 452].

Прямой, законный, непосредственный плодъ сознанія — это инерція, т. е. сознательное сложа руки сидѣнье. Повторяю, усиленно повторяю: всѣ непосредственные люди и дѣятели потому и дѣятельны, что они тупы и ограниченны. Какъ это объяснить? А вотъ какъ: они, вслѣдствіе своей ограниченности, ближайшія и второстепенныя причины за первоначальныя принимаютъ, такимъ образомъ скорѣе и легче другихъ убѣждаются, что непреложное основаніе своему дѣлу нашли, ну и успокоиваются, а вѣдь это главное. Вѣдь, чтобъ начать дѣйствовать,

нужно быть совершенно успокоеннымъ предварительно и чтобъ сомнѣній ужь никакихъ не оставалось.

[Id. 453].

Прямое и единственное назначеніе всякаго умнаго человѣка есть болтовня, т. е. умышленное пересыпанье изъ пустаго въ порожнее.

[Id. 454].

Недостатокъ оригинальности вездѣ, во всемъ мірѣ, споконъ-вѣка считался всегда первымъ качествомъ и лучшею рекомендаціей человѣка дѣльнаго, дѣловаго и практическаго, и по крайней мѣрѣ девяносто девять сотыхъ людей (это-то ужь по крайней мѣрѣ) всегда состояли въ этихъ мысляхъ, и только развѣ одна сотая людей постоянно смотрѣла и смотритъ иначе. Изобрѣтатели и геніи почти всегда при началѣ своего поприща (а очень часто и въ концѣ) считались въ обществѣ не болѣе какъ дураками.

[1868. VII—324].

Не только чудакъ не всегда частность и обособленіе, а напротивъ бываетъ такъ, что онъ-то пожалуй и носитъ въ себѣ иной разъ сердцевину цѣлаго, а остальные люди его эпохи —всѣ, какимъ нибудь наплывнымъ вѣтромъ, на время почему-то отъ него оторвались...

[1880. XIII—9].

Страданіе,—да вѣдь это единственная причина сознанія. Сознаніе, по моему, есть величайшее для человѣка несчастіе, но я знаю, что человѣкъ его любитъ и не промѣняетъ ни на какія удовлетворенія.

[—1864. III—467].

Безъ идеаловъ, то-есть, безъ опредѣленныхъ хоть сколько нибудь желаній лучшаго, никогда не можетъ получиться никакой хорошей дѣйствительности.

[1876. XI—86].

Недостаточно опредѣлять нравственность вѣрностью своимъ убѣжденіямъ. Надо еще безпрерывно возбуждать въ себѣ вопросъ: вѣрны-ли мои убѣжденія? Провѣрка-же ихъ одна —Христосъ.

[I. 371].

Самовольное, совершенно сознательное и никѣмъ не принужденное самопожертвованіе всего себя въ пользу всѣхъ есть, по моему, признакъ высочайшаго развитія личности, высочайшаго ея могущества, высочайшаго самообладанія, высочайшей свободы собственной воли. [1863. III—417|8].

Причины дѣйствій человѣческихъ обыкновенно безчисленно сложнѣе и разнообразнѣе чѣмъ мы ихъ всегда потомъ объясняемъ и рѣдко опредѣленно очерчиваются. [1868. VII—479].

Въ возможности считать себя, и даже иногда почти въ самомъ дѣлѣ быть не мерзавцемъ, дѣлая явную и безспорную мерзость —вотъ въ чемъ наша современная бѣда! [1873. X—155].

Человѣкъ всю жизнь не живетъ, а сочиняетъ себя, самосочиняется.

[I. 359].

Въ большинствѣ случаевъ люди, даже злодѣи, гораздо наивнѣе и простодушнѣе, чѣмъ мы вообще о нихъ заключаемъ. Да и мы сами тоже.

[1880. XIII—16].

2) Любовь и женщины.—Ревнивецъ.

Любовь заключается въ добровольно дарованномъ отъ любимаго предмета правѣ надъ нимъ тиранствовать. Для женщины въ любви заключается все вос-

кресенье, все спасеніе отъ какой бы то ни было гибели и все возрожденіе, да иначе и проявиться не можетъ, **какъ въ этомъ.**

[—18[illegible]. III—[illegible]].

Быть доброй женой и особенно матерью — это **вершина назначенія женщины.**

[1877. I—324].

Вся ошибка „Женскаго вопроса" въ томъ, что дѣлятъ недѣлимое, берутъ мужчину и женщину раздѣльно, тогда какъ это единый цѣлокупный организмъ.

[I.—[illegible]].

Невозможно даже представить себѣ всего позора и нравственнаго паденія, съ которыми способенъ ужиться ревнивецъ безо всякихъ угрызеній совѣсти. И вѣдь не то, чтобъ это были все пошлыя и грязныя души. Напротивъ, съ сердцемъ высокимъ, съ любовью чистою, полною самопожертвованія, можно въ то же время прятаться подъ столы, подкупать подлѣйшихъ людей и уживаться съ самою скверною грязью шпіонства и подслушиванія. Трудно представить себѣ, съ чѣмъ можетъ ужиться и примириться и что̀ можетъ простить иной ревнивецъ! Ревнивцы-то скорѣе всѣхъ и прощаютъ, и это знаютъ всѣ женщины. Ревнивецъ чрезвычайно скоро (разумѣется, послѣ страшной сцены въ началѣ) можетъ и способенъ простить, напримѣръ, уже доказанную почти измѣну, уже видѣнные имъ самимъ объятія и поцѣлуи, если бы, напримѣръ, онъ въ то же время могъ какъ-нибудь увѣриться, что это было „въ послѣдній разъ" и что соперникъ его съ этого часа уже исчезнетъ, уѣдетъ на край земли, или что самъ онъ увезетъ ее куда-нибудь въ такое мѣсто, куда ужь больше не придетъ этотъ страшный соперникъ. Разумѣется, примиреніе

произойдетъ лишь на часъ, потому что если бы даже и въ самомъ дѣлѣ исчезъ соперникъ, то завтра же онъ изобрѣтетъ другаго, новаго, и приревнуетъ къ новому. Замѣчательно еще то, что эти самые люди съ высокими сердцами, стоя въ какой-нибудь каморкѣ, подслушивая и шпіоня, хотя и понимаютъ ясно „высокими сердцами своими" весь срамъ, въ который они сами добровольно залѣзли, но однако въ ту минуту, по крайней мѣрѣ, пока стоятъ въ этой каморкѣ, никогда не чувствуютъ угрызеній совѣсти.

[1880. XIII—65/6].

III.

Комическая точка зрѣнія.— Недосказанное слово.— Нравственныя страданія. — Смѣхъ. —Русскіе кучера.— Контрабандистъ. — Собаки.

Нѣтъ такого предмета на землѣ, на который бы нельзя было посмотрѣть съ комической точки зрѣнія.

[1861. X—7].

Недосказанное слово вредитъ и вредило всегда.

[Id. 33].

Нравственныя лишенія тяжелѣе всѣхъ мукъ физическихъ. [1858. IV—61].

Можетъ быть, я ошибаюсь, но мнѣ кажется, что по смѣху можно узнать человѣка, и если вамъ съ первой встрѣчи пріятенъ смѣхъ кого-нибудь изъ совершенно незнакомыхъ людей, то смѣло говорите, что это человѣкъ хорошій.

[Id. 35/6].

Всѣ русскіе кучера бываютъ чрезвычайно солиднаго и даже молчаливаго характера, какъ будто дѣйствительно вѣрно, что постоянное обращенье съ

лошадьми придаетъ человѣку какую-то особенную солидность и даже важность.

[1858. IV—227].

Контрабандистъ работаетъ по страсти, по призванію. Это отчасти поэтъ. Онъ рискуетъ всѣмъ, идетъ на страшную опасность, хитритъ, изобрѣтаетъ, выпутывается; иногда даже дѣйствуетъ по какому-то вдохновенію. Это страсть столь же сильная, какъ и картежная игра.

[Id. 17]

Собаки любятъ смиреніе и покорность въ себѣ подобныхъ.

[Id. 229].

IV.

1) Русскій народъ и Православіе. — Вѣра въ идеалъ. — Духовная потребность русскаго народа. — Наше простонародье. — Преклоненіе передъ народомъ. — Народъ и гражданская свобода. — Что значитъ стать настоящимъ русскимъ. — Идеалъ народа. — Характеристическія черты нашего народа. — Убійства въ простонародьи. — Ласковое слово для народа. — Небрезгливость простаго народа. — Реформа Петра Великаго. — Общеніе съ народомъ. — Славянофилы и славянофильство. — Славянская идея. — Значеніе для насъ Европы и Азіи. — Жалобы на среду. — Жизнь не въ своей средѣ. — Современное русское семейство. — Русская женщина. — Либеральная партія. — Помѣщики и рабочіе.

Русскій народъ весь въ Православіи и въ идеѣ его. Болѣе въ немъ и у него ничего нѣтъ—да и не надо, потому что Православіе все. Православіе есть Церковь, а Церковь—увѣнчаніе зданія и уже на вѣки. Кто не понимаетъ Православія—тотъ никогда и ничего не пойметъ въ народѣ. Мало того: тотъ не можетъ и любить русскаго народа, а будетъ любить его лишь такимъ, какимъ бы желалъ его видѣть. Обратно и народъ не приметъ такого человѣка какъ своего: если ты не любишь того, что́ я люблю,

не вѣруешь въ то, во что я вѣрую, и не чтишь святыни моей, то не чту и я тебя за своего.

[I. —356].

Вникните въ Православіе: это вовсе не одна только церковность и обрядность, это живое чувство, обратившееся у народа нашего въ одну изъ тѣхъ основныхъ живыхъ силъ, безъ которыхъ не живутъ націи. Въ русскомъ христіанствѣ, по настоящему, даже и мистицизма нѣтъ вовсе, въ немъ одно человѣколюбіе, одинъ Христовъ образъ, — по крайней мѣрѣ, это главное. Въ Европѣ давно уже и по праву смотрятъ на клерикализмъ и церковность съ опасеніемъ: тамъ они, особенно въ иныхъ мѣстахъ, мѣшаютъ теченію живой жизни, всякому преуспѣянію жизни и ужъ, конечно, мѣшаютъ самой религіи. Но похоже ли наше тихое, смиренное православіе на предразсудочный, мрачный, заговорный, пронырливый и жестокій клерикализмъ Европы?

[1876. XI—298].

Христіанство народа нашего есть, и должно остаться навсегда, самою главною и жизненною основою просвѣщенія его!

[1880. XII—435].

Самая коренная духовная потребность русскаго народа есть потребность страданія, всегдашняго и неутолимаго, вездѣ и во всемъ. Этою жаждою страданія онъ, кажется, зараженъ искони вѣковъ. Страдальческая струя проходитъ черезъ всю его исторію, не отъ внѣшнихъ только несчастій и бѣдствій, а бьетъ ключемъ изъ самаго сердца народнаго. У русскаго народа даже въ счастьи непремѣнно есть часть страданія, иначе счастье его для него не полно.

[1873. X—39].

У насъ прежде всего вѣра въ идею, въ идеалъ, а личныя, земныя блага — лишь потомъ. Въ этомъ смыслѣ наше общество сходно съ народомъ, тоже цѣнящимъ свою вѣру и свой идеалъ выше всего мірского и текущаго, и въ этомъ даже его главный пунктъ соединенія съ народомъ. Идеализмъ-то этотъ пріятенъ и тамъ и тутъ: утрать его—вѣдь никакими деньгами потомъ не купишь.

[1876. XI—47].

Въ русскомъ человѣкѣ изъ простонародья нужно умѣть отвлекать красоту его отъ наноснаго варварства. Обстоятельствами всей почти русской исторіи народъ нашъ до того былъ преданъ разврату и до того былъ развращаемъ, соблазняемъ и постоянно мучимъ, что еще удивительно, какъ онъ дожилъ, сохранивъ человѣческій образъ, а не то, что сохранивъ красоту его. Судите нашъ народъ не потому, что онъ есть, а по тому, чѣмъ желалъ бы стать. А идеалы его сильны и святы и они-то и спасли его въ вѣка мученій; они срослись съ душой его искони и наградили его на вѣки простодушіемъ и честностью, искренностію и широкимъ всеоткрытымъ умомъ, и все это въ самомъ привлекательномъ гармоническомъ соединеніи.

[1876. XI—49/50].

Мы должны преклониться передъ народомъ и ждать отъ него всего, и мысли, и образа; преклониться предъ правдой народной и признать ее за правду, даже и въ томъ ужасномъ случаѣ, если она вышла бы отчасти и изъ Четьи-Минеи. Но, съ другой стороны, преклониться мы должны подъ однимъ лишь условіемъ и это sine qua non: чтобъ народъ и отъ насъ принялъ многое изъ того, что мы принесли

съ собой. Не можемъ же мы совсѣмъ передъ нимъ уничтожиться и даже передъ какой бы то ни было его правдой; наше пусть остается при насъ и мы не отдадимъ его ни за что на свѣтѣ, даже, въ крайнемъ случаѣ, и за счастье соединенія съ народомъ.

[Id. 51].

Силы, разъединяющія насъ съ народомъ, чрезвычайно велики, и народъ остался одинъ въ великомъ единеніи своемъ, и кромѣ Царя своего, въ котораго вѣруетъ нерушимо, — ни въ комъ и нигдѣ опоры теперь уже не чаетъ и не видитъ.

[1881. XII—482].

У насъ гражданская свобода можетъ водвориться самая полная, полнѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ мірѣ, въ Европѣ или даже въ Сѣверной Америкѣ. Не письменнымъ листомъ утвердится, а созиждется лишь на дѣтской любви народа къ Царю, какъ къ отцу, ибо дѣтямъ можно многое такое позволить, что и не мыслимо у другихъ, у договорныхъ народовъ; дѣтямъ можно столь многое довѣрить и столь многое разрѣшить, какъ нигдѣ еще не бывало видно, ибо не измѣнятъ дѣти отцу своему и, какъ дѣти, съ любовію примутъ отъ Него всякую поправку всякой ошибки и всякаго заблужденія ихъ.

[1881. XII—485/6].

Стать настоящимъ русскимъ будетъ значить: стремиться внести примиреніе въ европейскія противорѣчія уже окончательно, указать исходъ европейской тоскѣ въ своей русской душѣ, всечеловѣчной и всесоединяющей, вмѣстить въ нее съ братскою любовію всѣхъ нашихъ братьевъ, а въ концѣ концовъ, можетъ быть, и изрѣчь окончательное слово великой, общей гармоніи, братскаго окончательнаго

согласія всѣхъ племенъ по Христову евангельскому закону!

[1880. XII—431].

Народъ грѣшитъ и пакостится ежедневно, но въ лучшія минуты, во Христовы минуты, онъ никогда въ правдѣ не ошибется. То именно и важно, во что народъ вѣритъ какъ въ свою правду, въ чемъ ее полагаетъ, какъ ее представляетъ себѣ, что ставитъ своимъ лучшимъ желаніемъ, что возлюбилъ, чего проситъ у Бога, о чемъ молитвенно плачетъ. А идеалъ народа — Христосъ. А съ Христомъ, конечно, и просвѣщеніе. и въ высшія, роковыя минуты свои народъ нашъ всегда рѣшаетъ и рѣшалъ всякое общее, всенародное дѣло свое всегда по христіански.

[Id. 436/7].

Высшая и самая рѣзкая характеристическая черта нашего народа, — это чувство справедливости и жажда ея. Пѣтушиной же замашки быть впереди во всѣхъ мѣстахъ и во что бы то ни стало, стоитъ ли, нѣтъ ли того человѣкъ, — этого въ народѣ нѣтъ. Стоитъ только снять наружную, наносную кору и посмотрѣть на самое зерно повнимательнѣе, поближе, безъ предразсудковъ — и иной увидитъ въ народѣ такія вещи, о которыхъ и не предугадывалъ. Не многому могутъ научить народъ мудрецы наши. Даже утвердительно скажу, — напротивъ: сами они еще должны у него поучиться.

[1858. IV—143].

Русскій духъ шире сословной вражды, сословныхъ интересовъ и цензовъ.

[1861. X—13].

Въ русскомъ характерѣ замѣчается рѣзкое отличіе отъ европейскаго, рѣзкая особенность; въ немъ по преимуществу выступаетъ способность вы-

соко-синтетическая способность всепримиримости, всечеловѣчности. Въ русскомъ человѣкѣ нѣтъ европейской угловатости, непроницаемости, неподатливости. Онъ со всѣми уживается и во все вживается. Онъ сочувствуетъ всему человѣчеству внѣ различія національности, крови и почвы.

[Id. 18].

Особенность русской народности: безсознательная и чрезвычайная стойкость народа въ своей идеѣ, сильный и чуткій отпоръ всему, что ей противорѣчитъ, и вѣковѣчная, благодатная, ничѣмъ не смущаемая вѣра въ справедливость и въ правду.

[Id. 89].

У насъ въ простонародьи иныя убійства происходятъ отъ самыхъ удивительныхъ причинъ. Существуетъ, напримѣръ, и даже очень часто, такой типъ убійцы: живетъ этотъ человѣкъ тихо и смирно. Доля горькая, — терпитъ. Положимъ, онъ мужикъ, дворовый человѣкъ, мѣщанинъ, солдатъ. Вдругъ что нибудь у него сорвалось: онъ не выдержалъ и пырнулъ ножемъ своего врага и притѣснителя. Тутъ-то и начинается странность: на время человѣкъ вдругъ выскакиваетъ изъ мѣрки. Перваго онъ зарѣзалъ притѣснителя, врага; это хоть и преступно, но понятно; тутъ поводъ былъ; но потомъ ужъ онъ рѣжетъ и не враговъ, рѣжетъ перваго встрѣчнаго и поперечнаго, рѣжетъ для потѣхи, за грубое слово, за взглядъ, для четки, или просто: „прочь съ дороги, не попадайся, я иду“!...

И случается это все даже съ самыми смирными и непримѣтными дотолѣ людьми. Иные изъ нихъ въ этомъ чаду даже рисуются собой. Чѣмъ забитѣе былъ онъ прежде, тѣмъ сильнѣе подмываетъ его

теперь пощеголять, задать страху. Онъ наслаждается этимъ страхомъ, любитъ самое отвращеніе, которое возбуждаетъ въ другихъ. Онъ напускаетъ на себя какую-то отчаянность, и такой „отчаянный“ иногда самъ ужь поскорѣе ждетъ наказанія, ждетъ, чтобъ порѣшили его, потому что самому становится, наконецъ, тяжело носить на себѣ эту напускную отчаянность. Любопытно, что большею частью все это настроеніе, весь этотъ напускъ, продолжается ровно вплоть до эшафота, а потомъ какъ отрѣзало: точно и въ самомъ дѣлѣ этотъ срокъ какой-то форменный, какъ-будто назначенный заранѣе опредѣленными для того правилами. Тутъ человѣкъ вдругъ смиряется, стушевывается, въ тряпку какую-то обращается. На эшафотѣ нюнитъ — проситъ у народа прощенія. Приходитъ въ острогъ, и смотришь: такой слюнявый, такой сопливый, забитый даже, такъ что даже удивляешься на него: „да неужели это тотъ самый, который зарѣзалъ пять-шесть человѣкъ?“ Конечно, иные и въ острогѣ не скоро смиряются. Все еще сохраняется какой-то форсъ, какая-то хвастливость: вотъ, дескать, я вѣдь не то, что̀ вы думаете: „Я по шести душамъ“. Но кончаетъ тѣмъ, что все-таки смиряется.

[1858. IV.—101|2].

Нашъ народъ, какъ, можетъ быть, и весь народъ русскій, готовъ забыть цѣлыя муки за одно ласковое слово.

[Id. 181].

Нашъ простой народъ небрезгливъ и негадливъ даже до странности.

[Id. 163].

Реформа Петра Великаго разъединила насъ съ народомъ. Съ самаго начала народъ отъ нея отка-

зался. Формы жизни, оставленныя ему преобразованіемъ, не согласовались ни съ его духомъ, ни съ его стремленіями, были ему не по мѣркѣ, не въ пору.

[1860. I.—178].

Чтобы пойти къ народу и остаться съ нимъ, надо прежде всего разучиться презирать его, а это почти невозможно нашему верхнему слою общества въ отношеніяхъ его съ народомъ. Во-вторыхъ, надо, напримѣръ, увѣровать и въ Бога, а это ужъ окончательно для нашего европеизма невозможно (хотя въ Европѣ и вѣрятъ въ Бога).

[1878. I—336]

Первый признакъ неразрывнаго общенія съ народомъ есть уваженіе и любовь къ тому, что народъ всею цѣлостію своей любитъ и уважаетъ болѣе и выше всего, что есть въ мірѣ, т. е. своего Бога и свою вѣру.

[II. 351]

Славянофилы имѣютъ рѣдкую способность ничего не понимать въ современной дѣйствительности. Одно худое видѣть — хуже, чѣмъ ничего не видѣть. А если и останавливаетъ ихъ когда что хорошее, то если чуть-чуть это хорошее непохоже на разъ отлитую когда-то въ Москвѣ формочку ихъ идеаловъ, то оно безвозвратно отвергается и еще ожесточеннѣе преслѣдуется, именно за то, что оно смѣло быть хорошимъ не такъ, какъ разъ навсегда въ Москвѣ приказано.

Славянофильство до сихъ поръ еще стоитъ на смутномъ и неопредѣленномъ идеалѣ своемъ, состоящемъ, въ сущности, изъ нѣкоторыхъ удачныхъ изученій стариннаго нашего быта, изъ страстной, но нѣсколько книжной и отвлеченной любви къ отечеству,

изъ святой вѣры въ народъ и въ его правду, а вмѣстѣ съ тѣмъ (зачѣмъ утаивать? отчего не высказать?)—изъ панорамы Москвы съ Воробьевыхъ горъ, изъ мечтательнаго представленія московскихъ бар҆ъ половины семнадцатаго столѣтія, изъ осады Казани и Лавры и изъ прочихъ панорамъ, представленныхъ во французскомъ вкусѣ Карамзинымъ, изъ впечатлѣнія его же Мароы Посадницы, прочитанной когда-то въ дѣтствѣ, и наконецъ, изъ мечтательной картины полнаго будущаго торжества надъ нѣмцами, нѣсколько даже физическаго.

[1861. X—133/5].

Славянофилы вѣрятъ въ народъ, потому что допускаютъ въ немъ свои собственныя, ему свойственныя начала, а западники соглашаются вѣрить въ народъ единственно подъ тѣмъ условіемъ, чтобы у него не было никакихъ своихъ собственныхъ началъ.

[1876. XI—46].

Славянская идея въ высшемъ смыслѣ ея —есть жертва, потребность жертвы даже собою за братьевъ, и чувство добровольнаго долга сильнѣйшему изъ славянскихъ племенъ заступиться за слабаго, съ тѣмъ, чтобъ, уровнявъ его съ собою въ свободѣ и политической независимости, тѣмъ самымъ основать впредь великое всеславянское единеніе во имя Христовой истины, т. е. на пользу, любовь и службу всему человѣчеству, на защиту всѣхъ слабыхъ и угнетенныхъ въ мірѣ.

[Id. 269].

Намъ отъ Европы никакъ нельзя отказаться. Европа намъ второе отечество,—я первый страстно исповѣдую это и всегда исповѣдывалъ.

[1877. XII—25].

Съ стремленіемъ въ Азію у насъ возродится подъемъ духа и силъ. Чуть лишь станемъ самостоятельнѣе, тотчасъ найдемъ что намъ дѣлать, а съ Европой, въ два вѣка, мы отвыкли отъ всякаго дѣла и стали говорунами и лѣнтяями. Въ Европѣ мы были приживальщики и рабы, а въ Азію явимся господами. Въ Европѣ мы были Татарами, а въ Азіи и мы европейцы. Миссія, миссія наша цивилизаторская въ Азіи подкупитъ нашъ духъ и увлечетъ насъ туда, только бы началось движеніе.

Она возвыситъ нашъ духъ, она придастъ намъ достоинства и самосознанія, - а этого сплошь у насъ теперь нѣтъ, или очень мало. Стремленіе въ Азію, если бъ только оно зародилось межъ нами, послужило бы сверхъ того исходомъ многочисленнымъ безпокойнымъ умамъ, всѣмъ стосковавшимся, всѣмъ облѣнившимся, всѣмъ безъ дѣла уставшимъ.

[1881. XII—501|2].

Пора бы намъ перестать апатически жаловаться на среду, что она насъ заѣла. Это, положимъ, правда, что она многое въ насъ заѣдаетъ, да не все же, и часто иной хитрый и понимающій дѣло плутъ преловко прикрываетъ и оправдываетъ вліяніемъ этой среды не одну свою слабость, а нерѣдко и просто подлость, особенно если умѣетъ красно говорить или писать.

[1858. IV—172].

Ничего нѣтъ ужаснѣе какъ жить не въ своей средѣ. Мужикъ, переселенный изъ Таганрога въ Петропавловскій портъ, тотчасъ же найдетъ тамъ такого же точно русскаго мужика, тотчасъ же сговорится и сладится съ нимъ, а черезъ два часа они пожалуй заживутъ самымъ мирнымъ образомъ въ од-

ной избѣ или въ одномъ шалашѣ. Не то для благородныхъ. Они раздѣлены съ простонародьемъ глубочайшею бездной и это замѣчается вполнѣ только тогда, когда благородный вдругъ, самъ, силою внѣшнихъ обстоятельствъ, дѣйствительно, на дѣлѣ лишится прежнихъ правъ своихъ и обратится въ простонародье. Не то хоть всю жизнь свою знайтесь съ народомъ, хоть сорокъ лѣтъ сряду каждый день сходитесь съ нимъ, по службѣ, напримѣръ, въ условно-административныхъ формахъ, или даже такъ, просто по дружески, въ видѣ благодѣтеля и въ нѣкоторомъ смыслѣ отца, — никогда самой сущности не узнаете. Все будетъ только оптическій обманъ и ничего больше.

[Id. 239|40].

Случайность современнаго русскаго семейства состоитъ въ утратѣ современными отцами всякой общей идеи, въ отношеніи къ своимъ семействамъ, общей для всѣхъ отцовъ, связующей ихъ самихъ между собою, въ которую бы они сами вѣрили и научили бы такъ вѣрить дѣтей своихъ, передали бы имъ эту вѣру въ жизнь.

[1877. XII—206].

Въ ней [русской женщинѣ] заключена одна наша огромная надежда, одинъ изъ залоговъ нашего обновленія. Она твердо объявила свое желаніе участвовать въ общемъ дѣлѣ и приступила къ нему не только безкорыстно, но и самоотверженно. Русскій человѣкъ, въ эти послѣднія десятилѣтія, страшно поддался разврату стяжанія, цинизма, матеріализма; женщина же осталась гораздо болѣе его вѣрна чистому поклоненію идеѣ, служенію идеѣ. Въ жаждѣ высшаго образованія она проявила серьезность, терпѣніе и представила примѣръ величайшаго мужества. Вижу, впрочемъ, и нѣкоторые недостатки современ-

ной женщины, и главный изъ нихъ — чрезвычайную зависимость ея отъ нѣкоторыхъ собственно мужскихъ идей, способность принимать ихъ на слово и вѣрить въ нихъ безъ контроля. Говорю далеко не обо всѣхъ женщинахъ; но недостатокъ этотъ свидѣтельствуетъ и о прекрасныхъ чертахъ сердца: цѣнятъ онѣ болѣе всего свѣжее чувство, живое слово, но главное, и выше всего, искренность, а повѣривъ искренности, иногда даже фальшивой, увлекаются и мнѣніями, и вотъ это иногда слишкомъ. [1876. XI—185].

Вся наша либеральная партія прошла мимо дѣла, не участвуя въ немъ и не дотрогиваясь до него. Она только отрицала и хихикала.

[I.—356].

Главная причина почему помѣщики не могутъ сойтись съ народомъ и достать рабочихъ — это потому, что они не русскіе, а оторванные отъ почвы европейцы. [I—360].

2) Жидъ и банкъ. — Французъ.

Жидъ и банкъ господинъ теперь всему: и Европѣ, и просвѣщенію, и цивилизаціи, и соціализму, — соціализму особенно, ибо имъ онъ съ корнемъ вырветъ христіанство и разрушитъ ея цивилизацію. И когда останется лишь одно безначаліе, тутъ жидъ и станетъ во главѣ всего. [I—356].

Французъ любитъ ужасно забѣжать впередъ какъ-нибудь на глаза къ власти и слакейничать передъ ней что-нибудь даже совершенно безкорыстно, даже и не ожидая сейчашней награды, въ долгъ, на книжку.

[illegible]

· — ◆ — ·

Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ.
(1826—1889).

...

I.

Служеніе общему дѣлу. — Общество, примирившееся съ идеалами умѣренности и аккуратности. — Утопіи. — Способъ провѣрить степень развитія общества. — Минуты затишья въ исторіи человѣческой общественности. — Высокія мысли и чувства. — Общество и высшія вожделѣнія. — Мелочи. — Общественные вопросы.

Много есть путей служить общему дѣлу, но смѣю думать, что обнаруженіе зла, лжи и порока также не безполезно, тѣмъ болѣе, что предполагаетъ полное сочувствіе къ добру и истинѣ.

[1856—1857. I—6].

Общество, изгнавшее изъ своей среды склонность къ занятію высшими умственными интересами, — общество, съ презрѣніемъ и насмѣшкою относящееся къ такъ-называемымъ широкимъ вопросамъ жизни, — общество, подчинившееся молчанію и испугу, не имѣетъ права считать себя обладающимъ благами общественности. Это общество одичалое, живущее наудачу и даже не могущее уяснить себѣ послѣдствія, къ которымъ неминуемо должна привести его одичалость.

Первое послѣдствіе умственной одичалости — это скука. Чтò такое скука? — Это отсутствіе высшихъ умственныхъ интересовъ, это — запертая дверь въ тотъ безграничный міръ умственной спекуляціи, въ которомъ каждый новый шагъ даетъ новое открытіе

или новую комбинацію, въ которомъ даже простое припоминаніе фактовъ, уже добытыхъ и извѣстныхъ, представляетъ наслажденіе, благодаря разнообразію этихъ фактовъ и ихъ способности соединяться въ группы и давать поводъ для безконечнаго множества выводовъ. Внѣ этого міра нѣтъ прочнаго и продолжительнаго наслажденія, такъ что, какія бы ни придумывались ухищренія къ усложненію низшихъ видовъ наслажденія, съ цѣлью замѣнить ими наслажденія высшей категоріи, въ результатѣ ничего не получится кромѣ временнаго возбужденія, которое не замедлитъ уступить мѣсто пресыщенію и скукѣ.

Второе послѣдствіе умственной одичалости — общественное безсиліе. Страна, которая всецѣло посвятила себя обоготворенію „тишины", которая отказалась отъ заблужденій и все вниманіе устремила на правильность разсчетовъ по ежедневнымъ затратамъ, можетъ считать свою роль оконченною. Это — страна мудрыхъ. Ей некуда идти, ибо передъ нею возвышается глухая стѣна, на которой начертано: „не твое дѣло". Ей предстоитъ только выполненіе тѣхъ требованій обыденности, которыя равно обязательны и для человѣка, и для всякаго другого организма. Поэтому, когда ей приходится расплачиваться за свою самоувѣренную мудрость, то расплата всегда застаетъ ее въ расплохъ. Всѣ обыватели мудры, но никто ни къ чему не приготовленъ, никто ничего не знаетъ, ничѣмъ не интересуется, ничего не любитъ. Повидимому, человѣкъ всю свою жизнь и все вниманіе исключительно устремлялъ на подробности, отдавался имъ до самозабвенія; а на повѣрку выходитъ, что онъ только заблудился въ нихъ, яснаго же представленія даже о мелочахъ не полу-

чилъ. Подробности перепутались, а общей руководящей мысли, которая помогла бы опознаться въ вавилонскомъ столпотвореніи, нѣтъ и въ поминѣ. Въ результатѣ — пустое мѣсто.

Третье послѣдствіе — неурядица не только внутренняя, но и внѣшняя. Тѣ глубоко заблуждаются, которые отождествляютъ тишину съ порядкомъ и видятъ въ первой объясненіе послѣдняго. Та тишина, которую проповѣдуетъ самодовольная ограниченность, есть тишина насильственная, чаще всего прикрывающая раздоры самаго вреднаго свойства. Ограниченные люди точно также способны раскалываться и препираться другъ съ другомъ, какъ и люди развитые, съ тою лишь разницею, что препирательства азбучныхъ мудрецовъ не идутъ дальше вопросовъ о выѣденномъ яйцѣ. Но низменность содержанія не только смягчаетъ раздраженіе, но даже усиливаетъ его назойливость. Нигдѣ не встрѣчается такого ожесточенія, столько зависти, интригъ, какъ въ средѣ ограниченныхъ людей,—для которыхъ все сводится къ личнымъ цѣлямъ, для которыхъ до такой степени не существуетъ внешнихъ интересовъ, что имъ нечему жертвовать, хотя бы они имѣли случайную наклонность къ пожертвованіямъ. Поэтому въ обществѣ, живущемъ подъ игомъ тишины для тишины, даже подробности жизни всегда разрѣшаются согласно съ такими случайными настроеніями, которыхъ ни предвидѣть, ни предугадать нельзя; а это, въ свою очередь, кладетъ на всю жизненную обстановку печать необезпеченности и неувѣренности.

Наконецъ, четвертое послѣдствіе — распущенность нравовъ, этотъ достойный плодъ скуки и необходимости уразнообразить жизнь, лишенную дѣйствитель-

ныхъ элементовъ разнообразія. Зрѣлища, возбуждающія чувственность; литература, проповѣдующая низменность и пошлость; искусство, чуждающееся мысли и преслѣдующее ее презрѣніемъ и насмѣшкою — вотъ пища, которою удовлетворяется общество, примирившееся съ идеалами аккуратности и умѣренности.

[1860—1862, II—319/21]

Какъ ни возставайте противъ такъ называемыхъ утопій, безъ нихъ истинно плодотворная умственная жизнь, все-таки, невозможна. Разумъ человѣческій неудовлетворяется безвозвратно, но испытуетъ все дальше и дальше. Въ этомъ вся тайна успѣха человѣческихъ обществъ, и ежели правда, что утопія не имѣетъ права заявлять претензію на немедленное практическое осуществленіе, то несомнѣнно и то, что плодотворное ея дѣйствіе на иниціаторскія силы человѣческаго разума, все-таки, остается внѣ всякаго спора.

[1868—70. II—351].

Ежели существуетъ способъ провѣрить степень развитія общества, или, по крайней мѣрѣ, его способность къ развитію, то, конечно, этотъ способъ заключается въ уясненіи тѣхъ идеаловъ, которыми общество руководится въ данный историческій моментъ. Чему симпатизируетъ общество? чего оно желаетъ? къ чему стремится его мысль? — вотъ вопросы, которыхъ разрѣшеніе съ перваго же раза становится обязательнымъ для историка и изслѣдователя общественной жизни, такъ какъ только на немъ, на этомъ разрѣшеніи, могутъ быть основаны всѣ дальнѣйшіе приговоры и оцѣнки.

[1876. II—488].

Бываютъ такія минуты затишья въ исторіи человѣческой общественности, когда человѣку ничего другаго не остается желать, кромѣ тишины и безвѣстности. Это минуты, когда дѣятельная, здоровая жизнь словно засыпаетъ, а на ея мѣсто вступаетъ въ права жизнь призраковъ, миражей и трепетовъ; когда общество не только не заявляетъ ни о какихъ потребностяхъ или интересахъ, но даже, повидимому, утрачиваетъ самую способность чѣмъ либо интересоваться и что либо желать; когда всякій думаетъ только о себѣ, а въ сосѣдѣ своемъ видитъ ненавистника; когда подозрительность становится общимъ закономъ, управляющимъ человѣческими дѣйствіями; когда лучшіе умы обуреваются однимъ страстнымъ желаніемъ: бѣжать, скрыться, исчезнуть.

Въ такія минуты слишкомъ выдающаяся извѣстность можетъ очень серьезно компрометировать. Однихъ—въ глазахъ современниковъ, другихъ—въ глазахъ потомства. Первое даетъ себя чувствовать непосредственно и отравляетъ жизнь неосторожно прославившагося человѣка въ настоящемъ; второе хотя и не сказывается осязательно въ настоящемъ, но нужно быть или совсѣмъ безумнымъ, или совсѣмъ безсовѣстнымъ, что бы не понимать, что попасть въ исторію съ нехорошимъ прозвищемъ—все-таки вещь далеко не лестная.

[1874—1877. III—355].

Благородныя мысли, благородныя чувства (ихъ называютъ также „возвышенными") нерѣдко представляются незрѣлыми и даже смѣшными; но это происходитъ оттого, что по временамъ они облекаются въ нелѣпую и напыщенную форму, которая до извѣстной степени заслоняетъ ихъ сущность. Въ

большинствѣ случаевъ къ напыщенности прибѣгаютъ люди совсѣмъ непричастные высокимъ мыслямъ и чувствамъ, а именно: шпіоны, кровосмѣсители, казнокрады и другіе злокачественные вереда общественнаго организма. Не имѣя ничего за душой, кромѣ праха, они вынуждаются маскировать этотъ прахъ громкими фразами. Казнокрадъ закатываетъ глаза, говоря о святости собственности; кровосмѣситель старается пламенѣть, утверждая, что семейство — святыня; шпіонъ рыдаетъ, заявляя о своемъ сочувствіи къ „заблуждающимся, но искренно любящимъ свое отечество молодымъ людямъ", и т. д. И въ то же время, и тѣ, и другіе, и третьи отыскиваютъ отборнѣйшія выраженія и стараются округлять періоды. Но истинно-возвышенное чувство никакихъ этихъ округленій не знаетъ и выражается просто, трезво, безъ вычуръ. Вотъ это то именно и надобно различать. То есть, надо разъ на всегда сказать себѣ, что ежели возвышенное чувство кажется намъ смѣшнымъ, то это совсѣмъ не значитъ, что оно въ самомъ дѣлѣ смѣшно, а значитъ только, что въ него лицемѣрно вырядился какой нибудь негодяй, которому необходимо замести свои слѣды. Говорятъ, будто бы черезчуръ повышенный діапазонъ мыслей и чувствъ приводитъ къ расплывчивости, которая дѣлаетъ ихъ мало примѣнимыми къ дѣйствительности. Между тѣмъ дѣйствительность-то, дескать, именно и нуждается въ просвѣтлѣніи и освѣженіи, такъ что безъ этой цѣли чувства и мысли самыя благородныя представляютъ только доброкачественную, но безплодную игру. Коли хотите, въ этомъ укорѣ есть капля правды, и капля довольно ядовитаго свойства. Дѣйствительно, вліяніе высокихъ мыслей и чувствъ на жизнь прак-

тическую, обыденную до сихъ поръ представляется не особенно рѣшительнымъ. Но отчего же это происходитъ? А оттого, что дѣйствительность черезчуръ ужъ ревниво оберегается отъ наплыва какихъ бы то ни было просвѣтленій и освѣженій; оттого, что просвѣтленія признаются вредными и вносящими въ жизнь извѣстныя осложненія, которыя полагаютъ препятствія къ слишкомъ безцеремонному обращенію съ ней (а это-то послѣднее и составляетъ цѣль всѣхъ вожделѣній). Или, говоря другими словами, оттого, что между мыслію и дѣйствительностью воздвигается искусственная перегородка, которая дѣлаетъ послѣднюю непроницаемою для первой. Это исторія очень старая и непрерывно повторяющаяся; но именно эта древность и непрерываемость и доказываютъ, что игра, на которую осуждается возвышенная мысль, совсѣмъ не такъ безплодна, какъ это кажется съ перваго взгляда. Никогда ликованіе и торжество не дѣлали столько страстныхъ прозелитовъ, сколько дѣлали ихъ угнетенія и преслѣдованія. Не говоря уже о томъ, что возвышенная мысль сама по себѣ обладаетъ изумительною живучестью, преслѣдованіе сообщаетъ ей новую и своеобразную силу: силу поученія. Все, что мы видимъ въ мірѣ добраго, свѣтлаго и прочнаго, весь прогрессъ человѣческаго общежитія — все идетъ оттуда, изъ этой расплывающейся, но упорно остающейся вѣрною себѣ мысли; все оплодотворяется ея самоотверженною живучестью. Исторія человѣчества гласитъ объ этомъ во всеуслышаніе и удостовѣряетъ нагляднымъ образомъ, что не практики, въ родѣ Шешковскаго, Аракчеева и Магницкаго, устрояютъ будущее, а люди иныхъ идеаловъ, люди „расплывающихся“ мыслей

и чувствъ. И Шешковскій, и Аракчеевъ, и Магницкій (да и одни ли они? мало ли было такихъ „практиковъ“ прежде и послѣ?) достаточно-таки поревновали на пользу кандаловъ, но, не смотря на благопріятныя условія, не смотря даже на запечатлѣнный кровью успѣхъ, и они, и ихъ намѣренія, и ихъ дѣла мгновенно истлѣли, такъ что даже продолжатели ихъ не только не рѣшаются ссылаться на нихъ, но, напротивъ, притворяются, будто имена эти столь же имъ ненавистны, какъ и исторіи. Вообще жизнь, обнаженная отъ благородныхъ мыслей и побужденій, постыла и невозможна, такъ какъ эта обнаженность уничтожаетъ самый существенный ея признакъ: способность развиваться и совершенствоваться.

[1881—1882. VI—343/7].

Во истину обольщаютъ себя тѣ, которые думаютъ, что такъ-называемое общество когда-нибудь волновалось высшими вожделѣніями. Въ сущности, волновались только немногіе, и ужъ, конечно, никто не скажетъ, чтобъ существованіе этихъ немногихъ сколько-нибудь напоминало о благополучіи. Почвенный же и русловой людъ всегда и неизмѣнно имѣлъ въ виду только служительское благополучіе. И онъ былъ по своему правъ, ибо какая надобность изнывать надъ отыскиваніемъ новыхъ жизненныхъ идеаловъ, рискуя при этомъ прогнѣвить начальство и насмѣшить массу однокорытниковъ, тогда какъ существуютъ идеалы вполнѣ формулированные, ни отъ кого не возбраненные и для всѣхъ однокорытниковъ равно любезные?

[1884—1886. VIII—172].

Человѣчество безсрочно будетъ томиться подъ игомъ мелочей, ежели заблаговременно не получится

полной свободы въ обсужденіи идеаловъ будущаго. Только одно это средство и можетъ дать ощутительные результаты. [1886—1887. VIII—336].

Самая наглядная очевидность требуетъ, чтобъ общественные вопросы всегда стояли на очереди и постоянно подвергались разработкѣ. Нѣтъ нужды, что разработка эта не обойдется безъ ошибокъ и заблужденій, —при открытомъ обсужденіи не только ошибки, но и самыя нелѣпости легко устраняются при помощи полемики. Во всякомъ случаѣ, такое обсужденіе представляетъ гораздо менѣе риска, нежели тайныя общества и подземная работа нарастающихъ общественныхъ элементовъ, которые, при отсутствіи свѣта и воздуха, невольнымъ образомъ обостряются и пріобрѣтаютъ угрожающій характеръ. [1886—1887. VIII—337].

Литература. — Писатель и публика. Читатель—ненавистникъ, солидный читатель, читатель-простецъ и читатель-другъ.

Литература украшаетъ. Она украшаетъ, потому что служитъ воплощеніемъ всѣхъ духовныхъ силъ страны, и ежели ея нѣтъ, то это значитъ, что духовныя силы находятся въ отсутствіи или лежатъ глубоко подъ спудомъ. Общество, не имѣющее литературы, не сознаетъ себя обществомъ, а только безпорядочнымъ сбродомъ индивидуумовъ; страна, лишенная литературы, стоитъ внѣ общей міровой связи и привлекаетъ людей лишь въ качествѣ диковины: объ государствѣ и говорить нечего: оно немыслимо безъ литературы уже по тому одному, что самымъ происхожденіемъ своимъ обязано литературѣ. Литература имѣетъ право допускать заблужденія, потому

что она же сама и поправляетъ ихъ. Но кромѣ того она и потому не можетъ относиться къ заблужденіямъ съ желаемою щепетильностію, что они, такъ сказать, составляютъ подготовительный процессъ той работы, въ результатѣ которой оказывается истина. Истина не кладъ, случайно находимый въ полѣ, и не болидъ, падающій съ неба совсѣмъ готовымъ; она дается ищущему цѣною величайшихъ жертвъ и усилій, цѣною заблужденій. Кто не искалъ истины, тотъ, конечно, не заблуждался. Исторія всѣхъ величайшихъ открытій и изобрѣтеній засвидѣтельствуетъ это. [1879. VII—280/2].

Для писателя нѣтъ большей награды, какъ имѣть публику, которая на столько ему вѣритъ, что даже отъ времени до времени удостоиваетъ его непосредственнымъ съ собою общеніемъ. Увѣренность, что есть существо, которое откликается на вашу мысль и волнуется вашими волненіями, которое въ вашей работѣ видитъ не балагурство, а убѣжденность, которое понимаетъ, что служеніе литературѣ есть путь трудный и до извѣстной степени даже сопряженный съ калѣчествомъ — это увѣренность, говорю я, не только пріятная, но почти равняющаяся наслажденію. [1879. VII—338].

Для всякаго убѣжденнаго и желающаго убѣждать писателя (а именно только такого я имѣю въ виду) вопросъ о томъ, есть ли у него читатель, гдѣ онъ и какъ къ нему относится, есть вопросъ далеко не праздный. Убѣжденность писателя питается исключительно увѣренностью въ воспріимчивости читателя. Даже несомнѣннѣйшіе литературные шуты — и тѣ чувствуютъ себя неловко, утрачиваютъ бой-

кость пера, ежели видятъ, что читатель не помираетъ со смѣху въ виду ихъ кривляній. Ежели въ странѣ уже образовалась воспріимчивая читательская среда, способная не только прислушиваться къ трепетаніямъ человѣческой мысли, но и свободно выражать свою воспріимчивость — писатель чувствуетъ себя бодрымъ и сильнымъ. Но онъ глубоко несчастливъ тамъ, гдѣ масса читателей представляетъ собой бродячее человѣческое стадо, мятущееся подъ игомъ давленій внѣшняго свойства. Когда окрестъ царитъ глубокая ночь, — тогда не можетъ быть мѣста для торжества живаго слова. Сердца горятъ, но огонь ихъ не проницаетъ сквозь густоту мрака; сердца бьются, но біеніе ихъ не слышно сквозь толщу желѣзъ. До тѣхъ поръ, пока не установилось прямаго общенія между читателемъ и писателемъ, послѣдній не можетъ считать себя исполнившимъ свое призваніе. Я не претендую здѣсь подробно и вполнѣ опредѣлительно разобраться въ читательской средѣ, но постараюсь характеризовать хоть нѣкоторыя ея категоріи. Начну съ читателя-ненавистника. Это читатель самый ревностный и неизмѣнный. Онъ не просто читаетъ, но и вникаетъ; не только вникаетъ, но и истолковываетъ каждое слово, пестритъ поля страницъ вопросительными знаками и замѣтками, въ которыхъ заранѣе произноситъ надъ писателемъ судъ, сообщаетъ о вынесенныхъ изъ чтенія впечатлѣніяхъ друзьямъ, женѣ, дѣтямъ, брызжетъ, по поводу ихъ, слюною въ департаментахъ и канцеляріяхъ, наполняетъ воплями кабинеты и салоны, убѣждаетъ, грозитъ, доказываетъ существованіе вулкана, витійствуетъ на тему о потрясеніи основъ и т. д.

Солидный читатель слѣдуетъ непосредственно за читателемъ-ненавистникомъ. Они связаны узами общежитія, хлѣбосольства и называютъ другъ друга кумовьями. Въ нравственномъ смыслѣ онъ безразличенъ, но въ практическомъ отношеніи онъ почти столь же вреденъ, какъ и послѣдній (читатель-ненавистникъ). Это оплотъ, на который по преимуществу опирается ненавистничество; это всегда готовое и послушное воинство, прислушивающееся къ малѣйшимъ общественнымъ шорохамъ и способное выдѣлить изъ себя перебѣжчика. Къ чтенію солидный читатель не особенно пристрастенъ и читаетъ не столько вслѣдствіе внутренней потребности, сколько вслѣдствіе утвердившейся привычки.

Читатель-простецъ составляетъ ядро читательской массы; это — главный ея контингентъ. Онъ въ безчисленномъ количествѣ кишитъ на улицахъ, въ театрахъ, кофейняхъ и прочихъ публичныхъ мѣстахъ, изображая собою ту публику, къ услугамъ которой направлена вся производительность страны, и въ то же время ради которой существуютъ на свѣтѣ городовые и жандармы.

Онъ — подписчикъ и усердный чтецъ; слѣдовательно его необходимо уловить, а это дѣло нелегкое, потому что простецъ относится къ читаемому равнодушно и читаетъ все, что попадетъ подъ руку, наблюдая лишь за тѣмъ, какъ бы не попасть въ отвѣтъ. Газетчикъ знаетъ это и мотаетъ себѣ на усъ: „надобно устроить такъ, чтобы простецъ читалъ именно мою газету". Онъ напрягаетъ усилія, чтобы пробудить простеца изъ равнодушія, взнуздать его и вообще прикрѣпить къ извѣстному стойлу; а для этого нужно, чтобы прежде всего газетная

пища легко переваривалась и чтобъ направленіе газеты не возвышалось надъ обычнымъ низменнымъ уровнемъ. Равнодушный и чуждый сознательности, онъ во всѣ эпохи остается одинаково вѣренъ своему призванію — служить готовымъ орудіемъ въ болѣе сильныхъ рукахъ. Не убѣжденія дѣйствуютъ на него, а внѣшнія давленія. Въ ловкихъ рукахъ онъ дѣлается свирѣпъ и неумолимъ.

Читатель-другъ несомнѣнно существуетъ. Но читатель этотъ заробѣлъ, затерялся въ толпѣ, и дознаться, гдѣ именно онъ находится, довольно трудно. Бываютъ однакожъ минуты, когда онъ внезапно открывается, и непосредственное общеніе съ нимъ дѣлается возможнымъ. Такія минуты — самыя счастливыя, которыя испытываетъ убѣжденный писатель на трудномъ пути своемъ.

[1886—1887. VIII—413/30].

II.

Современное поколѣніе. —Самодовольная ограниченность. —Личные идеалы.—Вѣчно ноющее я.—Стыдъ.—Современные молодые люди.—Привычка дѣлать себѣ вопросы.—Правда и ложь.—Границы порока.—Равнодушные.—Дѣти.

Если поколѣніе, къ которому обращаются эти строки, хочетъ сдѣлаться достойнымъ своего призванія, пускай оно не пугается исключительности, пускай оно и въ мысляхъ, и въ выраженіяхъ, и въ дѣйствіяхъ соблюдаетъ ту опрятность и даже брезгливость, которая одна можетъ обезпечить дѣйствительный успѣхъ въ будущемъ.

Мы слишкомъ повадливы, слишкомъ покладисты. Мы во всякой средѣ легко уживаемся, со всякимъ явленіемъ миримся почти безъ сопротивленія. И по-

тому изъ насъ можно лѣпить всякую фигуру, и даже безъ большихъ издержекъ: стоитъ только по головѣ погладить. До тѣхъ поръ, покуда мы будемъ направо и налѣво раздавать poignées de main встрѣчному и поперечному, болѣе принимая въ соображеніе покрой жилета, нежели покрой мысли, до тѣхъ поръ мы будемъ слабы, мы будемъ нелѣпы, мы будемъ презрѣнны, до тѣхъ поръ наше слово будетъ подобно писку кулика-поручейника.

[1860—1862. II—17/18].

Всякому читателю, безъ сомнѣнія, случалось имѣть дѣло съ людьми, которыхъ ограниченность ясна съ перваго взгляда, но которые въ то же время поражаютъ своею самоувѣренностію. Изъ всѣхъ человѣческихъ типовъ это самый надоѣдливый и нестерпимый. Просто ограниченный человѣкъ хранитъ свою ограниченность про себя; онъ не совершаетъ ничего особенно плодотворнаго, но за то ничего и не запутываетъ. Совсѣмъ другое дѣло — ограниченность самодовольная, сознавшая себя мудростью. Она отличается тѣмъ, что насильственно врывается въ сферы ей недоступныя и стремится распространить свои крылѣ всюду, гдѣ слышится живое дыханіе. Это своего рода зараза, чума. Низменные идеалы, которые она себѣ выработала, или лучше сказать, которые получила въ наслѣдство вмѣстѣ съ прочею рухлядью прошлаго, перестаютъ быть ея идеалами, а становятся образцомъ для идеаловъ общечеловѣческихъ; азбучность становится обязательною, глупыя мысли, дурацкія рѣчи сочатся отовсюду, и совокупность ихъ получаетъ наименованіе „морали“.

[Id. II—311].

Что каждый имѣетъ право предъявлять свое собственное, лично ему принадлежащее воззрѣніе на счастіе, и согласно съ этимъ воззрѣніемъ устраивать свою жизнь — это истина, которую, конечно, никто не станетъ оспаривать. Вопросъ не въ законности личныхъ идеаловъ, а въ ихъ общеобязательности, и какъ только вопросъ этотъ рѣшается въ пользу личныхъ идеаловъ и въ ущербъ идеаламъ общимъ, такъ тотчасъ же отношенія къ жизни и ея явленіямъ становятся натянутыми и запутанными. А этой-то именно обязательности и добивается ограниченность, переносящая свое самодовольство изъ сферы домашняго очага въ сферу высшихъ человѣческихъ интересовъ.

[Id. II—312].

Безсиліе, забитость, приниженность и робость— плохіе помощники въ дѣлѣ жизнестроительства, но они въ замѣчательной степени изощряютъ въ человѣкѣ одну способность: исключительно, почти болѣзненно сосредоточиваться на мелочахъ своего личнаго я. Это маленькое, вѣчно ноющее я, окрѣпнувшее въ суровой школѣ угнетенія, дѣлается для своего обладателя центромъ, къ которому пріурочивается жизнь цѣлой вселенной. Пускай кровь льется потоками, пусть человѣчество погрязаетъ въ пучинѣ духовной и нравственной нищеты—ни до чего нѣтъ дѣла этому я, до тѣхъ поръ, пока привычная обстановка остается неприкосновенною, пока не затронуты тѣ интересы, которыхъ совокупность составляетъ область умѣренности и аккуратности. Это интересы сѣренькіе, но необыкновенно цѣпкіе. Дешевизна или дороговизна квартиръ, съѣстныхъ припасовъ и другихъ незатѣйливыхъ жизненныхъ удобствъ,

возможность или невозможность оставаться при однажды принятомъ образѣ жизни и привычкахъ— вотъ обыкновенная ихъ канва. Но въ нихъ заключено все внутреннее содержаніе забитаго человѣка, и потому въ его глазахъ они представляютъ единственное мѣрило для оцѣнки великихъ и малыхъ событій, совершающихся на всемірной аренѣ. Для защиты ихъ неприкосновенности считаются возможными и законными всѣ средства: униженіе, злоба, предательство, месть...

Вотъ этимъ-то ноющимъ я въ высшей степени обладаетъ Молчалинъ.

[1874—1877. III—361].

Стыдъ—хорошее и здоровое чувство. Стыдъ животворитъ. Безсильному онъ помогаетъ нести бремя жизни, сильному внушаетъ мысль о подвигѣ. Но, сверхъ того, онъ и прилипчивъ. Хотя ты, безсильный, стыдишься только въ четырехъ стѣнахъ, но и это келейное стыдѣніе не пройдетъ безъ слѣда, ибо непремѣнно отыщется другой, болѣе сильный, который, заинтересовавшись тобой, пойдетъ дальше.

[III. [illegible]].

Нужно, чтобъ люди стыдились не только пораженій, но и побѣдъ и одолѣній, не только неудачъ, но и удачъ.

[III.—578].

Прискорбно смотрѣть на молодыхъ людей: они совсѣмъ нынче отучились краснѣть и потуплять глаза. Едва соскочивъ со школьной скамьи, юноша уже ни о чемъ другомъ не помышляетъ, кромѣ карьеры, и даже съ дамочками устраивается мимоходомъ и какъ-то наскоро.

[1881—1882. VI.—244/5].

✓ Никогда не лишнее дѣлать себѣ вопросы; это привычка спасительная, ибо она отрезвляетъ человѣка и всѣмъ явленiямъ сообщаетъ ихъ истинные, дѣйствительные размѣры.

[1869—1872. IV—28].

Туго приходитъ въ мiръ правда и при томъ цѣною неслыханныхъ жертвъ. Самоотверженность не въ правахъ средняго человѣка, да вѣдь она и необязательна. Вообще ложь имѣетъ за собою цѣлую свиту преимуществъ... Во-первыхъ, она знаетъ, что торжество правды не влечетъ для нея за собой никакихъ отмщенiй. Правдѣ чужда месть; она приноситъ за собой прощенiе, и даже не прощенiе, а просто только возстановленiе дѣйствительнаго смысла явленiя. Во-вторыхъ, циклъ правды до сихъ поръ никогда не представлялся завершившимся, и даже сомнительно, можно ли ждать, чтобъ онъ когда-нибудь завершился. Правда способна развиваться до безконечности, открывая новые и новые горизонты и облекаясь въ новыя, болѣе совершенныя формы. Эта растяжимость правды и на человѣка дѣйствуетъ возбуждающимъ образомъ. Онъ не прекращаетъ своихъ поисковъ не потому, чтобъ это была прихоть его бунтующей природы, какъ утверждаютъ литературные клоповники, а потому что исканiя эти столь же естественны, какъ естественъ и самый законъ прогрессивнаго наростанiя правды. Ложь знаетъ неизбѣжность этихъ исканiй, но знаетъ также и неизбѣжность сопровождающихъ эти исканiя недоумѣнiй и ошибокъ. И, на минуту посрамленная, въ лицемѣрномъ спокойствiи ждетъ очереди для отмщенiй.

[1880—1881. VI—181/2].

Моралисты слишкомъ съуживаютъ границы порока, черезчуръ ужъ тщательно опредѣляютъ внѣшніе его признаки. Вслѣдствіе этого порокъ представляется чѣмъ-то окаменѣлымъ, не только неимѣющимъ никакой притягательной силы, но даже прямо отталкивающимъ. Нужно быть отъ природы несомнѣнно предрасположеннымъ къ злодѣйству и нераскаянности, и при томъ очень храбрымъ (или по малой мѣрѣ очень глупымъ), чтобы съ насиліемъ и взломомъ проникнуть въ наглухо запертое капище порока, на дверяхъ котораго прежде всего бросаются въ глаза самыя опредѣленныя указанія на соотвѣтствующія статьи Уложенія. Мнѣ кажется, что простая человѣческая совѣсть оказывается въ этомъ случаѣ гораздо болѣе проницательною. Во-первыхъ, она отвергаетъ замкнутость, которую приписываютъ пороку моралисты, и признаетъ за нимъ значительную долю въѣдчивости; во-вторыхъ, она не допускаетъ, чтобы порокъ такъ легко поддавался опредѣленіямъ, ибо въ этомъ случаѣ стоило бы только увеличить составъ прокурорскаго надзора, чтобы очистить Авгіевы конюшни; въ-третьихъ, она признаетъ, что порокъ прогрессируетъ, какъ относительно внѣшнихъ формъ, такъ и по существу, и вслѣдствіе этого одни пороки упраздняются, и взамѣнъ ихъ появляются новые, которые человѣческая совѣсть уже угадываетъ, между тѣмъ какъ прокурорскій надзоръ и во снѣ ничего подходящаго еще не видитъ.

[1879. VII—323/4].

Благо равнодушнымъ! Благо тѣмъ, которые въ сердечной вялости находятъ для себя миръ и успокоеніе! Личное ихъ благополучіе не только не подлежитъ спору, но можетъ считаться вполнѣ обезпе-

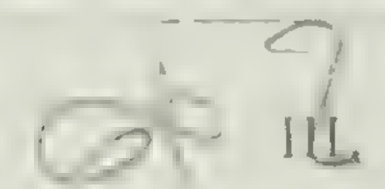
ченнымъ. А ничего другого имъ и не нужно. Но пусть же они знаютъ, что равнодушіе въ данномъ случаѣ обезпечиваетъ не только ихъ личное спокойствіе, но и безсрочное торжество лгуновъ человѣконенавистниковъ. И сверхъ того оно на цѣлую среду, на цѣлую эпоху кладетъ печать безсилія, предательства и трусости.

[1883—1884. VII—471].

Теперь, когда со всѣхъ сторонъ меня обступило старчество, я вспоминаю дѣтскіе годы, и сердце мое невольно сжимается всякій разъ, какъ я вижу дѣтей. Если дать вѣру общепризнанному мнѣнію, то нѣтъ возраста болѣе счастливаго, нежели дѣтскій. Дѣтство безпечно и не смущается мыслью о будущемъ. Ежели у него есть горе, то это горе дѣтское, слезы — тоже дѣтскія; тревоги — мимолетныя, которыя даже формулировать съ полною опредѣлительностью нельзя. Всѣ дѣйствія дѣтей свидѣтельствуютъ о невозмутимомъ душевномъ равновѣсіи, благодаря которому они мгновенно забываютъ о чуть замѣтныхъ горестяхъ, встрѣчающихся на ихъ пути. Такъ долгое время думалъ я, вслѣдъ за общепризнаннымъ мнѣніемъ о привилегіяхъ дѣтскаго возраста. Но чѣмъ больше я углублялся въ дѣтскій вопросъ, тѣмъ больше раскрывалась передо мной фальшь моихъ воззрѣній. Изъ всѣхъ жребіевъ, выпавшихъ на долю живыхъ существъ, нѣтъ жребія болѣе злосчастнаго, нежели тотъ, который достался на долю дѣтей. Дѣти ничего не знаютъ о качествахъ экспериментовъ, которые надъ ними совершаются — такова общая формула дѣтскаго существованія. Они не выработали ничего своего, что могло бы дать отпоръ попыткамъ извратить ихъ природу. Колея, по которой имъ

предстоитъ идти, проложена произвольно, и всего чаще представляетъ собою дѣло случая. Не всѣ родители обязательно опытны и разумны; не всѣ педагоги настолько проницательны, чтобы угадать природу ребенка, ввѣреннаго ихъ воспитанію. По большей части въ этомъ дѣлѣ господствуетъ полное смѣшеніе, которое способно извратить даже наиболѣе счастливо одаренную дѣтскую природу. Но, кромѣ случайности, дѣтей преслѣдуетъ еще „система". Система представляетъ собою плодъ временнаго общественнаго настроенія и на все живущее накладываетъ свою тяжелую руку. „Дѣйствительное назначеніе дѣтей, — какъ оно представлялось до сихъ поръ — это играть роль animae vilis, для производства всякаго рода воспитательныхъ опытовъ. Я вовсе не отрицаю существенной помощи, которую можетъ оказать дѣтямъ педагогика, но не могу примириться съ тѣмъ педагогическимъ произволомъ, который, нагромождая систему на систему, ставитъ послѣднія въ зависимость отъ случайныхъ настроеній минуты. Педагогика должна быть прежде всего независимою; ея назначеніе—воспитывать въ нарождающихся отпрыскахъ человѣчества идеалы будущаго, а не подчинять ихъ смутѣ настоящаго. Ибо бываютъ эпохи, когда общество, гонимое паникой, отвращается отъ знанія и ищетъ спасеніе въ невѣжествѣ. Ужели подобная задача, поставленная прямо или подъ какимъ бы то ни было прикрытіемъ, можетъ приличествовать педагогикѣ?

[1887—1889. IX—59/66.]

III.

Слѣдователь. — Злые люди. — Рожнръ. — Благородные спектакли въ провинціи.

Положеніе слѣдователя, вообще говоря, очень тяжелое положеніе. Иногда случается, что въ голову нахлынутъ тысячи самыхъ разнообразныхъ и даже едва ли непротивозаконныхъ соображеній. Шевельнется, напримѣръ, ни съ того, ни съ сего, въ сердцѣ совѣсть, взбунтуется слѣдомъ за нею разсудокъ, который начнетъ, цѣлымъ рядомъ самыхъ строгихъ силлогизмовъ, доказывать, какъ дважды-два-четыре, что будь слѣдователь самъ на мѣстѣ обвиняемаго, то... и такъ далѣе. Ну, и раскиснешь совсѣмъ. А если слѣдствіе предстоитъ серьезное и запутанное, сколько самыхъ разнородныхъ ощущеній тѣснится въ сердцѣ, какъ тонко дѣлается чутье, какъ настораживаются всѣ чувства! Въ воздухѣ пахнетъ преступленіемъ; міазмы его не даютъ дышать свободно, руки осязаютъ преступленіе, слухъ безпрестанно оскорбляется нестройными звуками вакханаліи преступленія. Вамъ чудится преступленіе въ пищѣ, которую вы вкушаете, и въ водѣ, которую вы пьете. Слѣдователь перестаетъ на время быть человѣкомъ и принимаетъ всѣ свойства безплотнаго существа: способность улетучиваться, проникать и проникаться и т. д. И сколько страха, сколько ожиданій борется въ одно и то же время въ его сердцѣ! Поймаю или не поймаю? спрашиваетъ себя слѣдователь каждую минуту своего существованія, и видимо истаиваетъ на медленномъ огнѣ отчаянья и надежды. Если же присовокупить къ этому, съ одной стороны, ожидаемыя впереди почести, начальствен-

ную признательность и, главное, репутацію отлично-хитраго чиновника, въ случаѣ удачнаго ловленья, и, съ другой стороны, позоръ и поношеніе, репутацію „мямли" и „колпака", въ случаѣ ловленія неудачнаго, то безъ труда сдѣлаются понятными тѣ бурныя чувства, которыхъ театромъ становится сердце мало-мальски самолюбиваго слѣдователя.

[1856—1857. I—333/4].

Я убѣжденъ, что на свѣтѣ злые люди встрѣчаются лишь случайно: въ существѣ, они тѣ же добряки, только кожу у нихъ судьба-индѣйка стянула, рыло перекосила и губы помазала желчью. Да и то, по большей части, отъ своей собственной глупости люди дѣлаются злыми, потому что умный человѣкъ сразу пойметъ, что злиться не изъ чего, да и не расчетъ.

[1857—1863. I—368].

Романъ (по крайней мѣрѣ, въ томъ видѣ, какимъ онъ являлся до сихъ поръ) есть по преимуществу произведеніе семейственности. Драма его зачинается въ семействѣ, не выходитъ оттуда и тамъ же заканчивается. Въ положительномъ смыслѣ (романъ англійскій), или въ отрицательномъ (романъ французскій), но семейство всегда играетъ въ романѣ первую роль.

[1869—1872. IV—22].

Въ провинціи благородные спектакли всегда составляютъ эпоху и на долгое время оставляютъ за собой отрадныя воспоминанія. Особливо любятъ ихъ дамы, для которыхъ эпоха спектакля какъ-то фаталистически совпадаетъ съ порою возрожденія и любви. Сценическое искусство служитъ здѣсь только предлогомъ или, лучше сказать, кулисами, за которыми развиваются домашнія интриги, устраиваются свиданія, разыгрываются сцены ревности, и т. д.

[1857—1863. I—378/9].

IV.

1) Провинція. — Чуждые элементы. — Суженіе задачъ. — Общественныя и политическія формы. — Крѣпостное право. — Русскій мужикъ. — Что нужно народу. — Литература послѣднихъ годовъ. — Улица. — Животворящія свойства слова. — Воспитательное вліяніе литературы сороковыхъ годовъ. — Оскудѣніе русской литературы. — Ташкентцы. — Отечество и молодые карьеристы. — Русская буржуазія. — Либералы и охранители. — Русскіе за границей. — Сообщительность русскихъ. — Сердца для прочтенія.

О, провинція! ты растлѣваешь людей, ты истребляешь всякую самодѣятельность ума, охлаждаешь порывы сердца, уничтожаешь все, даже самую способность желать! Ибо можно ли назвать желаніями тѣ мелкія вожделѣнія, исключительно направленныя къ матеріальной сторонѣ жизни, къ доставленію крошечныхъ удобствъ, которые имѣютъ то неоцѣненное достоинство, что устраняютъ всякій поводъ для тревогъ души и сердца?

[1856—1857. I—168].

Какое будущее ожидаетъ провинцію, ежели матеріальныя и умственныя ея силы будутъ по прежнему устремляться къ центрамъ? и возможно ли придумать такую комбинацію, которая остановила бы это стремленіе и задержала въ провинціи то, что необходимо для успѣховъ ея развитія? Нѣтъ никакого сомнѣнія, что ежели положеніе вещей въ провинціи останется въ томъ же видѣ, въ какомъ оно находится нынѣ, ежели всякая попытка внести въ мѣстную дѣятельность смыслъ будетъ и впредь приниматься нашими исторіографами за попытку подорвать общественныя основы, то провинція, въ концѣ концовъ, заглохнетъ и поростетъ репейникомъ. Повторяемъ: несогласно съ законами здраваго разсудка:

брать, брать и брать, и никогда ничего не возвращать. Не согласно съ справедливостью называть взаимнымъ обмѣномъ услугъ такой обмѣнъ, когда одна сторона все получаетъ, а другая все отдаетъ.

[1868—70. II—407,8].

По неисповѣдимой волѣ судебъ, у насъ какъ-то всегда такъ случается, что никакое порядочное намѣреніе, никакая здоровая мысль не могутъ удержаться долгое время на первоначальной своей высотѣ. — Намѣреніе находится еще въ зародышѣ, какъ уже къ нему со всѣхъ сторонъ устремляются разныя неполезныя примѣси и безцеремонно заявляютъ претензію на пользованіе предполагаемыми плодами его. Не успѣли вы порядкомъ оглядѣться въ новомъ порядкѣ, какъ уже замѣчаете, что въ немъ нѣчто помутилось. Вглядитесь пристальнѣе, и вы убѣдитесь, что тутъ суетится и хлопочетъ цѣлый легіонъ разнообразнѣйшихъ чужеядныхъ элементовъ.

[Id. 378].

Съуженіе задачъ вообще плохая школа для вновь выступающихъ учрежденій. Когда мы говоримъ себѣ: теперь не мѣсто и не время обобщать и расширять вопросы; останемся при тѣхъ подробностяхъ, которыя у насъ подъ руками и которыхъ никто у насъ не оспариваетъ, то на пути этомъ насъ очень скоро настигнутъ всякаго рода разочарованія. Во-первыхъ, мы убѣждаемся, что границы, существующія между общимъ и частнымъ, совсѣмъ не такъ строго опредѣлены, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда, и что какъ бы мы ни усиливались изолировать то или другое частное явленіе, нашъ успѣхъ никогда не будетъ на столько великъ, чтобы исторгнуть изъ него ту интимную сущность, которая вводитъ

его въ область общаго. Во-вторыхъ, увлекаясь исключительно подробностями, мы теряемъ изъ вида тѣ общія перспективы, которыя собственно и даютъ подробностямъ смыслъ и цѣну; по этому мы дѣлаемъ дѣло, можетъ быть, очень трудное и кропотливое, но во всякомъ случаѣ мало полезное, почти мертворожденное. Въ-третьихъ, наконецъ, мы удостовѣряемся горькимъ опытомъ, что, не обезпечивъ широкой и прочной постановки вопросовъ, мы тѣмъ самымъ лишаемъ себя возможности свободно обсуждать и подробности. Въ результатѣ—или безпутное блужданіе безъ цѣли и плана, или безпрерывный выходъ изъ тѣхъ границъ, которыя мы сами себѣ назначили и безпрерывное же самоводвореніе въ нихъ. Понятно, что такого рода перспектива можетъ привлечь къ себѣ дѣятелей только на первыхъ порахъ, то есть тогда, когда еще не вполнѣ раскрылась ея сущность. Но чѣмъ болѣе разъясняется эта послѣдняя, чѣмъ рельефнѣе выступаютъ впередъ ея блужданія, сомнѣнія и оговорки, тѣмъ быстрѣе стихаетъ первоначальная горячность и уступаетъ мѣсто равнодушію.

[1868-70. II—410].

Никто, конечно, не споритъ, что политическія и общественныя формы, выработанныя Западной Европой, далеко не совершенны. Но здѣсь важна не та или другая степень несовершенства, а то, что Европа не примирилась съ этимъ несовершенствомъ, не покончила съ процессомъ созданія и не сложила рукъ, въ чаяніи, что счастіе само свалится когда-нибудь съ неба. Митрофанъ же смотритъ на это дѣло совершенно иначе. Заявляя о неудовлетворительности упомянутыхъ формъ, и въ особенности напирая на

то, что у насъ онѣ (являясь въ видѣ заношеннаго чернаго бѣлья) всегда претерпѣвали полнѣйшее фіаско, онъ въ то же время завиняетъ и самый процессъ творчества, называетъ его безплоднымъ метаніемъ изъ угла въ уголъ, анархіей, бунтомъ. По обыкновенію больше всего достается тутъ Франціи, которая, какъ извѣстно, выдумала двѣ вещи: ширину взглядовъ и канканъ. Изъ того числа — канканъ принятъ Митрофаномъ съ благодарностію, а отъ ширины взглядовъ онъ отплевывается и доднесь со всею страстностью своей воспріимчивой натуры... Митрофанъ съ особеннымъ удовольствіемъ останавливается на политическихъ и общественныхъ формахъ, потому что видитъ ихъ внѣшнюю измѣнчивость, и отъ этого признака приходитъ къ заключенію о негодности самаго процесса созданія этихъ формъ. По его мнѣнію, капризъ и чудачество обуреваютъ вселенную; люди не по необходимости мѣняютъ старыя формы общежитія на новыя, а потому только, что такъ вздумалось. То внутреннее содержаніе, отъ котораго зависитъ то или другое устройство обществъ, тѣ открытія и изобрѣтенія человѣческаго ума, которыя такъ рѣзко опредѣляютъ характеръ того или другаго періода исторіи человѣчества, совершенно закрыты для него. Однакоже это пропускъ очень важный. Историческая наука не даромъ отдѣлила послѣднія четыре столѣтія и существеннымъ признакомъ этого отграниченія признала великія изобрѣтенія и открытія XV вѣка. Здѣсь проявленія усилій человѣческой мысли дали жизни человѣчества совсѣмъ иное содержаніе и разъ навсегда доказали, что общественныя и политическія формы имѣютъ только кажущуюся самостоятельность, что

онѣ дѣлаются шире и растяжимѣе по мѣрѣ того, какъ пополняется и усложняется матеріалъ, составляющій ихъ содержаніе.

[1869—1872. IV—11/12].

Крѣпостное право упразднено, но еще не сказало своего послѣдняго слова. Это цѣлый громадный строй, который слишкомъ жизненъ, непроникаюшъ и силенъ, чтобъ исчезнуть по первому манію. Обыкновенно, говоря объ немъ, только разумѣютъ отношенія помѣщиковъ къ бывшимъ крѣпостнымъ людямъ, но тутъ только одна капля его. Эта капля слишкомъ специфически пахла, а потому и приковала исключительно къ себѣ вниманіе всѣхъ. Капля устранена, а крѣпостное право осталось. Оно разлилось въ воздухѣ, освѣтило нравы; оно изобрѣло пути, связывающія мысль, поразило умы и сердца дряблостью. Наконецъ, оно же вызвало цѣлую орду прихлѣбателей - хищниковъ, которыхъ дѣятельность такъ блестяще выразилась въ безчисленныхъ воровствахъ, банкротствахъ и всякаго рода распутствахъ.

[1869—1872. VI—438].

Русскій мужикъ бѣденъ; но это еще не столько важно, какъ то, что онъ не сознаетъ своей бѣдности. Приди онъ къ этому сознанію — его дѣло было бы уже на половину выиграно, и главныя причины нашего экономическаго неустройства, то есть случайность, неожиданность, произволъ и т. д., устранились бы сами собою. Но что̀ могло привести его къ этому сознанію? Гдѣ тѣ средніе, доступные его пониманію идеалы, оперевшись на которые, онъ могъ бы помочь себѣ въ трудномъ странствованіи по житейскому морю? Ничто и нигдѣ. Онъ не болѣе, какъ крайній полюсъ той безграничной голой степи, на которой

исторія не бросила ни одного этапа, ни одного освѣщающаго путь маяка.

[1868—70. II—394].

Чтобы понять, что́ именно нужно народу, чего ему недостаетъ, необходимо поставить себя на его точку зрѣнія, а для этого не требуется ни нагибаться, ни кокетничать. Если кому-нибудь изъ читающихъ эти строки случалось быть въ положеніи человѣка, пораженнаго большимъ несчастіемъ, понесшаго тяжкую для сердца утрату, то онъ, безъ сомнѣнія, помнитъ, какъ тягостны и даже противны казались тѣ безплодныя утѣшенія, тѣ безсодержательныя соболѣзнованія, которыя сыпались на него по этому случаю со всѣхъ сторонъ, и какъ драгоцѣнны были тѣ немногія попытки, которыя уясняли ему его положеніе и указывали практическій выходъ изъ него. Толпа народная находится именно въ положеніи этого глубоко-огорченнаго человѣка, которому въ равной степени противны и безсознательныя сѣтованія, и пошлыя, всегда лицемѣрныя заигрыванія на счетъ претерпѣваемыхъ имъ утратъ.

[Id. 398/9].

Что касается земства, я, пародируя стихъ Лермонтова, могу сказать: люблю я земщину, но странною любовью. Или, говоря прямѣе: вижу въ земскомъ человѣкѣ нѣчто двойственное. По наружному осмотру и по первоначальнымъ діалогамъ каждый изъ нихъ—парень хоть куда, а какъ заглянешь къ нему въ душу (это и не особенно трудно: стоитъ только на діалоги не скупиться) — анъ тамъ крѣпостное право засѣло.

[1881—1882. VI—248].

По наружности, кажется, что никогда небывало

въ литературѣ такого оживленія, какъ въ послѣдніе годы; но, въ сущности, это только шумъ и гвалтъ взбудораженной улицы; это нестройный хоръ обострившихся вожделѣній, въ которомъ главная нота, по какому-то горькому фатализму, принадлежитъ подозрительности, сыску и безшабашному озлобленію. О творчествѣ нѣтъ и въ поминѣ. Нѣтъ ничего цѣльнаго, задуманнаго, выдержаннаго, законченнаго. Одни обрывки, которые много-много имѣютъ значеніе сырого матеріала, да и то матеріала несвязнаго, противорѣчиваго. Для чего этотъ матеріалъ можетъ послужить? ежели для будущаго, то, право, будущее скорѣе сочтетъ болѣе удобнымъ совсѣмъ отвернуться отъ времени, породившаго этотъ матеріалъ, нежели заботиться объ его воспроизведеніи. Мы же, современники, читаемъ эти обрывки и чувствуемъ себя подъ гнетомъ какой то безъисходной тоски. Улица тяжела на подъемъ въ смыслѣ умственномъ; она погрязла въ преданіяхъ, завѣщанныхъ мракомъ временъ, и ни мало не изобрѣтательна. Она хочетъ, чтобы торжество досталось ей даромъ или, во всякомъ случаѣ, стоило какъ можно меньше. Дешевле и проще плющильнаго молота ничего мракомъ временъ не завѣщано — вотъ она и приводитъ его въ дѣйствіе, не разбирая, что и во имя чего молотъ плющитъ.

[Id.—326|30].

Я понимаю, что улица имѣетъ право на существованіе и что дальнѣйшія ея метаморфозы представляютъ только вопросъ времени. Сверхъ того, я знаю, что понять извѣстное явленіе значитъ оправдать его. Но оправдать явленіе — одно, а жить подъ его давленіемъ — другое. Вотъ это-то противополо-

женіе между олимпическимъ величіемъ теоріи и болѣзненною чувствительностію жизни и составляетъ болящую рану современнаго человѣка. Можно понимать и оправдывать пустоту, среди которой мы вращаемся, но жить въ ней нестерпимо мучительно.

[Id. 330].

Когда прекращается вѣра въ чудеса — тогда и самыя чудеса какъ бы умолкаютъ. Когда утрачивается вѣра въ животворящія свойства слова, то можно почти съ увѣренностью сказать, что и значеніе этого слова умалено до металла звенящаго. И кажется, что именно до этого мы и дошли.

[1879. VII—345|6].

Вѣра въ чудеса помогла литературѣ сороковыхъ годовъ отыскать извѣстные идеалы добра и истины, благодаря которымъ она не задохлась, она же создала тѣ человѣчныя преданія, ту честную брезгливость, которыя выдѣлили ее изъ общаго строя жизни и дали возможность выйти незапятнанною изъ-подъ ига всевозможныхъ давленій. Все это было настолько характеристично и плодотворно, что, по мнѣнію моему, въ этомъ одномъ можно безъ особой натяжки видѣть своего рода практическій результатъ (а именно въ практической безрезультатности преимущественно и обвиняютъ литературу сороковыхъ годовъ). Идеалы и преданія, о которыхъ идетъ рѣчь, не изгибли и теперь. Всѣ книги сороковыхъ годовъ полны ими, и желающіе возобновить ихъ въ своей памяти могутъ удовлетворить этому желанію очень легко, обратившись къ этимъ книгамъ. Конечно, идеалы эти для настоящаго времени нѣсколько устарѣли и представляются уже недостаточными, но ежели содержаніе идеаловъ и подлежитъ критикѣ, то отношеніе къ

нимъ литературы и донынѣ остается въ высшей степени поучительнымъ. Это то страстно-убѣжденное отношеніе, которое даже въ мертвыя тѣла вливаетъ духъ живъ, который даже пустыню призываетъ къ жизни. Такъ что если бы современные литературные дѣятели нѣсколько чаще справлялись съ кладбищемъ сороковыхъ годовъ, то нынѣшняя литература не только не проиграла бы отъ того, а, напротивъ, очень многое выиграла бы. По крайней мѣрѣ я совершенно искренно убѣжденъ, что холодная остервенѣлость, которая нынѣ является единственнымъ средствомъ для оживленія страницъ и столбцовъ и для возбужденія въ читателѣ вожделѣнія, исчезла бы сама собой и дала бы мѣсто стыду.

[Id. 346].

Въ послѣднее время чаще и чаще приходится слышать жалобы на оскудѣніе русской литературы. Говорятъ: старые таланты допѣваютъ свои послѣднія пѣсни, новыхъ не нарождается. Но, по моему мнѣнію, во всѣхъ этихъ жалобахъ и ссылкахъ нѣтъ ничего, кромѣ недоразумѣнія. Прочитайте любое изъ подхалимовскихъ упражненій, которыя онъ съ такою легкостью изъ себя ежедневно выливаетъ, точно у него въ запасѣ неистощимая бутылка, — и вы въ каждой строкѣ найдете больше таланта, больше жизненной образности, нежели во всѣхъ „послѣднихъ пѣсняхъ“ потухающихъ стариковъ. Не объ отсутствіи даровитости идетъ рѣчь, а объ томъ, что Подхалимовъ съумѣлъ дать своему таланту омерзительную, гнусную, безчестную окраску.

[1884—1886. VIII- 216].

Что такое ташкентцы? „Ташкентцы“ — имя собирательное. Тѣ, которые думаютъ, что это только люди,

желающіе воспользоваться прогонными деньгами въ Ташкентъ, ошибаются самымъ грубымъ образомъ. „Ташкентецъ“ — это просвѣтитель. Просвѣтитель вообще, просвѣтитель на всякомъ мѣстѣ и во чтобы то ни стало; и при томъ просвѣтитель, свободный отъ наукъ, не смущающійся этимъ, ибо наука, по мнѣнію его, создана не для распространенія, а для стѣсненія просвѣщенія. Человѣкъ науки прежде всего требуетъ азбуки, потомъ складовъ, четырехъ правилъ ариѳметики, таблички умноженія и т. д. „Ташкентецъ“ во всемъ этомъ видитъ неумѣстную придирку и прямо говоритъ, что останавливаться на подобныхъ мелочахъ — значитъ спотыкаться и напрасно тратить золотое время. Онъ создалъ особенный родъ просвѣтительной дѣятельности — просвѣщенія безазбучнаго, которое не обогащаетъ просвѣщаемаго знаніями, не даетъ ему болѣе удобныхъ общежительныхъ формъ, а только снабжаетъ извѣстнымъ закаломъ. Тотъ, кто пьетъ хересъ très vieux, считаетъ себя просвѣтителемъ относительно того, кто пьетъ хересъ просто vieux; тотъ, кто пьетъ хересъ vieux, считается просвѣтителемъ всѣхъ, пьющихъ настойку и водку. Разумѣется, это только примѣръ, но я привожу его для того, чтобы дать читателю понятіе о градаціи.

[1869—1872. IV—14/5].

Не понимая, что̀ слѣдуетъ разумѣть подъ словомъ „отечество“ и какія обязанности послѣднее налагаетъ на дѣтей своихъ, молодые карьеристы въ то же время отлично понимаютъ, во-первыхъ, что доходы и оклады, съ помощью которыхъ они прожигаютъ жизнь, получаются ими въ отечествѣ, и, во-вторыхъ, что нигдѣ, кромѣ отечества, имъ не суждено удов-

летворить той потребности молодечества, которая, за отсутствіемъ знанія и привычки размышлять, преслѣдуетъ ихъ на всякомъ мѣстѣ. Въ этомъ смыслѣ и имъ, разумѣется, не чужда идея „отечества", но какого отечества?—того, которое все стерпитъ, да вдобавокъ еще и денегъ дастъ. Сильные этимъ соображеніемъ и зная, что практика не особенно-таки противорѣчитъ ему, эти люди видятъ въ отечествѣ нѣчто фаталистически имъ подчиненное, обязанное повиноваться и быть твердымъ въ бѣдствіяхъ. Поэтому они относятся къ нему безъ церемоній, а иногда и съ тѣмъ капризнымъ нетерпѣніемъ, съ которымъ, при крѣпостномъ правѣ, нѣкоторые не совсѣмъ умные помѣщики относились къ мужику. Выжавши изъ него весь сокъ и замѣчая, что онъ уже не выдѣляетъ изъ себя новаго сока, они усматривали въ этомъ не произволеніе природы, положившей предѣлъ выдѣленію соковъ, даже мужицкихъ, но мужицкую интригу, фактъ злонамѣренной утайки принадлежащихъ имъ, помѣщикамъ, даней. И, разумѣется, сердились, сѣкли и ссылали въ Сибирь.

Отечество—пирогъ—вотъ идеалъ, дальше котораго не идутъ эти незрѣлые, но нахальные умы. Мальчики, безъ году недѣлю вылѣзшіе изъ курточекъ и объ томъ только думающіе, какъ-бы урвать, укусить... ужели этого зрѣлища недостаточно, чтобы взволновать чувствительныя сердца?

[1879. VII.—247].

Вы—провиденціальные мальчики, и въ согласность этому и воспитаніе вамъ даютъ провиденціальное же, то-есть безъ участія наукъ, которыя впослѣдствіи могли-бы заставить васъ остановиться, задуматься или вообще какъ-нибудь васъ огорчить. От-

сюда общая увѣренность, что вы „достигнете“ — непремѣнно. Но средствъ, къ которымъ вы прибѣгнете, чтобы воспрославиться, угадать нельзя, потому что они мѣняются сообразно съ условіями времени. Эти средства вы создаете сами. Вы отгадываете, откуда и какимъ вѣтромъ дуетъ: вы видите примѣры вашихъ ближайшихъ сверстниковъ; вы чутко слѣдите за ихъ быстрыми шагами на пути карьеръ и молодечества и, согласно съ этими наблюденіями, совершенно точно опредѣляете, какая въ данномъ случаѣ потребуется доза проворства, бойкости, а пожалуй даже и нахальства. Такимъ образомъ уже въ стѣнахъ школы установляется въ вашихъ понятіяхъ цѣлая традиція, и на основаніи ея образуется извѣстный товарищескій „духъ“. Вотъ этотъ-то именно „духъ“ я и не могу назвать доброкачественнымъ.

[Id. 251].

Тоска, отчаяніе, одиночество, почти одичалость — вотъ старость, которую вы готовите себѣ. Конечно, эта метаморфоза можетъ на первый взглядъ показаться вамъ рискованною и даже смѣшною. Покуда вы еще такіе радостные, проворные, общежительные — трудно даже представить себѣ, что бы для васъ когда-нибудь наступилъ періодъ тоски и одичалости. Къ сожалѣнію, это не только возможно, но и неизбѣжно. Прикосновеніе къ извѣстной жизненной практикѣ производитъ въ человѣкѣ измѣненія по истинѣ волшебныя. Оно сушитъ жизненные соки; оно разомъ порываетъ тѣ невидимыя нити, которыя связываютъ человѣка съ человѣкомъ; оно отчуждаетъ человѣка, кладетъ на него печать выморочности. Стало быть, въ сущности, васъ ждетъ не перспек-

тива молодечества, а перспектива унынія и медленнаго одинокаго разложенія. Подумайте объ этомъ теперь, когда еще не ушло время, потому что послѣ, когда въ васъ окончательно притупится способность воспринимать впечатлѣнія, когда вы привыкнете — будетъ уже поздно. Освоившись съ атмосферой, которая сама собой образуется вокругъ васъ, вы уже не найдете въ себѣ ни силы, ни даже потребности жить внѣ ея. [Id. 252].

Въ послѣднее время русское общество выдѣлило изъ себя нѣчто на манеръ буржуазіи, то-есть новый культурный слой, состоящій изъ кабатчиковъ, процентщиковъ, желѣзно-дорожниковъ, банковыхъ дѣльцовъ и прочихъ казнокрадовъ и міроѣдовъ. Въ короткій срокъ эта праздношатающаяся тля успѣла опутать всѣ наши палестины; въ каждомъ углу она сосетъ, точитъ, разоряетъ и, вдобавокъ, нахальничаетъ. Въ большихъ центрахъ она теряется въ массѣ прочихъ праздношатающихся и потому не слишкомъ бьетъ въ глаза, но въ малыхъ городахъ и въ особенности въ деревняхъ она положительно подла и невыносима. Это — ублюдки крѣпостнаго права, выбивающіеся изъ всѣхъ силъ, чтобы возстановить оное въ свою пользу, въ формѣ менѣе разбойнической, но несомнѣнно болѣе воровской.

[1878—1879. IV—521].

Мало-по-малу мельчаетъ и вырождается старинная распря между либералами и охранителями. Содержаніе спора все больше и больше тускнѣетъ, а на мѣсто его выступаютъ микроскопическіе детали и подвохи, которымъ, ради декорума, присвоевается наименованіе ловкихъ пріемовъ.

[1884—1886. VIII—267].

Легко могу вообразить себѣ положеніе россіянина, выползшаго изъ своей скорлупы, чтобы себя показать и людей посмотрѣть. Все-то ему ново, всего-то онъ боится, потому что изъ всѣхъ формъ европейской жизни онъ всецѣло воспринялъ только одну — искусство, не обдирая рта, ѣсть артишоки и глотать устрицы, не проглатывая, въ тоже время, раковину. Всякій иностранецъ кажется ему высшимъ организмомъ, который можетъ и мыслить, и выражать свою мысль; передъ каждымъ онъ ежится и трусить, потому что кто-жъ его знаетъ? а вдругъ недоглядишь за собой и сдѣлаешь невѣсть какое невѣжество!

[1866—1869. II—262].

Переѣхавши границу, русскій культурный человѣкъ становится необыкновенно дѣятельнымъ. Всю жизнь онъ слылъ фатюемъ, остюкомъ, фалалеемъ; теперь онъ, во что бы то ни стало, хочетъ доказать, что по природѣ онъ совсѣмъ не фатюй, и ежели являлся таковымъ въ своемъ отечествѣ, то или потому только, что его „заѣла среда", или потому, что это было согласно съ видами начальства. Онъ рано встаетъ утромъ, не спитъ послѣ обѣда, не сидитъ по цѣлымъ часамъ въ ватерклозетѣ и съ Бедекеромъ въ рукахъ съ утра до вечера нюхаетъ, смотритъ, слушаетъ, глотаетъ. Я говорю о среднемъ культурномъ русскомъ человѣкѣ, о литераторѣ, адвокатѣ, чиновникѣ, художникѣ, купцѣ, т. е. о людяхъ, которыхъ прямо или косвенно уже коснулся лучъ мысли, которые до извѣстной степени свыклись съ идеей о трудѣ и которые три четверти года живутъ подъ напоминаніемъ о мѣстахъ не столь отдаленныхъ. Понятно, что они рады радехоньки хоть два три мѣсяца прожить внѣ этого

напоминанія. Ужасно пріятно прожить хоть нѣсколько времени не боясь. Необходимость „ходить въ струнѣ“, памятовать, что „выше лба уши не ростуть“, и что съ „суконнымъ рыломъ“ нельзя соваться въ „калашный рядъ“, — это такая жестокая необходимость, что только любовь къ родинѣ, доходящая до ностальгіи, можетъ примириться съ подобнымъ безчеловѣчіемъ.

[1880—1881. VI—31/2].

Въ цѣломъ мірѣ не найдется людей столь сообщительныхъ, какъ русскіе. Ошибочно утверждаютъ, будто бы на родинѣ намъ предоставлено молчать. Совсѣмъ напротивъ. Молчаніе считается у насъ равносильнымъ угрюмости, угрюмость же — равносильною злоумышленію; стало быть, ни для кого нѣтъ разсчета добиваться отъ насъ молчанія и торжествовать по его поводу. Не молчать предоставляется намъ, а только говорить пустяки.

[Id. 129].

Никто такъ не любитъ посквернословить — и именно въ ущербъ родному начальству — какъ русскій культурный человѣкъ. Западный человѣкъ рѣшительно не понимаетъ этой потребности. Онъ можетъ сознавать, что въ его отечествѣ дѣла идутъ неудовлетворительно, но въ то же время понимаетъ, что эта неудовлетворительность устраняется не сквернословіемъ, а прямымъ возраженіемъ, на которое уполномочиваетъ его и законъ. Мы, русскіе, никакихъ уполномочій не имѣемъ, и потому замѣняемъ ихъ сквернословіемъ.

[Id. 130].

Вопросъ о содержаніи сердецъ во всегдашней готовности для прочтенія — одинъ изъ самыхъ мучи-

тельныхъ въ нашей жизни. И я полагаю, что потому именно онъ такъ обострился у насъ, что нигдѣ въ цѣломъ мірѣ не найдется такой массы глупыхъ людей, для которыхъ весь кодексъ политической благонадежности выразился въ словахъ: „что-жъ, если у меня душа чиста — милости просимъ!“ Да и не только за себя такимъ образомъ говорятъ эти глупцы, но и къ посторонним людямъ обращаются: „вѣдь у васъ, господа, души чистыя: отчего же не одолжить ихъ для прочтенія?. .“ Ахъ, срамъ какой!

[Id. 155|6].

2) Берлинъ.—Еврейскій вопросъ.

Въ городѣ [Берлинѣ], имѣющемъ претензію быть кульминаціоннымъ пунктомъ цѣлой имперіи, уличная жизнь, по мнѣнію моему, должна преимущественно отражать на себѣ степень бо̀льшей или мѐньшей эмансипаціи общества отъ узъ. Основать университетъ и населить его знаменитѣйшими и наилучше оплаченными профессорами можно всюду, даже при наличности самыхъ нестерпимѣйшихъ узъ, равно какъ всюду же можно устроить музеи, коллекціи, выставки и проч. Для этого нужны только добрая воля и матеріальныя средства. Но общительность, но мягкость формъ общежитія нельзя декретировать ни начальственнымъ предписаніемъ, ни громомъ и блескомъ побѣдъ. Тамъ, гдѣ эти свойства отсутствуютъ, гдѣ чувство собственнаго достоинства замѣняется оскорбительнымъ и въ сущности довольно глупымъ самомнѣніемъ, гдѣ шовинизмъ является обнаженнымъ, безъ всякой примѣси энтузіазма, гдѣ не горятъ сердца ни любовью, ни ненавистью, а воспламеняются только подозрительностью къ со-

сѣду, гдѣ нѣтъ ни истинной привѣтливости, ни искренней веселости, а есть только желаніе похвастаться и разсчетъ на тринкгельдъ — тамъ, говорю я, не можетъ быть и большаго хода свободѣ. Я не хочу, конечно, сказать этимъ, чтобы университеты, музеи и тому подобныя образовательныя учрежденія играли ничтожную роль въ политической и общественной жизни страны — напротивъ! но для того, чтобъ вліяніе этихъ учрежденій оказалось дѣйствительно плодотворнымъ, необходимо, чтобъ между ними и обществомъ существовала живая связь, чтобъ университеты, напримѣръ, были свѣточами и вѣстниками жизни, а не комментаторами оффиціально признанныхъ формулъ, которыя и сами по себѣ настолько крѣпки, что, право, не нуждаются въ подтвержденіи и провозглашеніи съ высоты профессорскихъ каѳедръ.
[1880—1881. VI—40/1].

Исторія никогда не начертывала на своихъ страницахъ вопроса болѣе тяжелаго, болѣе чуждаго человѣчности, болѣе мучительнаго, нежели вопросъ еврейскій. Исторія человѣчества вообще есть безконечный мартирологъ, но въ то же время она есть и безконечное просвѣтлѣніе. Въ сферѣ мартиролога еврейское племя занимаетъ первое мѣсто; въ сферѣ просвѣтлѣнія оно стоитъ въ сторонѣ, какъ будто лучезарныя перспективы исторіи совсѣмъ до него не относятся. Нѣтъ болѣе надрывающей сердце повѣсти, какъ повѣсть этого безконечнаго истязанія человѣка надъ человѣкомъ. Очевидно, что въ ненормальномъ положеніи еврейскаго вопроса играютъ фатальную роль такого рода запутанности, которыя съ теченіемъ времени не только не смягчаются, но даже больше и больше обостряются. Въ ряду этихъ

запутанностей главное мѣсто, несомнѣнно, занимаетъ преданіе, давно уже утратившее смыслъ, но доселѣ сохранившее свою живость. Затѣмъ къ числу причинъ, содѣйствующихъ незыблемости преданія слѣдуетъ отнести, во первыхъ, несознанные капризы расоваго темперамента, и, во вторыхъ, совершенно произвольное представленіе объ еврейскомъ типѣ на основаніи образцовъ, взятыхъ не въ трудящихся массахъ еврейскаго племени, а въ сферахъ болѣе или менѣе досужихъ и эксплуатирующихъ.

Нѣтъ ничего безчеловѣчнѣе и безумнѣе преданія, выходящаго изъ темныхъ ущелій далекаго прошлаго и съ жестокостью, доходящей до идіотскаго самодовольства, изъ вѣка въ вѣкъ переносящаго клеймо позора, отчужденія и ненависти. Не говоря уже о непосредственныхъ жертвахъ преданія, замученныхъ и обезславленныхъ, оно извращаетъ цѣлый циклъ общественныхъ отношеній и на самую исторію налагаетъ печать изувѣрской одичалости. Но безчеловѣчіе явится еще болѣе осязательнымъ, если припомнить, что нѣтъ вещи болѣе общедоступной, какъ преданіе, и что, слѣдовательно, послѣднее прежде всего становится достояніемъ толпы, и безъ того обезумѣвшей подъ игомъ собственнаго злосчастія. Что́ бы еврей ни предпринялъ, онъ всегда остается стигматизированнымъ. Дѣлается онъ христіаниномъ — онъ выкрестъ; остается при іудействѣ — онъ песъ смердящій. Мнѣ скажутъ, быть можетъ: однакожъ мы видимъ, что промышленные центры переполнены евреями, которые не мало не стѣсняются своимъ еврействомъ. Биржи, театры, рестораны, будуары самыхъ дорогихъ кокотокъ — все это кишитъ веселонравными семитами, которые удивляютъ вселенную

наглою расточительностью и нелѣпою привередливостью прихотей и вкусовъ. Да, такихъ субъектовъ существуетъ достаточно (ихъ-то однихъ мы и знаемъ), но вѣдь въ нихъ еврейство играетъ уже далеко не существенную роль. Это обыкновенные гулящіе люди, члены той международной аффиліаціи гулящихъ людей, въ которую каждая національность вноситъ свой посильный вкладъ. И образъ жизни еврея, и внѣшняя его складка, его манера говорить, ходить, одѣваться — все даетъ пищу для неосмысленной досады, которая проявляетъ себя тѣмъ безпрепятственнѣе, что выраженіе ея почти всегда сопровождается безнаказанностью. Никто такъ мастерски не боится, какъ еврей; ни кто не создалъ для себя такого страннаго внѣшняго облика. Еврей самый солидный напоминаетъ внѣшнимъ своимъ видомъ подростка, путающагося въ отцовскихъ штанахъ. Для темной массы этого вполнѣ достаточно, чтобы видѣть въ евреѣ всегда готовый источникъ потѣхъ и издѣвокъ. Смѣшной ламбсердакъ, нелѣпые пейсы, заячья торопливость, ни на минуту не дающая еврею усидѣть на мѣстѣ — чего еще нужно? Еврей и ходитъ не такъ, какъ люди, и говоритъ не такъ, какъ люди, и смотритъ не такъ, какъ люди. Отъ еврея пахнетъ; еврей не смотритъ, а глаза у него бѣгаютъ; онъ не живетъ, а блудитъ. А какъ смѣшно и даже гнусно онъ шепелявитъ!

[1873—1884. VII—562/4].

· ◆ ·

Графъ Левъ Николаевичъ Толстой.

(р. 1828).

I.

Благо и неблаго. — Прогрессъ. — Фатализмъ въ исторіи и великіе люди. — Законы непрерывнаго движенія. — Правитель-администраторъ. — Историческіе герои. — Случай и геній. — Власть. Свобода и необходимость.

Несчастное, жалкое созданіе — человѣкъ съ своею потребностью положительныхъ рѣшеній, брошенный въ этотъ вѣчно движущійся, безконечный океанъ добра и зла, фактовъ, соображеній и противорѣчій! Вѣками бьются и трудятся люди, чтобъ отодвинуть къ одной сторонѣ благо, къ другой — неблаго. Проходятъ вѣка, и гдѣ бы что бы ни прикинулъ безпристрастный умъ на вѣси добраго и злаго, вѣсы не колеблятся и на каждой сторонѣ — столько же блага, сколько и неблага. Ежели бы только человѣкъ выучился не судить и не мыслить рѣзко и положительно, и не давать отвѣтовъ на вопросы, данные ему только для того, чтобъ они вѣчно оставались вопросами! Ежели бы только онъ понялъ, что всякая мысль и ложна, и справедлива: ложна — односторонностью, по невозможности человѣка обнять всей истины, и справедлива — по выраженію одной стороны человѣческихъ стремленій.

[1857. II—132/3].

Положеніе о постоянномъ улучшеніи человѣчества на пути прогресса ничѣмъ не доказано и не справед-

ливо. Какъ бы мнѣ ни желательно было, я не могу найти никакого общаго закона въ жизни человѣчества, подвести исторію подъ идею прогресса точно такъ же легко, какъ подвести подъ идею регресса, или подъ какую хотите историческую фантазію. Скажу болѣе: я не вижу никакой необходимости отыскивать общіе законы въ исторіи, не говоря уже о невозможности этого. Общій вѣчный законъ написанъ въ душѣ каждаго человѣка. Законъ прогресса, или совершенствованія, написанъ въ душѣ каждаго человѣка и только вслѣдствіе заблужденія переносится въ исторію.

[1862. IV—169/71].

Фатализмъ въ исторіи неизбѣженъ для объясненія неразумныхъ явленій (то есть тѣхъ, разумность которыхъ мы не понимаемъ). Чѣмъ болѣе мы стараемся разумно объяснить эти явленія въ исторіи, тѣмъ они становятся для насъ неразумнѣе, непонятнѣе. Каждый человѣкъ живетъ для себя, пользуется свободой для достиженія своихъ личныхъ цѣлей и чувствуетъ всѣмъ существомъ своимъ, что онъ можетъ сейчасъ сдѣлать или не сдѣлать такое-то дѣйствіе; но какъ скоро онъ сдѣлаетъ его, такъ дѣйствіе это, совершонное въ извѣстный моментъ времени, становится невозвратимымъ и дѣлается достояніемъ исторіи, въ которой оно имѣетъ не свободное, а предопредѣленное значеніе. Есть двѣ стороны жизни въ каждомъ человѣкѣ: жизнь личная, которая тѣмъ болѣе свободна, чѣмъ отвлеченнѣе ея интересы, и жизнь стихійная, роевая, гдѣ человѣкъ неизбѣжно исполняетъ предписанные ему законы. Человѣкъ сознательно живетъ для себя, но служитъ безсознательнымъ орудіемъ для достиженія историческихъ общечеловѣче-

скихъ цѣлей. Совершонный поступокъ невозвратимъ, и дѣйствіе его, совпадая во времени съ милліонами дѣйствій другихъ людей, получаетъ историческое значеніе. Чѣмъ выше стоитъ человѣкъ на общественной лѣстницѣ, чѣмъ съ бо́льшими людьми онъ связанъ, тѣмъ больше власти онъ имѣетъ на другихъ людей, тѣмъ очевиднѣе предопредѣленность и неизбѣжность всякаго его поступка. Въ историческихъ событіяхъ такъ-называемые великіе люди суть ярлыки, дающіе наименованіе событію, которые такъ же, какъ ярлыки, менѣе всего имѣютъ связи съ самымъ событіемъ. Каждое дѣйствіе ихъ, кажущееся имъ произвольнымъ для самихъ себя, въ историческомъ смыслѣ непроизвольно, а находится въ связи со всѣмъ ходомъ исторіи и опредѣлено предвѣчно.

[1863—1869. VII—811].

Для человѣческаго ума непонятна абсолютная непрерывность движенія. Человѣку становятся понятны законы какого бы то ни было движенія только тогда, когда онъ разсматриваетъ произвольно взятыя единицы этого движенія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ изъ этого-то произвольнаго дѣленія непрерывнаго движенія на прерывныя единицы, проистекаетъ большая часть человѣческихъ заблужденій. Движеніе человѣчества, вытекая изъ безчисленнаго количества людскихъ произволовъ, совершается непрерывно. Постиженіе законовъ этого движенія есть цѣль исторіи. Но для того, что бы постигнуть законы непрерывнаго движенія суммы всѣхъ произволовъ людей, умъ человѣческій допускаетъ произвольныя, прерывныя единицы. Первый пріемъ исторіи состоитъ въ томъ, что бы, взявъ произвольный рядъ непрерывныхъ событій, разсматривать его отдѣльно отъ другихъ, тогда

какъ нѣтъ и не можетъ быть начала никакого событія, а всегда одно событіе непрерывно вытекаетъ изъ другаго. Второй пріемъ состоитъ въ томъ, чтобы разсматривать дѣйствія одного человѣка, царя, полководца, какъ сумму произволовъ людей, тогда какъ сумма произволовъ людскихъ никогда не выражается въ дѣятельности одного историческаго лица. Историческая наука въ движеніи своемъ постоянно принимаетъ все меньшія и меньшія единицы для разсмотрѣнія, и этимъ путемъ стремится приблизиться къ истинѣ. Но какъ ни мелки единицы, которыя принимаетъ исторія, мы чувствуемъ, что допущеніе единицы, отдѣленной отъ другой, допущеніе начала какого-нибудь явленія и допущеніе того, что произволы всѣхъ людей выражаются въ дѣйствіяхъ одного историческаго лица, ложны сами въ себѣ. Только допустивъ безконечно-малую единицу для наблюденія — дифференціалъ исторіи, т. е. однородныя влеченія людей, и достигнувъ искусства интегрировать (брать суммы этихъ безконечно-малыхъ), мы можемъ надѣяться на постигновеніе законовъ исторіи.

[1864—1869. VII—370 2].

Каждому администратору въ спокойное, не бурное время, кажется, что только его усиліями движется все ему подвѣдомственное народонаселеніе, и въ этомъ сознаніи своей необходимости, каждый администраторъ чувствуетъ главную награду за свои труды и усилія. Понятно, что до тѣхъ поръ, пока историческое море спокойно, правителю - администратору, съ своею утлою лодочкой упирающемуся шестомъ въ корабль народа и самому двигающемуся, должно казаться, что его усиліями двигается корабль, въ который онъ упирается. Но стоитъ подняться

бурѣ, взволноваться морю и двинуться самому кораблю, и тогда ужъ заблужденіе невозможно. Корабль идетъ своимъ громаднымъ, независимымъ ходомъ, шестъ не достаетъ до двинувшагося корабля, и правитель вдругъ изъ положенія властителя, источника силы, переходитъ въ ничтожнаго, безполезнаго и слабаго человѣка.

[Id. [illegible]].

Для человѣческаго ума недоступна совокупность причинъ явленій. Но потребность отыскивать причины вложена въ душу человѣка. И человѣческій умъ, не вникнувши въ безчисленность и сложность условій явленій, изъ которыхъ каждое отдѣльно можетъ представляться причиною, хватается за первое, самое понятное сближеніе и говоритъ: вотъ причина. Въ историческихъ событіяхъ (гдѣ предметомъ наблюденія суть дѣйствія людей) самымъ первобытнымъ сближеніемъ представляется воля боговъ, потомъ воля тѣхъ людей, которые стоятъ на самомъ видномъ историческомъ мѣстѣ — историческихъ героевъ. Но стоитъ только вникнуть въ сущность каждаго историческаго событія, т. е. въ дѣятельность всей массы людей, участвовавшихъ въ событіи, чтобы убѣдиться, что воля историческаго героя не только не руководитъ дѣйствіями массъ, но сама постоянно руководима.

[Id. VIII—93].

Слова случай и геній не обозначаютъ ничего дѣйствительно существующаго, и потому не могутъ быть опредѣлены. Слова эти только обозначаютъ извѣстную степень пониманія явленія. Я не знаю, почему происходитъ такое-то явленіе; думаю, что не могу знать, — потому не хочу знать и говорю: слу-

чай. Я вижу силу, производящую несоразмѣрное съ общечеловѣческими свойствами дѣйствіе; не понимаю, почему это происходитъ и говорю: геній.

[Id. 334].

Только отрѣшившись отъ знанія близкой понятной цѣли и признавъ, что конечная цѣль намъ недоступна, мы увидимъ цѣлесообразность въ жизни историческихъ лицъ; намъ откроется причина того несоразмѣрнаго съ общечеловѣческими свойствами дѣйствія, которое они производятъ, и не нужны будутъ намъ слова случай и геній.

[Id. 335].

Единственное понятіе, посредствомъ котораго можетъ быть объяснено движеніе народовъ, есть понятіе силы равной всему движенію народовъ. Между тѣмъ подъ понятіемъ этимъ разумѣются различными историками совершенно различныя, и всѣ неравныя видимому движенію, силы. Одни видятъ въ немъ силу, непосредственно присущую героямъ; другіе—силу производную изъ другихъ нѣкоторыхъ силъ, третьи—умственное вліяніе....

До тѣхъ поръ, пока пишутся исторіи отдѣльныхъ лицъ,—будь они Кесари, Александры или Лютеры и Вольтеры, а не исторіи всѣхъ, безъ одного исключенія, всѣхъ людей, принимающихъ участіе въ событіи, нѣтъ никакой возможности описывать движеніе человѣчества безъ понятія о силѣ, заставляющей людей направлять свою дѣятельность къ одной цѣли. И единственное извѣстное историкамъ такое понятіе есть власть.

Понятіе это есть единственная ручка, посредствомъ которой можно владѣть матеріаломъ исторіи при теперешнемъ ея изложеніи, и тотъ, кто отло-

милъ бы эту ручку, какъ то сдѣлалъ Бокль, не узнавъ другаго пріема обращенія съ историческимъ матеріаломъ, только лишилъ-бы себя послѣдней возможности обращаться съ нимъ. Неизбѣжность понятія о власти, для объясненія историческихъ явленій, лучше всего доказываютъ сами общіе историки и историки культуры, мнимо отрѣшающіеся отъ понятія о власти и неизбѣжно на каждомъ шагу употребляющіе его.

[II. 128/9].

Не говоря о томъ, что безъ понятія власти не можетъ обойтись ни одно описаніе совокупной дѣятельности людей, существованіе власти доказывается какъ исторіею, такъ и наблюденіемъ современныхъ событій. Всегда, когда совершается событіе, является человѣкъ или люди, по волѣ которыхъ событіе представляется совершившимся. Наполеонъ III предписываетъ, и французы идутъ въ Мексику. Прусскій король и Бисмаркъ предписываютъ, и войска идутъ въ Богемію. Наполеонъ I приказываетъ, и войска идутъ въ Россію. Александръ I приказываетъ, и французы покоряются Бурбонамъ. Опытъ показываетъ намъ, что какое бы ни совершилось событіе, оно всегда связано съ волею одного или нѣсколькихъ лицъ, которыя его приказали. Власть, съ точки зрѣнія опыта, есть только зависимость, существующая между выраженіемъ воли лица и исполненіемъ этой воли другими людьми.

[Id. 441/2].

Отношеніе приказывающаго къ тѣмъ, кому онъ приказываетъ и есть именно то, что называется властью. Отношеніе это состоитъ въ слѣдующемъ: Для общей дѣятельности, люди складываются всегда

въ извѣстныя соединенія, въ которыхъ, не смотря на различіе цѣли, поставленной для совокупнаго дѣйствія, отношеніе между людьми, участвующими въ дѣйствіи, всегда бываетъ одинакогое. Складываясь въ эти соединенія, люди всегда становятся между собой въ такое отношеніе, что наибольшее количество людей принимаетъ наибольшее прямое участіе и наименьшее количество людей — наименьшее прямое участіе въ томъ совокупномъ дѣйствіи, для котораго они складываются. Изъ всѣхъ тѣхъ соединеній, въ которыя складываются люди для совершенія совокупныхъ дѣйствій, одно изъ самыхъ рѣзкихъ и опредѣленныхъ есть войско. Всякое войско составляется изъ низшихъ по военному званію членовъ: рядовыхъ, которыхъ всегда самое большое количество, изъ слѣдующихъ по военному званію болѣе высшихъ чиновъ капраловъ, унтеръ-офицеровъ, которыхъ число меньше перваго, еще высшихъ, число которыхъ еще меньше и т. д. до высшей военной власти, которая сосредоточивается въ одномъ лицѣ. Военное устройство можетъ быть совершенно точно выражено фигурой конуса, въ которомъ основаніе съ самымъ большимъ діаметромъ будутъ составлять рядовые; высшее, меньшее основаніе, — высшіе чины арміи и т. д. до вершины конуса, точку которой будетъ составлять полководецъ. Тоже отношеніе лицъ между собою обозначается во всякомъ соединеніи людей для общей дѣятельности, — въ земледѣліи, торговлѣ и во всякомъ управленіи. И такъ, не раздѣляя искусственно всѣхъ сливающихся точекъ конуса и чиновъ арміи, или званій и положеній какого бы то ни было управленія, или общаго дѣла, отъ низшихъ до высшихъ, обозначается законъ, по которому

люди для совершенія совокупныхъ дѣйствій слагаются всегда между собой, въ такомъ отношеніи, что чѣмъ непосредственнѣе люди участвуютъ въ совершеніи дѣйствія, тѣмъ менѣе они могутъ приказывать и тѣмъ ихъ большее число; и что чѣмъ меньше то прямое участіе, которое люди принимаютъ въ самомъ дѣйствіи, тѣмъ они больше приказываютъ и тѣмъ число ихъ меньше: такимъ образомъ, восходя отъ низшихъ слоевъ до одного послѣдняго человѣка, принимающаго наименьшее прямое участіе въ событіи и болѣе всѣхъ направляющаго свою дѣятельность на приказываніе. Это-то отношеніе лицъ приказывающихъ къ тѣмъ, которымъ они приказываютъ, и составляетъ сущность понятія, называемаго властью.

[Id. 446/8].

Постепенность представленія о большей или меньшей свободѣ и необходимости зависитъ отъ большаго или меньшаго промежутка времени, отъ совершенія поступка до сужденія о немъ. Если я разсматриваю поступокъ, совершонный мной минуту тому назадъ, при приблизительно тѣхъ же самыхъ условіяхъ, при которыхъ я нахожусь теперь, мой поступокъ представляется мнѣ несомнѣнно свободнымъ. Но если я обсуживаю поступокъ, совершонный мѣсяцъ тому назадъ, то, находясь въ другихъ условіяхъ, я невольно признаю, что если-бы поступокъ этотъ не былъ совершенъ, — многое полезное, пріятное и даже необходимое, вытекшее изъ этого поступка, не имѣло бы мѣста. Если я перенесусь воспоминаніемъ къ поступку еще болѣе отдаленному, за 10 лѣтъ и далѣе, то послѣдствія моего поступка представятся мнѣ еще очевиднѣе, и мнѣ трудно бу-

деть представить себѣ, что бы было, если-бы не было поступка. Чѣмъ дальше назадъ буду переноситься я воспоминаніями, или, что̀ то же самое, впередъ сужденіемъ, тѣмъ разсужденіе мое о свободѣ поступка будетъ становиться сомнительнѣе. Точно туже прогрессію убѣдительности объ участіи свободной воли на общія дѣла человѣчества мы находимъ и въ исторіи. Совершившееся современное событіе представляется намъ несомнѣнно произведеніемъ всѣхъ извѣстныхъ людей; но въ событіи болѣе отдаленномъ мы видимъ уже его неизбѣжныя послѣдствія, помимо которыхъ мы ничего другаго не можемъ представить. И чѣмъ дальше переносимся мы назадъ въ разсматриваніи событій, тѣмъ менѣе они намъ представляются произвольными.

[Id. 463/4].

Когда мы совершенно не понимаемъ причины поступка: въ случаѣ-ли злодѣйства, добродѣтели или даже безразличнаго по добру и злу поступка, мы въ такомъ поступкѣ признаемъ наибольшую долю свободы. Въ случаѣ злодѣйства, мы болѣе всего требуемъ за такой поступокъ наказанія; въ случаѣ добродѣтели, болѣе всего цѣнимъ такой поступокъ. Въ безразличномъ случаѣ признаемъ наибольшую индивидуальность, оригинальность, свободу. Но если хоть одна изъ безчисленныхъ причинъ извѣстна намъ, мы признаемъ уже извѣстную долю необходимости и менѣе требуемъ возмездія за преступленіе, менѣе признаемъ заслуги въ добродѣтельномъ поступкѣ, менѣе свободы въ казавшемся оригинальномъ поступкѣ. [Id. 465/6].

И такъ, представленіе наше о свободѣ и необходимости постепенно уменьшается и увеличивается,

смотря по большей или меньшей связи съ внѣшнимъ міромъ, по большему или меньшему отдаленію времени и большей или меньшей зависимости отъ причинъ, въ которыхъ мы разсматриваемъ явленіе жизни человѣка. Такъ что если мы разсматриваемъ такое положеніе человѣка, въ которомъ связь съ внѣшнимъ міромъ наиболѣе извѣстна, періодъ времени сужденія отъ времени совершенія поступка наибольшій, и причины поступка наидоступнѣйшія, то мы получаемъ представленіе о наибольшей необходимости и наименьшей свободѣ. Если же мы разсматриваемъ человѣка въ наименьшей зависимости отъ внѣшнихъ условій; если дѣйствіе его совершено въ ближайшій моментъ къ настоящему, и причины его дѣйствія намъ недоступны, то мы получимъ представленіе о наименьшей необходимости и наибольшей свободѣ. Но ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ, какъ бы мы ни измѣняли нашу точку зрѣнія, какъ бы ни уясняли ту связь, въ которой находится человѣкъ съ внѣшнимъ міромъ, или какъ бы ни доступна она намъ казалась, какъ бы ни удлиняли или укорачивали періодъ времени, какъ бы понятны или непостижимы ни были для насъ причины, мы никогда не можемъ себѣ представить ни полной свободы, ни полной необходимости.

[Id. 467/8].

Какъ только нѣтъ свободы, нѣтъ и человѣка. И потому представленіе о дѣйствіи человѣка, подлежащемъ одному закону необходимости, безъ малѣйшаго остатка свободы, такъ же невозможно, какъ и представленіе о вполнѣ свободномъ дѣйствіи человѣка. И такъ, для того, чтобы представить себѣ дѣйствіе человѣка, подлежащее одному закону необхо-

димости, безъ свободы, мы должны допустить знаніе безконечнаго количества пространственныхъ условій безконечно великаго періода времени и безконечнаго ряда причинъ. Для того, чтобы представить себѣ человѣка совершенно свободнаго, не подлежащаго закону необходимости, мы должны представить его себѣ одного внѣ пространства, внѣ времени и внѣ зависимости отъ причинъ.

[Id. 470/1].

Все, что мы знаемъ о жизни людей, есть только извѣстное отношеніе свободы къ необходимости, т. е. сознанія къ законамъ разума. Все, что мы знаемъ о внѣшнемъ мірѣ природы, есть только извѣстное отношеніе силъ природы къ необходимости, или сущности жизни къ законамъ разума. Силы жизни природы лежатъ внѣ насъ и не сознаваемы нами, и мы называемъ эти силы тяготѣніемъ, инерціей, электричествомъ, животною силой и т. д., но сила жизни человѣка сознаваема нами, и мы называемъ ее свободой. Всякое знаніе есть только подведеніе сущности жизни подъ законы разума. Въ наукахъ опытныхъ то, что извѣстно намъ, мы называемъ законами необходимости; то что неизвѣстно намъ мы называемъ жизненною силой. Жизненная сила есть только выраженіе неизвѣстнаго остатка отъ того, что мы знаемъ о сущности жизни. Точно такъ же въ исторіи, то, что извѣстно намъ, мы называемъ законами необходимости; то, что неизвѣстно — свободой. Свобода для исторіи есть только выраженіе неизвѣстнаго остатка отъ того, что мы знаемъ о законахъ жизни человѣка.

[Id. 472/4].

Образованіе, воспитаніе, просвѣщеніе. Ученіе.— Наука и искусство.

Всякое ученіе должно быть только отвѣтомъ на вопросъ, возбужденный жизнію.

[1862. IV—14].

Вездѣ главная часть образованія народа пріобрѣтается не изъ школы, а изъ жизни.

[Id. 24]

Чтобъ образовывающему знать что хорошо и что дурно, образовывающійся долженъ имѣть полную власть выразить свое неудовольствіе, или по крайней мѣрѣ уклониться отъ того образованія, которое по инстинкту не удовлетворяетъ его: критеріумъ педагогики есть только одинъ—свобода.

[Id. 29].

Наше мнимое знаніе законовъ добра и зла и, на основаніи ихъ, дѣятельность на молодое поколѣніе есть, большею частью, противодѣйствіе развитію новаго сознанія, не выработаннаго еще нашимъ поколѣніемъ, а вырабатывающагося въ молодомъ поколѣніи, есть препятствіе, а не пособіе образованію.

Образованіе, въ самомъ общемъ смыслѣ, обнимающее и воспитаніе, по нашему убѣжденію, есть та дѣятельность человѣка, которая имѣетъ основаніемъ потребность къ равенству и неизмѣнный законъ движенія впередъ образованія. Мать учитъ ребенка своего говорить только для того, чтобы понимать другъ друга, мать инстинктомъ пытается спуститься до его взгляда на вещи, до его языка, но законъ движенія впередъ образованія не позволяетъ ей спуститься до него, а его заставляетъ подняться до ея знанія. То же отношеніе существуетъ между писателемъ и читателемъ, то же между школой и ученикомъ, то же

между правительствомъ и обществами, и народомъ. Дѣятельность образовывающаго имѣетъ одну и ту же цѣль.

[Id. 30/1].

Я твердо убѣжденъ и умозаключеніями и опытами, что школа всегда обезпечена противъ вредныхъ вліяній контролемъ родителей и чувствомъ справедливости учениковъ.

[Id. 84].

Воспитаніе есть воздѣйствіе одного человѣка на другаго съ цѣлью заставить воспитываемаго усвоить извѣстныя нравственныя привычки. Преподаваніе есть передача свѣдѣній одного человѣка другому Ученіе, оттѣнокъ преподаванія, есть воздѣйствіе одного человѣка на другаго съ цѣлью заставить ученика усвоить извѣстныя физическія привычки. Преподаваніе и ученіе суть средства образованія, когда они свободны, и средства воспитанія, когда ученіе насильственно и когда преподаваніе исключительно, то есть преподаются только тѣ предметы, которые воспитатель считаетъ нужными. Воспитаніе есть принудительное, насильственное воздѣйствіе одного лица на другое съ цѣлью образовать такого человѣка, который намъ кажется хорошимъ; а образованіе есть свободное отношеніе людей, имѣющее своимъ основаніемъ потребность одного пріобрѣтать свѣдѣнія, а другаго — сообщать уже пріобрѣтенное имъ. Воспитаніе есть стремленіе одного человѣка сдѣлать другаго такимъ же, каковъ онъ самъ.

[Id. 11 3/5].

Если существуетъ вѣками такое ненормальное явленіе, какъ насиліе въ образованіи, воспитаніи, то причины этого явленія должны корениться въ чело-

вѣческой природѣ. Причины эти я вижу: 1) въ семействѣ, 2) въ религіи, 3) въ государствѣ и 4) въ обществѣ. Первая причина состоитъ въ томъ, что отецъ и мать, какіе бы они ни были, желаютъ сдѣлать своихъ дѣтей такими же, какъ они сами, или по крайней мѣрѣ такими, какими бы они желали быть сами. Стремленіе это такъ естественно, что нельзя возмущаться противъ него. До тѣхъ поръ, пока право свободнаго развитія каждой личности не вошло въ сознаніе каждаго родителя, нельзя требовать ничего другаго. Кромѣ того, родители болѣе всякаго другаго будутъ зависѣть отъ того, чѣмъ сдѣлается ихъ сынъ; такъ что стремленіе ихъ воспитать его по-своему можетъ назваться если не справедливымъ, то естественнымъ. Вторая причина, порождающая явленіе воспитанія, есть религія. Какъ скоро человѣкъ твердо вѣритъ, что человѣкъ, не признающій его ученія, не можетъ быть спасенъ и губитъ свою душу на вѣки, онъ не можетъ не желать, хотя насильно, обратить и воспитать каждаго ребенка въ своемъ ученіи. Повторяю еще разъ: религія есть единственное законное и разумное основаніе воспитанія. Третья, и самая существенная, причина воспитанія заключается въ потребности правительствъ воспитать такихъ людей, какіе имъ нужны для извѣстныхъ цѣлей. Если бы не было слугъ правительству, не было бы правительства; если бы не было правительства, не было бы государства. Стало быть и эта причина имѣетъ неоспоримыя оправданія. Четвертая причина, наконецъ, лежитъ въ потребности общества.

[Id. 119/21].

Публичныя лекціи, музеумы суть лучшіе образцы школъ безъ вмѣшательства въ воспитаніе. Если мнѣ

скажутъ, что такое невмѣшательство, возможное для высшихъ заведеній и взрослыхъ людей, невозможно для низшихъ и малолѣтнихъ, потому что мы не видимъ тому примѣровъ — публичныхъ лекцій для дѣтей и т. п., — я отвѣчу, что если мы не станемъ слишкомъ частно понимать слово школа, то мы для низшей степени знанія и для низшихъ возрастовъ найдемъ много свободно-образовательныхъ вліяній безъ вмѣшательства въ воспитаніе, соотвѣтствующихъ высшимъ заведеніямъ и публичнымъ лекціямъ. Таковы выучиванья грамотѣ отъ товарищей и братьевъ, таковы народныя дѣтскія игры, таковы публичныя зрѣлища, райки и т. п.

[Id. 151/2].

Говорятъ, наука носитъ въ себѣ воспитательный элементъ: это справедливо и не справедливо, и въ этомъ положеніи лежитъ основная ошибка существующаго парадоксальнаго взгляда на воспитаніе. Наука есть наука и ничего не носитъ въ себѣ. Воспитательный же элементъ лежитъ въ преподаваніи наукъ, въ любви учителя къ своей наукѣ и въ любовной передачѣ ея, въ отношеніи учителя къ ученику. Хочешь наукой воспитать ученика, люби свою науку и знай ее, и ученики полюбятъ и тебя, и науку, и ты воспитаешь ихъ; но самъ не любишь ея, то сколько бы ты ни заставлялъ учить, наука не произведетъ воспитательнаго вліянія.

[Id. 157].

Кромѣ главнаго основанія всякаго образованія, вытекающаго изъ самой сущности дѣятельности образованія — стремленія къ равенству знанія, въ гражданскомъ обществѣ сложились другія причины, побуждающія къ образованію. Эти причины кажутся

столь настоятельными, что педагоги имѣютъ въ виду только ихъ, упуская изъ виду главное основаніе. Разсматривая теперь только дѣятельность образовывающагося, мы найдемъ много кажущихся оснований къ образованію, кромѣ того существеннаго, которое мы высказали. Эти основанія, признаваемыя всѣми, могутъ быть подведены подъ три главные разряда: 1) ученіе на основаніи послушанія, 2) ученіе на основаніи самолюбія и 3) ученіе на основаніи матеріальныхъ выгодъ и честолюбія. И въ самомъ дѣлѣ, на основаніи этихъ трехъ разрядовъ строились и строятся различныя педагогическія школы: протестантскія — на послушаніи, католическія іезуитскія — на основаніи соревнованія и самолюбія, наши россійскія — на основаніи матеріальныхъ выгодъ, гражданскихъ преимуществъ и честолюбія. Разсмотримъ теперь дѣятельность образовывающаго. Точно также какъ и въ первомъ случаѣ, наблюдая это явленіе въ гражданскомъ обществѣ, мы найдемъ много разнообразныхъ причинъ этой дѣятельности. Причины эти можно подвести подъ слѣдующіе разряды: первое и главное — желаніе сдѣлать людей такими, которые бы были для насъ полезны. Второе — то же послушаніе и матеріальныя выгоды, которыя заставляютъ ученика университета за извѣстное вознагражденіе учить дѣтей по извѣстной программѣ. Третье — самолюбіе, побуждающее человѣка учить, чтобы высказать свое знаніе, и четвертое — желаніе сдѣлать другихъ людей участниками въ своихъ интересахъ, передать имъ свои убѣжденія и съ этого цѣлію передать имъ свои знанія. Мнѣ кажется, что подъ эти четыре разряда подходитъ вся дѣятельность образовывающаго — отъ дѣятельности матери, учащей го-

ворить своего ребенка, и гувернера, за извѣстную плату обучающаго французскому языку, до профессора и писателя.

[Id. 195/8].

Мнѣ кажется, что книга дѣтства рода человѣческаго всегда будетъ лучшею книгою дѣтства всякаго человѣка.

[Id.—317].

Для того, чтобъ открыть ученику новый міръ и безъ знанія заставить его полюбить знаніе, нѣтъ книги кромѣ Библіи. Нѣтъ, по крайней мѣрѣ, я не знаю произведенія, которое бы соединяло въ себѣ въ столь сжатой поэтической формѣ всѣ тѣ стороны человѣческой мысли, какія соединяетъ въ себѣ Библія.

[Id. 320].

На мѣсто учащихся дѣтей въ дѣлѣ народной школы становятся ихъ родители, то-есть требованія народа. Требованія эти не только опредѣленны, совершенно ясны, вездѣ во всей Россіи одинаковы, но они такъ разумны и такъ широки, что включаютъ въ себя всѣ самыя разнородныя требованія людей, спорящихъ о томъ, чему нужно учить народъ. Требованія эти слѣдующія: знаніе русской и славянской грамоты и счетъ. Народъ вездѣ одинаково, несомнѣнно и исключительно опредѣляетъ для своего образованія эту программу, и всегда и вездѣ ею удовлетворяется; всякія же естественныя исторіи, географіи и исторіи (кромѣ священной), всякое наглядное обученіе народъ вездѣ и всегда считаетъ безполезными пустяками. Программа замѣчательна не одинимъ единомысліемъ и твердою опредѣленностью, но, по моему мнѣнію, широтою своихъ требованій и вѣрностью

взгляда. Народъ допускаетъ двѣ области знанія, самыя точныя и не подверженныя колебаніямъ отъ различныхъ взглядовъ, — языки и математику, а все остальное считаетъ пустяками.

[1885. IV—419/20].

Такъ называемое раздѣленіе труда, ставшее въ наше время условіемъ дѣятельности людей науки и искусства, было и осталось главной причиной медленнаго движенія впередъ человѣчества.

[XII—[illegible]].

Наука и искусство также необходимы для людей, какъ пища, и питье, и одежда, даже необходимѣе; но они дѣлаются таковыми не потому, что мы рѣшимъ, что то, что мы называемъ наукой и искусствомъ — необходимо, а только потому, что они дѣйствительно необходимы людямъ.

[Id. 408].

Безъ науки о томъ, въ чемъ назначеніе и благо человѣка, не можетъ быть никакой науки, ибо предметовъ наукъ безчисленное количество; и безъ знанія того, въ чемъ состоитъ назначеніе и благо всѣхъ людей, нѣтъ возможности выбора въ этомъ безконечномъ количествѣ предметовъ, и потому безъ этого знанія всѣ остальныя знанія и искусства становятся, какъ они и сдѣлались у насъ, праздной и вредной забавой.

[Id. 411].

Искусство во всѣхъ народахъ существовало и существуетъ до тѣхъ поръ, пока то, что̀ теперь у насъ презрительно называется религіей, считалось единой наукой. Въ нашемъ европейскомъ мірѣ пока была церковь, какъ ученіе о назначеніи и благѣ, и ученіе церкви считалось единой истинной наукой, искусство

служило церкви и было истинное искусство; но съ тѣхъ поръ, какъ искусство вышло изъ церкви и стало служить наукѣ, наука же служила чему попало, искусство потеряло свое значеніе, и, несмотря на заявляемыя по старой памяти права и на нелѣпое, доказывающее только потерю призванія, утвержденіе, что искусство служитъ искусству, оно сдѣлалось ремесломъ, доставляющимъ людямъ пріятное, и, какъ такое, неизбѣжно сливается съ хореграфическими, кулинарными, парикмахерскими и косметическими искусствами, производители которыхъ съ такимъ же правомъ называютъ себя артистами, какъ и поэты, живописцы и музыканты нашего времени.

[Id. 415/6].

И понятно, почему дѣятели нынѣшней науки и искусствъ не исполнили и не могутъ исполнить своего призванія. Они не исполняютъ его потому, что они изъ обязанностей своихъ сдѣлали права. Дѣятельность научная и художественная въ ея настоящемъ смыслѣ только тогда плодотворна, когда она не знаетъ правъ, а знаетъ однѣ обязанности. Только потому, что она всегда такова, что ея свойство быть таковою, и цѣнитъ человѣчество такъ высоко эту дѣятельность.

[Id. 419].

Истинной науки и истиннаго искусства есть два несомнѣнныхъ признака: первый, внутренній—тотъ, что служитель науки и искусства не для выгоды, а съ самоотверженіемъ будетъ исполнять свое призваніе; и второй, внѣшній—тотъ, что произведеніе его будетъ понятно всѣмъ людямъ, благо которыхъ оно имѣетъ въ виду.

[Id. 420].

Міръ лежитъ во злѣ и соблазнахъ. Если будешь описывать міръ, какъ онъ есть, то будешь описывать много лжи, и въ словахъ твоихъ не будетъ правды. Чтобы была правда въ томъ, что описываешь, надо писать не то, что есть, а то, что должно быть, описывать не правду того, что есть, а правду царствія Божія, которое близится къ намъ, но котораго еще нѣтъ. [Id. 740].

По какимъ признакамъ можно отличить благо отъ зла? Приверженцы науки и искусства обходятъ этотъ вопросъ. Они полагаютъ даже, что опредѣленіе блага невозможно и стоитъ внѣ науки и внѣ искусства. Благо вообще, говорятъ они, добро, красота — не могутъ быть опредѣлены. Но во всѣ времена человѣчество только и дѣлало въ своемъ движеніи впередъ, что опредѣляло добро и красоту. Добро и красота опредѣлены тысячи лѣтъ назадъ. Все, что вноситъ единеніе между людьми — есть благо и красота; все, что ихъ разъединяетъ — зло и уродство. Всѣ люди знаютъ это опредѣленіе, — оно запечатлѣно въ нашемъ сердцѣ. И такъ, если приверженцы науки и искусства дѣйствительно имѣютъ въ виду благо человѣчества, они должны двигать впередъ только тѣ науки и тѣ искусства, которыя ведутъ къ этой цѣли. [XIII—6/7].

Плоды истинной науки и истиннаго искусства суть плоды жертвы, а не плоды извѣстныхъ матеріальныхъ преимуществъ. [Id. 4].

Просвѣщеніе, не основанное на нравственной жизни, не было и никогда не будетъ просвѣщеніемъ, а будетъ всегда только затменіемъ и развращеніемъ. [Id. 93].

Я убѣдился, что лирическое стихотвореніе, какъ напримѣръ: „Я помню чудное мгновенье“,— произведенія музыки, какъ послѣдняя симфонія Бетховена, не такъ безусловно и всемірно хороши, какъ пѣсня о „Ванькѣ Клюшникѣ“ и напѣвъ „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ“, что Пушкинъ и Бетховенъ нравятся намъ не потому, что въ нихъ есть абсолютная красота, но потому, что мы такъ же испорчены, какъ Пушкинъ и Бетховенъ, потому что Пушкинъ и Бетховенъ одинаково льстятъ нашей уродливой раздражительности и нашей слабости. Какъ обыкновенно слышать до пошлости избитый парадоксъ, что для пониманія прекраснаго нужна извѣстная подготовка? Кто это сказалъ, почему, чѣмъ это доказано? Это только изворотъ, лазейка изъ безвыходнаго положенія, въ которое привела насъ ложность направленія, исключительная принадлежность одному классу нашего искусства. Почему красота солнца, красота человѣческаго лица, красота звуковъ народной пѣсни, красота поступка любви и самоотверженія доступны всякому и не требуютъ подготовки?

[1862. IV—356].

II.

1) Застѣнчивость.—Тщеславіе и гордость.—Сильная любовь и сильныя огорченія. — Мрачныя минуты. — Умъ человѣческій. — Счастіе. — Отвлеченныя мысли. — Молодость. — Благородныя слова и благородныя дѣла. — При приближеніи опасности. — Способность погружаться въ одинъ предметъ.— Любовь. — Величайшее благо для человѣка.—Несчастіе и зло людей.—Что дѣлать.—Страхъ смерти.—Страданія.—Два раздѣльныя существа въ человѣкѣ, и причина всемірнаго распространенія гашиша, опіума, вина и табака.—Ложь передъ самимъ собой.

Тѣ, которые испытали застѣнчивость, знаютъ, что чувство это увеличивается въ прямомъ отношеніи времени, а рѣшительность уменьшается въ обрат-

номъ отношеніи, то-есть, чѣмъ больше продолжается это состояніе, тѣмъ дѣлается оно непреодолимѣе и тѣмъ менѣе остается рѣшительности.

[1852. I—70].

Страданіе людей застѣнчивыхъ происходитъ отъ неизвѣстности о мнѣніи, которое о нихъ составили; какъ только мнѣніе это ясно выражено—какое бы оно ни было—страданіе прекращается.

[Id. 98].

Тщеславіе есть чувство самое несообразное съ истинною горестью, и вмѣстѣ съ тѣмъ чувство это такъ крѣпко привито къ натурѣ человѣка, что очень рѣдко даже самое сильное горе изгоняетъ его. Тщеславіе въ горести выражается желаніемъ казаться или огорченнымъ, или несчастнымъ, или твердымъ; и эти низкія желанія, въ которыхъ мы не признаемся, но которыя почти никогда—даже въ самой сильной печали—не оставляютъ насъ, лишаютъ ее силы, достоинства и искренности.

[Id. 130].

Только люди, способные сильно любить, могутъ испытывать и сильныя огорченія; но та же потребность любить служитъ для нихъ противодѣйствіемъ горести и исцѣляетъ ихъ. Отъ этого моральная природа человѣка еще живучѣе природы физической. Горе никогда не убиваетъ.

[Id. 132]

Бываютъ минуты, когда будущее представляется человѣку въ столь мрачномъ свѣтѣ, что онъ боится останавливать на немъ свои умственные взоры, прекращаетъ въ себѣ совершенно дѣятельность ума и старается убѣдить себя, что будущаго не будетъ и

прошедшаго не было. Въ такія минуты, когда мысль не обсуживаетъ впередъ каждаго опредѣленія воли, а единственными пружинами жизни остаются плотскіе инстинкты, я понимаю, что ребенокъ, по неопытности, особенно склонный къ тому состоянію, безъ малѣйшаго колебанія и страха, съ улыбкою любопытства, раскладываетъ и раздуваетъ огонь подъ собственнымъ домомъ, въ которомъ спятъ его братья, отецъ, мать, которыхъ онъ нѣжно любитъ.—Подъ вліяніемъ этого же временнаго отсутствія мысли,—разсѣянности почти, — крестьянскій парень лѣтъ семнадцати, осматривая лезвіе только-что отточеннаго топора подлѣ лавки, на которой лицомъ внизъ спитъ его старикъ-отецъ, вдругъ размахивается топоромъ и съ тупымъ любопытствомъ смотритъ, какъ сочится подъ лавку кровь изъ разрубленной шеи; подъ вліяніемъ этого же отсутствія мысли и инстинктивнаго любопытства, человѣкъ находитъ какое-то наслажденіе остановиться на самомъ краю обрыва и думать: а что, если туда броситься? или приставить ко лбу заряженный пистолетъ и думать: а что, ежели пожать гашетку? или смотрѣть на какое-нибудь важное лицо, къ которому все общество чувствуетъ подобострастное уваженіе, и думать: а что, ежели подойти къ нему, взять его за носъ и сказать: „а ну-ка, любезный, пойдемъ?“.

[1854. I—192/3].

Мнѣ кажется, что умъ человѣческій въ каждомъ отдѣльномъ лицѣ проходитъ въ своемъ развитіи по тому же пути, по которому онъ развивается и въ цѣлыхъ поколѣніяхъ, что мысли, служившія основаніемъ различныхъ философскихъ теорій, составляютъ нераздѣльныя части ума, но что каждый человѣкъ

болѣе или менѣе ясно сознавалъ ихъ еще прежде, чѣмъ зналъ о существованіи философскихъ теорій.

[Id. 213/4].

Разъ мнѣ пришла мысль, что счастіе не зависитъ отъ внѣшнихъ причинъ, а отъ нашего отношенія къ нимъ, что человѣкъ, привыкшій переносить страданія, не можетъ быть несчастливъ.

[Id. 214].

Отвлеченныя мысли образуются вслѣдствіе способности человѣка уловить сознаніемъ въ извѣстный моментъ состояніе души и перенести его въ воспоминаніе. [Id. 216].

Въ молодости всѣ силы души направлены на будущее, и будущее это принимаетъ такія разнообразныя, живыя и обворожительныя формы подъ вліяніемъ надежды, основанной не на опытности прошедшаго, а на воображаемой возможности счастія, что однѣ понятыя и раздѣленныя мечты о будущемъ счастіи составляютъ уже истинное счастіе этого возраста. [Id. 238].

Я изъ опыта жизни убѣдился въ томъ, какъ вредно думать, и еще вреднѣе говорить многое, кажущееся очень благороднымъ, но что должно навсегда быть спрятано отъ всѣхъ въ сердцѣ каждаго человѣка и въ томъ, что благородныя слова рѣдко сходятся съ благородными дѣлами. Я убѣжденъ въ томъ, что уже по одному тому, что хорошее намѣреніе высказано, трудно, даже большею частію невозможно, исполнить это хорошее намѣреніе.

[1855—1857. I—328].

При приближеніи опасности всегда два голоса одинаково сильно говорятъ въ душѣ человѣка: одинъ

весьма разумно говоритъ о томъ, что бы человѣкъ обдумалъ самое свойство опасности и средства для избавленія отъ нея; другой еще разумнѣе говоритъ, что слишкомъ тяжело и мучительно думать объ опасности, тогда какъ предвидѣть все и спастись отъ общаго хода дѣла не во власти человѣка, и потому лучше отвернуться отъ тяжелаго, до тѣхъ поръ, пока оно не наступило, и думать о пріятномъ. Въ одиночествѣ человѣкъ большею частію отдается первому голосу, въ обществѣ напротивъ — второму.

[1864—1869. VII—246.]

Извѣстно, что человѣкъ имѣетъ способность погружаться весь въ одинъ предметъ, какимъ бы онъ ни казался ничтожнымъ. И извѣстно, что нѣтъ такого ничтожнаго предмета, который бы при сосредоточенномъ вниманіи, обращенномъ на него, не разросся бы до безконечности.

[Id. VIII—7].

Есть три рода любви: 1) Любовь красивая. 2) Любовь самоотверженная и 3) Любовь дѣятельная. Я говорю не о любви молодаго мужчины къ молодой дѣвицѣ и наоборотъ, я боюсь этихъ нѣжностей, былъ такъ несчастливъ въ жизни, что никогда не видалъ въ этомъ родѣ любви ни одной искры правды, а только ложь, въ которой чувственность, супружескія отношенія, деньги, желанія связать или развязать себѣ руки, до того запутывали самое чувство, что ничего разобрать нельзя было. Я говорю про любовь къ человѣку, которая, смотря по большей или меньшей силѣ души, сосредоточивается на одномъ, на нѣкоторыхъ или изливается на многихъ, — про любовь къ матери, къ отцу, къ дѣтямъ, къ товарищу, къ подругѣ, къ соотечественнику, про любовь къ человѣку. Любовь

красивая заключается въ любви красоты самаго чувства и его выраженія. Для людей, которые такъ любятъ, — любимый предметъ любезенъ только на столько, на сколько онъ возбуждаетъ то пріятное чувство, сознаніемъ и выраженіемъ котораго они наслаждаются. Люди, которые любятъ красивою любовью, очень мало заботятся о взаимности, какъ объ обстоятельствѣ, не имѣющемъ никакого вліянія на красоту и пріятность чувства. Они часто перемѣняютъ предметы своей любви, такъ какъ ихъ главная цѣль состоитъ только въ томъ, чтобы пріятное чувство любви было постоянно возбуждаемо. Второго рода любовь — любовь самоотверженная, заключается въ любви къ процессу жертвованія собой для любимаго предмета, не обращая никакого вниманія на то, хуже или лучше отъ этихъ жертвъ любимому предмету. Люди, любящіе такъ, никогда не вѣрятъ взаимности (потому что еще достойнѣе жертвовать собою для того, кто меня не понимаетъ), всегда бываютъ болѣзненны, что тоже увеличиваетъ заслугу жертвъ; большею частію постоянны, потому что имъ тяжело бы было потерять заслугу тѣхъ жертвъ, которыя они сдѣлали любимому предмету; всегда готовы умереть для того, чтобы доказать ему, или ей, всю свою преданность, но пренебрегаютъ мелкими ежедневными доказательствами любви, въ которыхъ не нужно особенныхъ порывовъ самоотверженія. Имъ все равно, хорошо ли вы ѣли, хорошо ли спали, весело ли вамъ, здоровы ли вы, и они ничего не сдѣлаютъ, что бы доставить вамъ эти удобства, ежели они въ ихъ власти; но стать подъ пулю, броситься въ воду, въ огонь, зачахнуть отъ любви — на это они всегда готовы, ежели только

встрѣтится случай. Кромѣ того, люди, склонные къ любви самоотверженной, бываютъ всегда горды своею любовью, взыскательны, ревнивы, недовѣрчивы, и, странно сказать, желаютъ своимъ предметамъ опасностей, чтобъ избавлять ихъ отъ несчастій, чтобъ утѣшать, и даже пороковъ, чтобъ исправлять отъ нихъ. Третій родъ—любовь дѣятельная, заключается въ стремленіи удовлетворять всѣ нужды, всѣ желанія, прихоти, даже пороки любимаго существа. Люди, которые любятъ такъ, любятъ всегда на всю жизнь; потому что, чѣмъ больше они любятъ, тѣмъ больше узнаютъ любимый предметъ, и тѣмъ легче имъ любить, то есть удовлетворять его желанія. Любовь ихъ рѣдко выражается словами, и если выражается, то не только не самодовольно, красиво, но стыдливо, неловко, потому что они всегда боятся, что любятъ недостаточно. Люди эти любятъ даже пороки любимаго существа, потому что пороки эти даютъ имъ возможность удовлетворять еще новыя желанія. Они ищутъ взаимности, охотно даже обманывая себя, вѣрятъ въ нее, и счастливы, если имѣютъ ее, но любятъ все такъ же и даже и въ противномъ случаѣ, и не только желаютъ счастія для любимаго предмета, но всѣми тѣми моральными, и матеріальными, большими и мелкими средствами, которыя находятся въ ихъ власти, постоянно стараются доставить его.

[1855—1857. I—341/6].

Величайшее благо, которое только знаетъ человѣкъ, состояніе полнѣйшей свободы и счастія—есть состояніе самоотверженія и любви.

[XIII. -11].

Несчастіе и зло людей происходятъ не столько отъ того, что люди не знаютъ своихъ обязанностей,

сколько отъ того, что они признаютъ ложныя обязанности.

[Id. 98].

Человѣкъ, кромѣ жизни для своего личнаго блага, неизбѣжно долженъ служить и благу другихъ людей.

[1884—1885. XII—346].

Надо научить человѣка жить, т. е. меньше брать отъ другихъ, а больше давать; а мы не можемъ не научить его дѣлать обратное, возьмемъ-ли мы его въ свой домъ, или въ учрежденный для этого пріютъ.

[Id. 312].

Дѣлать добро и давать деньги—есть не только не одно и то же, но двѣ вещи совсѣмъ разныя и, большей частью, противоположныя. Деньги сами по себѣ зло. И потому, кто даетъ деньги, тотъ даетъ зло. Дѣлать добро—значитъ дѣлать то, что хорошо для человѣка. А чтобы узнать, что хорошо для человѣка, надо стать съ нимъ въ человѣческія, т. е. дружескія отношенія.

[1882. XII—257].

Что дѣлать? Что именно дѣлать? спрашиваютъ всѣ, и спрашивалъ и я, до тѣхъ поръ, пока, подъ вліяніемъ высокаго мнѣнія о своемъ призваніи, не видѣлъ того, что первое и несомнѣнное дѣло мое было то, чтобы кормиться, одѣваться, отопляться, обстроиваться и въ этомъ же самомъ служить другимъ, потому что, съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ міръ, въ этомъ самомъ состояла и состоитъ первая и несомнѣнная обязанность всякаго человѣка.

Если человѣкъ, живя одинъ, уволитъ себя отъ обязанности борьбы съ природой, онъ тотчасъ же казнится тѣмъ, что тѣло его погибаетъ. Если же человѣкъ уволитъ себя отъ этой обязанности, заставляя

другихъ людей исполнять ее, то онъ тотчасъ же казнится уничтоженіемъ разумной жизни, т. е. имѣющей разумный смыслъ.

[XII - 430].

Физическій трудъ не только не исключаетъ возможности умственной дѣятельности, не только улучшаетъ ея достоинство, но поощряетъ ее

[Id. 433].

День всякаго человѣка самой пищей раздѣляется на 4 части или 4 упряжки, какъ называютъ это мужики: 1) до завтрака; 2) отъ завтрака до обѣда; 3) отъ обѣда до полдника и 4) отъ полдника до вечера. Дѣятельность человѣка, въ которой онъ, по самому существу своему, чувствуетъ потребность, тоже раздѣляется на 4 рода: 1) дѣятельность мускульной силы, работа рукъ, ногъ, плечъ, спины тяжелый трудъ, отъ котораго вспотѣешь; 2) дѣятельность пальцевъ и кисти рукъ—дѣятельность ловкости мастерства; 3) дѣятельность ума и воображенія; 4) дѣятельность общенія съ другими людьми.

[Id. 440].

Вотъ какіе отвѣты я для себя нашелъ на вопросъ, что намъ дѣлать? Первое: не лгать передъ самимъ собой,—какъ бы ни далекъ былъ мой путь жизни отъ того истиннаго пути, который открываетъ мнѣ разумъ. Второе: отречься отъ сознанія своей правоты, своихъ преимуществъ, особенностей передъ другими людьми и признать себя виноватымъ. Третье: исполнять тотъ вѣчный несомнѣнный законъ человѣка,—трудомъ всего существа своего, не стыдясь никакого труда, бороться съ природою, для поддержанія жизни своей и другихъ людей.

[Id. 446].

Страхъ смерти всегда происходитъ въ людяхъ отъ того, что они страшатся потерять при плотской смерти свое особенное я, которое — они чувствуютъ — составляетъ ихъ жизнь. Я умру, тѣло разложится, и уничтожится мое *я*. *Я* же — это мое есть то, что жило въ моемъ тѣлѣ столько-то лѣтъ.

[XIII—38].

То, что соединяетъ въ одно всѣ разрозненныя сознанія, соединяющіяся въ свою очередь въ одно наше тѣло, есть нѣчто весьма опредѣленное, хотя и независимое отъ пространственныхъ и временныхъ условій, и вносится нами въ міръ изъ области внѣпространственной и внѣвременной; это-то *нѣчто* состоящее въ моемъ извѣстномъ, исключительномъ отношеніи къ міру, и есть мое настоящее и дѣйствительное *я*.

[Id. 43].

Люди всѣ въ глубинѣ души знаютъ, что всякія страданія всегда нужны, необходимы для блага ихъ жизни, и только потому продолжаютъ жить, предвидя ихъ или подвергаясь имъ. Возмущаются же они противъ страданій потому, что при ложномъ взглядѣ на жизнь, требующемъ блага только для своей личности, нарушеніе этого блага, не ведущее къ очевидному благу, должно представляться чѣмъ-то непонятнымъ и потому возмутительнымъ.

[Id. 69].

Безъ страданія нѣтъ наслажденія, — страданія и наслажденія суть два противоположныя состоянія, вызываемыя одно другимъ и необходимыя одно для другаго.

[Id. 70].

Страданіе, какое бы то ни было, человѣкъ сознаетъ всегда какъ послѣдствіе своего грѣха, какого

бы то ни было, и покаяніе въ своемъ грѣхѣ—какъ избавленіе отъ страданія и достиженіе блага.

[Id. 76].

Дѣятельность, направленная на непосредственное любовное служеніе страдающимъ и на уничтоженіе общихъ причинъ страданія, заблужденій, и есть та единственная радостная работа, которая предстоитъ человѣку и даетъ ему то неотъемлемое благо, въ которомъ состоитъ его жизнь. Страданіе это есть сознаніе противорѣчія между грѣховностью своею и всего міра: и не только возможностью, но обязанностью осуществленія не кѣмъ-нибудь, а мной самимъ всей истины въ жизни своей и всего міра.

[Id. 81].

Жизнь человѣка есть стремленіе къ благу, и то, къ чему онъ стремится, то и дано ему. Зло въ видѣ смерти и страданій видно человѣку, только когда онъ законъ своего плотскаго животнаго существованія принимаетъ за законъ своей жизни. Только когда онъ, будучи человѣкомъ, спускается на степень животнаго, только тогда онъ видитъ смерть и страданія. Смерть и страданія суть только преступленія человѣкомъ своего закона жизни. Для человѣка, живущаго по своему закону, нѣтъ смерти и нѣтъ страданія.

[Id. 82,3].

Въ періодъ сознательной жизни человѣкъ часто можетъ замѣтить въ себѣ два раздѣльныя существа: одно—слѣпое, чувственное, и другое—зрячее, духовное. Слѣпое животное существо ѣстъ, пьетъ, отдыхаетъ, спитъ, плодится и движется, какъ движется заведенная машина: зрячее духовное существо, связанное съ животнымъ, само ничего не дѣлаетъ, но

только оцѣниваетъ дѣятельность животнаго существа тѣмъ, что совпадаетъ съ нимъ, когда одобряетъ эту дѣятельность, и расходится съ нимъ, когда не одобряетъ ея. Зрячее духовное существо, проявленіе котораго въ просторѣчіи мы называемъ совѣстью, всегда показываетъ однимъ концомъ на добро, другимъ противоположнымъ на зло, и не видно намъ до тѣхъ поръ, пока мы не отклоняемся отъ даваемаго имъ направленія, т. е. отъ зла къ добру. Но стоитъ сдѣлать поступокъ противный направленію совѣсти, и появляется сознаніе духовнаго существа, указывающее отклоненіе животной дѣятельности отъ направленія, указываемаго совѣстью. Указанія своей совѣсти человѣкъ можетъ скрыть отъ себя двоякимъ способомъ: внѣшнимъ — отвлеченіемъ вниманія всякаго рода занятіями, заботами, забавами, играми, и внутреннимъ — засореніемъ самаго органа вниманія. Для людей съ тупымъ ограниченнымъ нравственнымъ чувствомъ часто вполнѣ достаточно внѣшнихъ отвлеченій для того, чтобы не видѣть указаній совѣсти о неправильности жизни. Но для людей нравственно чуткихъ средствъ этихъ часто недостаточно. Внѣшніе способы не вполнѣ отвлекаютъ вниманіе отъ сознанія разлада жизни съ требованіями совѣсти; сознаніе это мѣшаетъ жить; и люди, чтобъ имѣть возможность жить, прибѣгаютъ къ несомнѣнному внутреннему способу затемнѣнія самой совѣсти, состоящему въ отравленіи мозга одуряющими веществами. Не во вкусѣ, не въ удовольствіи, не въ развлеченіи, не въ веселья лежитъ причина всемірнаго распространенія гашиша, опіума, вина, табака, а только въ потребности скрыть отъ себя указанія совѣсти.

[1890. XIII—239,41].

Мы всѣ знаемъ, что значитъ лгать передъ людьми, но лжи передъ самими собой мы не боимся; а, между тѣмъ, самая худшая, прямая, обманная ложь передъ людьми ничто по своимъ послѣдствіямъ въ сравненіи съ той ложью передъ самимъ собой, на которой мы строимъ свою жизнь.

[XII.—423].

2) О правахъ женщинъ.

Толки и разсужденія о правахъ женщинъ, объ отношеніяхъ супруговъ, о свободѣ и правахъ ихъ, существуютъ только для тѣхъ людей, которые въ бракѣ видятъ одно удовольствіе, получаемое супругами другъ отъ друга, т. е. одно начало брака, а не все его значеніе, состоящее въ семьѣ. Разсужденія эти и теперешніе вопросы, подобные вопросамъ о томъ, какимъ образомъ получить какъ можно болѣе удовольствія отъ обѣда, не существуютъ для людей, для которыхъ цѣль обѣда есть питаніе, и цѣль супружества — семья. Если цѣль обѣда — питаніе тѣла, то тотъ, кто съѣстъ вдругъ два обѣда, достигнетъ можетъ быть большаго удовольствія, но не достигнетъ цѣли, ибо оба обѣда не переварятся желудкомъ. Если цѣль брака есть семья, то тотъ, кто захочетъ имѣть много женъ и мужей, можетъ быть, получитъ много удовольствія, но ни въ какомъ случаѣ не будетъ имѣть семьи. Весь вопросъ, ежели цѣль обѣда есть питаніе, а цѣль брака — семья, разрѣшается только тѣмъ, что бы не ѣсть больше того, что можетъ переварить желудокъ и не имѣть больше женъ и мужей, чѣмъ столько, сколько нужно для семьи, т. е. одной и одного.

[1864—1869. VIII—375/6].

Всегда было и будетъ то, что мужчина, проводящій большую часть своей жизни въ свойственномъ ему многообразномъ физическомъ и умственномъ общественномъ трудѣ, и женщина, проводящая большую часть своей жизни въ свойственномъ исключительно ей трудѣ — рожденія, кормленія и возращенія дѣтей, будутъ одинаково чувствовать, что они дѣлаютъ то, что должно, и будутъ одинаково возбуждать уваженіе и любовь другихъ людей, потому что оба исполняютъ свое то, что предназначено имъ по ихъ природѣ.

[XII—468].

Мужчина, для исполненія воли Бога, долженъ служить ему и въ области физическаго труда, и мысли, и нравственности: онъ всѣми этими дѣлами можетъ исполнить свое назначеніе. Для женщины средства служенія Богу суть преимущественно и почти исключительно (потому что кромѣ нея никто не можетъ этого сдѣлать)—дѣти. Только черезъ дѣла свои призванъ служить Богу и людямъ мужчина, только черезъ дѣтей своихъ призвана служить женщина.

[Id. 469].

Идеальная женщина, по мнѣ, будетъ та, которая, усвоивъ высшее міросозерцаніе того времени, въ которомъ она живетъ, отдается своему женскому, непреодолимо вложенному въ нее призванію, — родитъ, выкормитъ и воспитаетъ наибольшее количество дѣтей, способныхъ работать для людей, по усвоенному ей міросозерцанію. Для того же, что бы усвоить себѣ высшее міросозерцаніе, мнѣ кажется, нѣтъ надобности посѣщать курсы, а нужно только прочесть Евангеліе и не закрывать глазъ, ушей и, главное, сердца.

[Id. 470/1].

III.

Разлюбить и полюбить.—Дѣти.—Вліяніе въ свѣтѣ.—Лесть.—Предположенія.—Семьи.—Недовольный человѣкъ.—Критика.

Въ одно и тоже время разлюбить и полюбить значить полюбить вдвое сильнѣе, чѣмъ прежде.

[1852. I—107].

Никто такъ часто не выдумываетъ новыхъ словъ, какъ дѣти. [1862. IV—294].

Вліяніе въ свѣтѣ есть капиталъ, который надо беречь, чтобъ онъ не исчезъ.

[1864—1869. V—25].

Въ самыхъ лучшихъ, дружескихъ и простыхъ отношеніяхъ лесть или похвала необходимы, какъ подмазка необходима для колесъ, чтобъ они ѣхали.

[Id. 45/6].

Объ исходѣ каждаго совершающагося событія всегда бываетъ столько предположеній, что, чѣмъ бы оно ни кончилось, всегда найдутся люди, которые скажутъ: „Я тогда еще сказалъ, что это такъ будетъ", забывая совсѣмъ, что въ числѣ безчисленныхъ предположеній были дѣлаемы и совершенно противоположныя. [Id. VII—141].

Всѣ счастливыя семьи похожи другъ на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по своему.

[1873—1876. IX—5].

Трудно человѣку недовольному не упрекать кого нибудь другаго, и того самаго, кто ближе всего ему, въ томъ, въ чемъ онъ недоволенъ.

[1873—1876. X—381].

Критика тогда только плодотворна, когда она, осуждая, указываетъ на то, чѣмъ бы должно было быть то, что дурно. [1885. IV—412].

VI.

Три типа русскихъ солдатъ.—Духъ русскаго солдата.

Въ Россіи есть три преобладающіе типа солдатъ, подъ которые подходятъ солдаты всѣхъ войскъ: кавказскихъ, армейскихъ, гвардейскихъ, пѣхотныхъ, кавалерійскихъ, артиллерійскихъ и т. д. Главные эти типы, со многими подраздѣленіями и соединеніями, слѣдующіе: 1) покорныхъ, 2) начальствующихъ и 3) отчаянныхъ. Покорные подраздѣляются на а) покорныхъ хладнокровныхъ и в) покорныхъ хлопотливыхъ. Начальствующіе подраздѣляются на а) начальствующихъ суровыхъ и в) начальствующихъ политичныхъ. Отчаянны подраздѣляются на а) отчаянныхъ забавниковъ и в) отчаянныхъ развратныхъ. Чаще другихъ встрѣчающійся типъ,—типъ болѣе милый, симпатичный и большею частью соединенный съ лучшими христіанскими добродѣтелями: кротостью, набожностью, терпѣніемъ и преданностью волѣ Божіей есть типъ покорнаго вообще. Отличительная черта покорнаго хладнокровнаго есть ничѣмъ не сокрушимое спокойствіе и презрѣніе ко всѣмъ превратностямъ судьбы, могущимъ постигнуть его. Отличительная черта покорнаго — пьющаго есть тихая поэтическая склонность и чувствительность; отличительная черта хлопотливаго — ограниченность умственныхъ способностей, соединенная съ безцѣльнымъ трудолюбіемъ и усердіемъ. Типъ же начальствующихъ вообще встрѣчается преимущественно въ высшей солдатской сферѣ: ефрейторовъ, унтеръ-офицеровъ, фельдфебелей и т. д., и, по первому подраздѣленію начальствующихъ суровыхъ,

есть типъ весьма благородный, энергическій, преимущественно военный, не исключающій высокихъ поэтическихъ порывовъ. Второе подраздѣленіе составляютъ начальствующіе политичные, съ нѣкотораго времени начинающіе сильно распространяться. Начальствующій политичный бываетъ всегда краснорѣчивъ, грамотенъ, ходитъ въ розовой рубашкѣ, не ѣстъ изъ общаго котла, куритъ иногда мусатовъ табакъ, считаетъ себя несравненно выше простаго солдата и рѣдко самъ бываетъ столь хорошимъ солдатомъ, какъ начальствующіе перваго разряда. Типъ отчаяннаго точно такъ же, какъ и типъ начальствующаго, хорошъ въ первомъ подраздѣленіи: отчаянныхъ забавниковъ, отличительными чертами которыхъ суть непоколебимая веселость, огромныя способности ко всему, богатство натуры и удаль,—и такъ же ужасно дуренъ во второмъ подраздѣленіи: отчаянныхъ развратныхъ, которые, однако, нужно сказать къ чести русскаго войска, встрѣчаются весьма рѣдко, и если встрѣчаются, то бываютъ удаляемы отъ товарищества самимъ обществомъ солдатскимъ. Невѣріе и какое-то удальство въ порокѣ — главныя черты характера этого разряда....

[1854—1856. III—47/9].

Я всегда и вездѣ, особенно на Кавказѣ, замѣчалъ особенный тактъ у нашего солдата—во время опасности умалчивать и обходить тѣ вещи, которыя могли бы невыгодно дѣйствовать на духъ товарищей. Духъ русскаго солдата не основанъ такъ, какъ храбрость южныхъ народовъ, на скоро воспламеняемомъ и остывающемъ энтузіазмѣ: его такъ же трудно разжечь, какъ и заставить упасть духомъ. Для него не нужны эффекты, рѣчи, воинственные

крики, пѣсни и барабаны: для него нужны, напротивъ, спокойствіе, порядокъ и отсутствіе всего натянутаго. Въ русскомъ, настоящемъ русскомъ, солдатѣ никогда не замѣтите хвастовства, ухорства, желанія отуманиться, разгорячиться во время опасности; напротивъ, скромность, простота и способность видѣть въ опасности совсѣмъ другое, чѣмъ опасность, составляютъ отличительныя черты его характера. Я видѣлъ солдата раненаго въ ногу, въ первую минуту жалѣвшаго только о пробитомъ новомъ полушубкѣ, ѣздоваго, вылѣзающаго изъ подъ убитой подъ нимъ лошади и разстегивающаго подпругу, чтобы снять сѣдло. Кто не помнитъ случай при осадѣ Гергебеля, когда въ лабораторіи загорѣлась трубка начиненной бомбы, и фейерверкеръ двумъ солдатамъ велѣлъ взять бомбу и бѣжать бросить ее въ обрывъ, и какъ солдаты не бросили ея въ ближайшемъ мѣстѣ, около палатки полковника, стоявшей надъ обрывомъ, а понесли дальше, чтобы не разбудить господъ, которые почивали въ палаткѣ, и оба были разорваны на части?

[Id. III—87/8].

ИСТОЧНИКИ.

Н. М. КАРАМЗИНЪ.

1) Сочиненія Карамзина въ 3 томахъ. Изданіе Александра Смирдина. Спб. 1848.

Т. I. Стихотворенія и статьи историческія.

Стихотворенія: Военная пѣснь. Стр. 28—29. Посланіе къ Дмитріеву. 36—42. Къ бѣдному поэту. 62—66. Двѣ пѣсни. 78—81. Посланіе къ женщинамъ. 96—111. Страсти и безстрастіе. 119. Къ невѣрной. 120—125. Дарованія. 137—155. Надписи на статую Купидона. 168—170. Протей или несогласія стихотворца. 185—198. Александру I. на восшествіе на престолъ. 198—203. На коронованіе Александра I. 204—210. Гимнъ глупцамъ. 213—216. Освобожденіе Европы и слава Александра I. 238—254.

Историческія статьи: Историческое похвальное слово Екатеринѣ II. Стр. 275—380. О Марѳѣ Посадницѣ. 381—387. О Россійскомъ посольствѣ въ Японію. 388—397. О Московскомъ мятежѣ въ царствованіе Алексѣя Михайловича. 398—418. Швейцарія. 541—548. Взоръ на прошедшій годъ [1802]. 548—552. О высадкѣ. 555—559.

Т. II. Письма русскаго путешественника. 790.

Т. III. Повѣсти и смѣсь.

Повѣсти: стр. 1—313. Юлія. 42—68. Наталья, боярская дочь. 81—138. Марѳа Посадница. 166—238. Рыцарь нашего времени. 239—281.

Смѣсь: стр. 315—712. Великій мужъ русской грамматики. 317—326. О счастливѣйшемъ времени жизни. 327—331. Записки стараго Московскаго жителя. 332—339. О вѣрномъ способѣ

имѣть въ Россіи довольно учителей. 340—347. О новомъ образованіи народнаго просвѣщенія въ Россіи. 348—358. Что нужно автору. 370—372. Нѣчто о наукахъ. 373—403. Мелодоръ къ Филалету и Филалетъ къ Мелодору. 436—457. О любви къ отечеству и народной гордости. 465—476. Разговоръ о счастіи. Филалетъ и Мелодоръ. 477—503. Моя исповѣдь. 504—520. Письма сельскаго жителя. 564—580. Чувствительный и холодный. 618—640. Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Имп. Рос. Академіи, 5 декабря 1818 года. 641—654. Ночь. 669—672. Нѣсколько мыслей. 703—704.

2) Исторія Государства Россійскаго въ 12 томахъ. Изданіе А. С. Суворина (Дешевая Библіотека). Спб. 1888—1890.

Т. I. Стр. XX и 223. Т. II. 290. Т. III. 252. Т. IV. 266. Т. V. 354. Т. VI. 324. Т. VII. 199. Т. VIII. 272. Т. IX. 405. Т. X. 236. Т. XI. 263. Т. XII. 284.

3) Неизданныя сочиненія и переписка Николая Михайловича Карамзина. Ч. I. Спб. 1862. 240 стр.

Мнѣніе русскаго гражданина. 3—8. Письма Карамзина къ супругѣ. 139—182. Мысли въ саду Павловскомъ. 185—186. Мысли объ истинной свободѣ. 194—195. Разныя мысли. 196—197. Выписки изъ записной книжки. 1797 г. Стр. 198—204.

4) Записка о Древней и Новой Россіи въ ея политическомъ и гражданскомъ отношеніяхъ. Сочиненіе Н. М. Карамзина [«Русскій Архивъ» за 1870 г. Стр. 2228—2350].

—

В. А. ЖУКОВСКІЙ.

Сочиненія В. А. Жуковскаго. Изданіе 8-е, въ 6 томахъ, подъ редакціей П. А. Ефремова. Спб. 1885.

Т. I. Стихотворенія 1797—1815 гг. 534.

Къ человѣку. Стр. 25—29. Въ день рожденія. 34—36. Эпиграммы. 69—70. Эпиграммы. 74—75. Къ М. М. С.....ой. 88—89. Свѣтлана. 220—229. Къ Батюшкову. 238—257. Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ. 258—282. Теонъ и Эсхинъ. 323—

327. Барону Н. И. Черкасову. 327—328. Императору Александру. 389—403. Могилевъ. 424—425. Кн. Вяземскому и Пушкину. 433—444. Ноябрь. 447—449. Что такое законъ? 468.

Т. II. Стихотворенія 1816—1829 гг. Воспоминаніе. Стр. 1. Чижикъ. 110.

Т. III. Стихотворенія 1831—1846 гг Судьба. Стр. 247.

Т. IV. Одиссея (1842—1849 гг.) и Иліада (1849—1850 гг.). О переводѣ Одиссеи. Стр. 1—11.

Т. V. Стихотворенія (1847—1852 гг.) и проза (1797—1834 гг.).

Письмо изъ уѣзда къ издателю „Вѣстника Европы". Стр 246—254. Три сестры. 257—260. Кто истинно добрый и счастливый человѣкъ. 260—266. О нравственной пользѣ поэзіи. 312—317. Печальное происшествіе. 320—326. О баснѣ и басняхъ Крылова. 327—343. О критикѣ. 372—380. О сатирѣ и сатирахъ Кантемира. 380—398. Отрывокъ изъ письма о Саксоніи. 438—445. Изъ письма о Швейцаріи. 471—478. Черты исторіи государства Россійскаго. 487—518.

Т. VI. Проза (1835—1852 гг.). О воспитаніи Государя Наслѣдника (1826—1829 гг.) и письма къ Особамъ Царской Фамиліи (1826—1849 гг.).

Послѣднія минуты Пушкина. Стр. 7—20. Бородинская годовщина. 43—50. О кончинѣ Вел. Кн. Александры Николаевны. 53—56. Аксіомы. 59—61. Истина. 61—63. Наука. 63—67. О меланхоліи въ жизни и въ поэзіи. 67—80. О молитвѣ. 83—92. Слова поэта — дѣла поэта. 92—105. Свобода. 130—131. Твердость и упрямство. 131. Что такое воспитаніе. 136—142. Объ изящномъ искусствѣ. 140—142. О происшествіяхъ 1848 года. 145—160. Святая Русь. 160—169. О смертной казни. 169—173. Самоотверженіе власти. 173—175. Теорія и практика. 175—176. Энтузіазмъ и энтузіасты. 176—178. Русская и англійская политика. 178—192. О внутренней христіанской жизни. 225—238. Промыслъ. Испытаніе. 239—242. Вѣра. 246—251. Свобода. 251. Письма къ Императрицѣ Александрѣ Өедоровнѣ. 252—328. О воспитаніи Наслѣдника Цесаревича. 328—374. Письма къ Наслѣднику Цесаревичу. 375—599. Къ В. Кн. Маріи Николаевнѣ. 599—623.

И. А. КРЫЛОВЪ.

1) Полное собраніе сочиненій И. Крылова въ 3 томахъ. Изданіе Юнгмейстера и Э. Веймара. Спб. 1847.

Т. I. Проза: Почта духовъ. Стр. 1—172. Каибъ, восточная повѣсть. 173—213. Ночи. 215—258. Похвальная рѣчь въ память моему дѣдушкѣ. 265—277. Мысли философа по модѣ или способъ казаться разумнымъ, не имѣя ни капли разума. 289—298. Похвальная рѣчь наукѣ убивать время. 298—311. Примѣчаніе на комедію «Смѣхъ и горе». 325—335.

2) Басни И. А. Крылова. Изданіе И. А. Егорова. Спб. 1887.

Книга первая. Ларчикъ. 6—7. Парнасъ. 11—12. Оракулъ. 13—14. Василекъ. 14—15. Обезьяны. 21—22. Синица. 22—23. Оселъ. 24—25. Мартышка и очки. 25—27. Червонецъ. 31—32. Безбожники. 34—35. Орелъ и куры. 35—37. Книга вторая. Левъ и барсъ. 41—42. Собачья дружба. 47—49. Раздѣлъ. 49—50. Бочка. 51. Ручей. 53—55. Лисица и сурокъ. 55—56. Прохожіе и собаки. 56—57. Орелъ и пчела. 61—62. Заяцъ на ловлѣ. 62—63. Щука и котъ. 63—65. Волкъ и кукушка. 65—67. Крестьянинъ и работникъ. 67—68. Обозъ. 69—70. Слонъ на воеводствѣ. 72—73. Книга третья. Крестьянинъ въ бѣдѣ. 78—80. Хозяинъ и мыши. 80—81. Слонъ и моська. 81—82. Волкъ и волченокъ. 82—83. Обезьяна. 84—85. Котъ и поваръ. 87—89. Крестьянинъ и лисица. 93—95. Гуси. 102—103. Свинья. 103—105. Лань и дервишъ. 109—110. Орелъ и кротъ. 111—112. Книга четвертая. Квартетъ. 113—114. Волкъ и лисица. 116—117. Лебедь, щука и ракъ. 118. Скворецъ. 119—120. Прудъ и рѣка. 120—122. Цвѣты. 129—130. Крестьянинъ и змѣя. 131—132. Любопытный. 133. Конь и всадникъ. 135—137. Добрая лисица. 138—140. Мірская сходка. 140—141. Книга пятая. Мышь и крыса. 143—144. Чижъ и голубь. 144—145. Водолазы. 145—149. Зеркало и обезьяна. 154. Тѣнь и человѣкъ. 158—159. Собака, человѣкъ, кошка и оселъ. 161—162. Слонъ въ случаѣ. 167—168. Туча. 168—169. Лягушка и Юпитеръ. 173—174. Напраслина. 176—177. Фортуна въ гостяхъ. 178—180. Книга шестая. Кукушка и горлинка. 182—183. Гребень. 183—185. Двѣ бочки.

186—187. Апеллесъ и осленокъ 188—189. Охотникъ. 189—190. Пчела и мухи. 195—196. Крестьянинъ и змѣя. 200—201. Медвѣдь въ сѣтяхъ. 202—204. Мальчикъ и червякъ. 206—207. Ягненокъ. 213—215. Книга седьмая. Мельникъ. 218—219. Плотичка. 222—224. Крестьянинъ и змѣя. 225. Свинья подъ дубомъ. 226. Змѣя и овца. 231—232. Двѣ собаки. 245—247. Кошка и соловей. 247—248. Прихожанинъ. 250—251. Ворона. 251—253. Книга восьмая. Бритвы. 261—262. Кунецъ. 267—268. Пушки и паруса. 269—270. Оселъ. 270—272. Три мужика. 282—283. Книга девятая. Бѣлка 285. Два мальчика. 291—292. Разбойникъ и извозчикъ. 292—293. Левъ и мышь. 293—295. Кукушка и пѣтухъ. 295—296. Левъ и человѣкъ. 298—299.

А. С. ГРИБОѢДОВЪ.

Полное собраніе сочиненій А. С. Грибоѣдова, подъ редакціей И. А. Шляпкина. Изданіе Н. Н. Варгунина, въ 2 томахъ. Спб. 1889.

Т. I. Прозаическія статьи и переписка.

Хронологическая канва. VII—XLVIII.

Прозаическія статьи: Загородная поѣздка. Стр. 107—109. Путевыя записки (Эриванскій походъ). 110—116.

Частная и служебная переписка: С. Н. Бѣгичеву. Стр. 162—164. Ему-же. 165—167. П. А. Катенину. 196—197. В. Ѳ. Одоевскому. 202—203. С. Н. Бѣгичеву. 213—215. Ѳ. В. Булгарину. 215.

Томъ II. Поэзія. Горе отъ ума. (Комедія въ 4 дѣйствіяхъ). 220—338.

А. С. ПУШКИНЪ.

Сочиненія А. С. Пушкина. Изданіе Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. Въ 7 томахъ. Спб. 1887 г.

Т. I. Лирическія стихотворенія (1812—1825 гг.).

Уныніе. Стр. 201. Деревня. 205—206. Подражаніе (пѣсни пѣсней). 260—261. Всегда такъ будетъ и бывало. 263. Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ. 309—315. Къ А. П. Кернъ. 351. Послѣдніе цвѣты. 355.

Т. II. Лирическія стихотворенія (1826—1836 гг.) Поэмы (1820—1824 гг.).

Стансы. Стр. 7—8. Поэтъ. 21. Золото и булатъ. 23. To Dawe Esqr. 36. Чернь. 49—50. Элегія. 101. Герой. 121—123. Изъ VI Пиндамонте. 187—188. Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный. 189—190. 19 октября 1836. 191—192. Къ женѣ. 193. Русланъ и Людмила 197—275. Братья разбойники. 302—308. Бахчисарайскій фонтанъ. 322—337. Цыганы. 347—364.

Т. III. Поэмы и драматическія произведенія. (1825—1833).

Борисъ Годуновъ. Стр. 1—76. Сцена изъ Фауста. 103—106. Полтава. 107—151. Евгеній Онѣгинъ (романъ въ стихахъ). 234—419. Мѣдный всадникъ. 558—572.

Т. IV. Романы. Повѣсти. Сцены. Отрывки изъ повѣстей и неоконченные разсказы. Путешествіе. (1827—1835).

Дубровскій. Стр. 120—179. Отрывки изъ романа въ письмахъ. 348—359. Гости съѣзжались на дачу. 365—371. Путешествіе въ Арзрумъ. 412—452.

Т. V. Критическія, библіографическія, политическія и историческія статьи и замѣтки. Дневникъ. (1815—1837).

Историческія замѣчанія. Стр. 10—14. О слогѣ. 15—16. Замѣтки при чтеніи книгъ. 32—36. О народномъ воспитаніи. 43—47. Отрывки изъ писемъ, мысли и замѣчанія. 53—59. Критическія замѣтки. 110—138. Дельвигъ. 158—160. Современные французскіе писатели. 161. Мелкія замѣтки. 162—166. Изъ записной книжки. 183—186. Мысли на дорогѣ. 214—252. Черная грязь. 228—229. Тверь. 232—233. Торжокъ. 236—237. Русская изба. 238—240. Александръ Радищевъ. 349—359.

Т. VII. Письма (1816—1837 гг.).

Н. И. Гречу. Стр. 24—25. Л. С. Пушкину. 43—44. А. А. Бестужеву. 49—51. А. И. Тургеневу. 60—62. А. А. Бестужеву. 107—108. К. О. Рылѣеву. 126—127. Кн. П. А. Вяземскому 156—157. Ему-же. 159—160. П. А. Катенину. 175. Кн. П. А. Вяземскому. 180. Ему-же. 184—185. П. А. Плетневу. 259—260. А. Ѳ. Воейкову. 287—288. Н. Н. Пушкиной. 353—354.

М. Ю. ЛЕРМОНТОВЪ.

Сочиненія М. Ю. Лермонтова. Первое полное изданіе В. О. Рихтера подъ редакціею Пав. Ал. Висковатова. 6 томовъ. Москва. 1891.

Т. I. Лирическія стихотворенія (1828—1841 гг.).

Заблужденія Купидона. Стр. 1. Цыганы. 10—11. Преступникъ. 11—16. Есть люди странные. Стр. 39. Стыдить лжеца. 40. Къ Грузинову. 40. Девятый часъ; ужъ темно. 63—64. Склонись ко мнѣ. 67—68. Къ*** Не говори: одним㛿ъ высокимъ. 76. Опасеніе. 76—77. Одиночество. 88—89. Кладбище. 107—108. Бульваръ. 119—121. Расстались мы, но твой портретъ. 263. Поэтъ. 271—2. Дума. 272—3. Не вѣрь себѣ. 275—6. Первое января. 286—7. Журналистъ, читатель и писатель. 289—294. И скучно и грустно. 296. Ребенку. 297. А. О. Смирновой. 302 Валерикъ. 305—314. Послѣднее новоселье. 318—320.

Т. II. Поэмы (1828—1841).

Литвинка. Стр. 12—28. Ангелъ смерти. 29—45. Измаилъ-Бей. 70—136. Хаджи-Абрекъ. 145—158. Монго. 166—174. Сашка. 175—229. Казначейша. 230—253. Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодаго опричника и удалаго купца Калашникова. 287—301.

Т. IV. Драматическія произведенія (1828—1841).

Испанцы. Стр. 10—116. Странный человѣкъ. 177—248. Маскарадъ. 250—347. Два брата. 249—384. Арбенинъ. 385—430.

Т. V. Проза (1828—1841 гг.).

Горбачъ-Вадимъ. Стр. 1—117. Княгиня Лиговская. 118—186. Герой нашего времени. 187—339. Отрывокъ первой начатой повѣсти (Лугинъ). 349—364. Письма. 373—434.

Н. А. НЕКРАСОВЪ.

Полное собраніе стихотвореній Н. А. Некрасова въ двухъ томахъ. Пятое изданіе. Спб. 1890.

Т. I. (1842—1872). Блаженъ незлобивый поэтъ. Стр. 51—53. Въ больницѣ. 98—101. Саша. 102—123. Замолкни, муза. 127—128. Поэтъ и гражданинъ. 135—145. Несчастные. 147—176. Ти-

шина. 177—183. Размышленія у параднаго подъѣзда. 188—192. Пѣсня Еремушкѣ. 192—195. Знахарка. 213—215. Рыцарь на часъ. 225—232. Газетная. 359—370. Неизвѣстному другу. 410—412. Медвѣжья охота. 442—462. Не рыдай такъ надъ нимъ. 468—469. Русскія женщины. 521—599.

Т. II. (1873—1877). Кому на руси жить хорошо. Стр. 1—289. Унынiе. 314—320. Элегія. 320—322. Сѣятелямъ. 411. Зинѣ. 414—415. Мать. 416—426. Великое чувство. 430—431. Ты не забыта. 432—433.

Н. В. ГОГОЛЬ.

Сочиненія Н. В. Гоголя. Изданіе 10, въ 5 томахъ. Москва 1890.

Т. II. **Комедіи:** Ревизоръ. Стр. 197—284. Развязка ревизора. 341—352. Женитьба. 353—408.

Т. III. Похожденія Чичикова, или Мертвыя души. Стр. 1—411.

Т. IV. Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями. Стр. 1—222. Письмо къ А. О. Россетти. 223—226. Авторская исповѣдь. 241—278. Письмо къ В. А. Жуковскому. 279—284. Похожденія Чичикова или Мертвыя души. Т. II (въ исправленной редакціи). 287—408.

Т. V. Арабески: Скульптура, живопись и музыка. Стр. 113—117. Объ архитектурѣ нынѣшняго времени. 213—233. Невскій проспектъ (повѣсть). 251—286. Петербургскія записки 1836 года. 508—521.

И. С. ТУРГЕНЕВЪ.

1) Полное собраніе сочиненій И. С. Тургенева. Второе изданіе, въ 10 томахъ. С.-Петербургъ. 1884.

Т. I. Хорь и Калинычъ. Стр. 1—15. Гамлетъ Щигровскаго уѣзда. 309—339.

Т. II. Предисловіе автора къ собранію его романовъ, 1881 г. XVI. Отцы и дѣти. 1—237. Наканунѣ. Романъ. 239—423.

Т. III. Дымъ. Романъ. Стр. 1—203. Дворянское гнѣздо. Романъ. 205—397.

Т. IV. Новь. Романъ. Стр. 1—336. Рудинъ. Романъ. 337—493.

Т. V. Три портрета. Стр. 96—132. Дневникъ лишняго человѣка. 208—271.

Т. VI. Затишье. 1—91. Переписка. 92—128. Яковъ Пасынковъ. 129—178. Фаустъ. Разсказъ. 179—229. Ася. 252—309. Первая любовь. 310—387. Довольно. 425—458.

Т. VII. Несчастная. 71—170. Степной король Лиръ. 199—290. Вешнія воды. 291—458.

Т. VIII. Стукъ!... стукъ!... стукъ!... Стр. 1—36. Пунинъ и Бабуринъ. Разсказъ. 37—106. Сонъ. Разсказъ. 163—186. Стихотворенія въ прозѣ: Житейское правило. 363. Дуракъ. 367—368. Эгоистъ. 391—392. Молитва. 410—411.

Т. IX. Неосторожность, комедія въ 1 дѣйствіи. Стр. 3—57.

Т. X. Литературныя и житейскія воспоминанія. Стр. 1—113. Критическія статьи и рѣчи. 214—440. Мелкія сочиненія. 441—475.

2) Первое собраніе писемъ И. С. Тургенева. 1840—1883. Изданіе Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. Спб. 1885. 564.

И. А. ГОНЧАРОВЪ.

Полное собраніе сочиненій И. А. Гончарова въ 9 томахъ. Изданіе Глазунова. Спб. 1886—1887—1889 гг.

Т. I. Обыкновенная исторія. Романъ въ 2 част. Ч. 1. 184 стр.

Т. II. Обломовъ. Романъ въ 4 частяхъ. Ч. 2. 183 стр.

Т. III. То-же. Части 3 и 4. Ч. 4. 161 стр.

Т. IV. Обрывъ. Романъ въ 5 частяхъ. Ч. 1 и 2. 461 стр.

Т. V. То-же. Ч. 3, 4 и 5. 545 стр.

Т. VI. Фрегатъ Паллада. Очерки путешествія, въ 2 томахъ. Т. I. XII и 392 стр.

Т. VII. То-же. Т. 2. 560 стр.

Т. VIII. Литературный вечеръ. Стр. 1—120. Замѣтки о личности Бѣлинскаго. 167—198. Лучше поздно, чѣмъ никогда. (Критическія замѣтки). 199—265.

Т. IX. Воспоминанія. Стр. 1—169. Слуги стараго вѣка. 171—265.

Ѳ. М. ДОСТОЕВСКІЙ.

Полное собраніе сочиненій Ѳ. М. Достоевскаго въ 14 томахъ. Спб. 1883.

Т. I. Біографія, письма и замѣтки изъ записной книжки. Воспоминанія о Ѳ. М. Достоевскомъ (Н. Н. Страхова). Стр. 169—332. Письма Ѳ. М. Достоевскаго къ разнымъ лицамъ. 3—352. Къ г-жѣ Герасимовой. 322—325. Къ московскимъ студентамъ. 332—336. Изъ записной книжки Ѳ. М. Достоевскаго. 355—375.

Т. III. Повѣсти и разсказы. Зимнія замѣтки о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ. Стр. 377—439. Записки изъ подполья. 441—538.

Т. IV. Записки изъ Мертваго дома. Стр. 1—280.

Т. VII. Идіотъ. Романъ въ 4 частяхъ. Стр. 7—607.

Т. X. Критическія статьи Стр. 3—142. Введеніе. 3—36. Г—бовъ и вопросы объ искусствѣ. 37—74. Книжность и грамотность. 75—92. Послѣднія литературныя явленія. Газета „День". 131—142. „Дневникъ писателя", изъ журнала „Гражданинъ" за 1873 г. 1—160. Среда. 1—23. Власъ. 31—35. Одна изъ современныхъ фальшей. 148—160.

Т. XI. Дневникъ писателя за 1876 г. Стр. 5—404.

Т. XII. Дневникъ писателя за 1877 г., за августъ 1880 г. и за январь 1881 г. Стр. 5—504.

Т. XIII. Братья Карамазовы. Романъ въ 4 частяхъ. Т. 1. Стр. 9—360.

Т. XIV. То-же. Т. 2. Стр. 7—492.

М. Е. САЛТЫКОВЪ.

Сочиненія М. Е. Салтыкова (Н. Щедрина). Изданіе автора, въ 9 томахъ. Спб. 1889.

Т. I. Губернскіе очерки. Стр. 1—351. Невинные разсказы. 355—564.

Т. II. Сатиры въ прозѣ. Стр. 1—196. Признаки времени. 199—338. Письма о провинціи. 341—466. Итоги. 439—409.

Т. III. Въ средѣ умѣренности и аккуратности. Стр. 355 - 591.

Т. IV. Господа Ташкентцы. Стр. 1 -212. Убѣжище Монрепо. Стр. 451—567.

Т. VI. За рубежемъ. Стр. 1—196. Письма къ тетенькѣ. 199—544. Сборникъ. 381—514.

Т. VII. Круглый годъ. 239—268. Пошехонскіе разсказы. 371—490. Недоконченныя бесѣды. 493 - 603.

Т. VIII Пестрыя письма. Стр. 169—303. Мелочи жизни. 307—574.

Т. IX. Пошехонская старина. жизнь и приключенія Никанора Затрапезнаго. 3—394.

ГРАФЪ Л. Н. ТОЛСТОЙ.

Сочиненія графа Л. Н. Толстаго. Изданіе 7-е, въ 13 частяхъ. Москва. 1887—1891.

Часть I. Дѣтство, повѣсть. Стр. 3—136. Отрочество. повѣсть. 137—241. Юность, повѣсть. 242—450.

Часть II. Изъ записокъ князя Д. Нехлюдова (Люцернъ). 101—135.

Часть III. Рубка лѣсу. 41—93.

Часть IV. Педагогическія статьи. 1—625.

Часть V. Война и миръ. Т. I. 5—479.

Часть VII. Тоже. Т. III. 5—551.

Часть VIII. Тоже. Т. IV. 5—479.

Часть IX. Анна Каренина. Т. I. 5—364.

Часть X. Тоже. Т. II. 5—479.

Часть XII. Произведенія послѣднихъ годовъ. О переписи въ Москвѣ. 251—263. Такъ чтожъ намъ дѣлать. 267—350. О назначеніи науки и искусства. 372—446. Выдержки изъ частнаго письма по поводу возраженій на статью „Женщинамъ". 467—471. Предисловіе къ Сборнику. 737—742.

Часть XIII. Произведенія послѣднихъ годовъ. Изданіе 2-е. Москва. 1891. 387 стр. Ручной трудъ и умственная дѣятельность. 1—11. Послѣднія главы изъ книги о жизни. 13—82. Праздникъ просвѣщенія 12 Января. 85—93. Трудолюбіе, или торжество земледѣльца. 95—114. Для чего люди одурманиваются. 235—261.

· — ◆ — ·

Алфавитный указатель.

Объясненіе сокращеній: К.—Карамзинъ, Ж.—Жуковскій, Кр.—Крыловъ, Гр.—Грибоѣдовъ, П.—Пушкинъ, Л.—Лермонтовъ, Н.—Некрасовъ, Г.—Гоголь, Т.—Тургеневъ, Гон.—Гончаровъ, Д.—Достоевскій, С.—Салтыковъ, Тол.—Толстой

А

Б

В

Г

Д

Е

Ж

М

Н

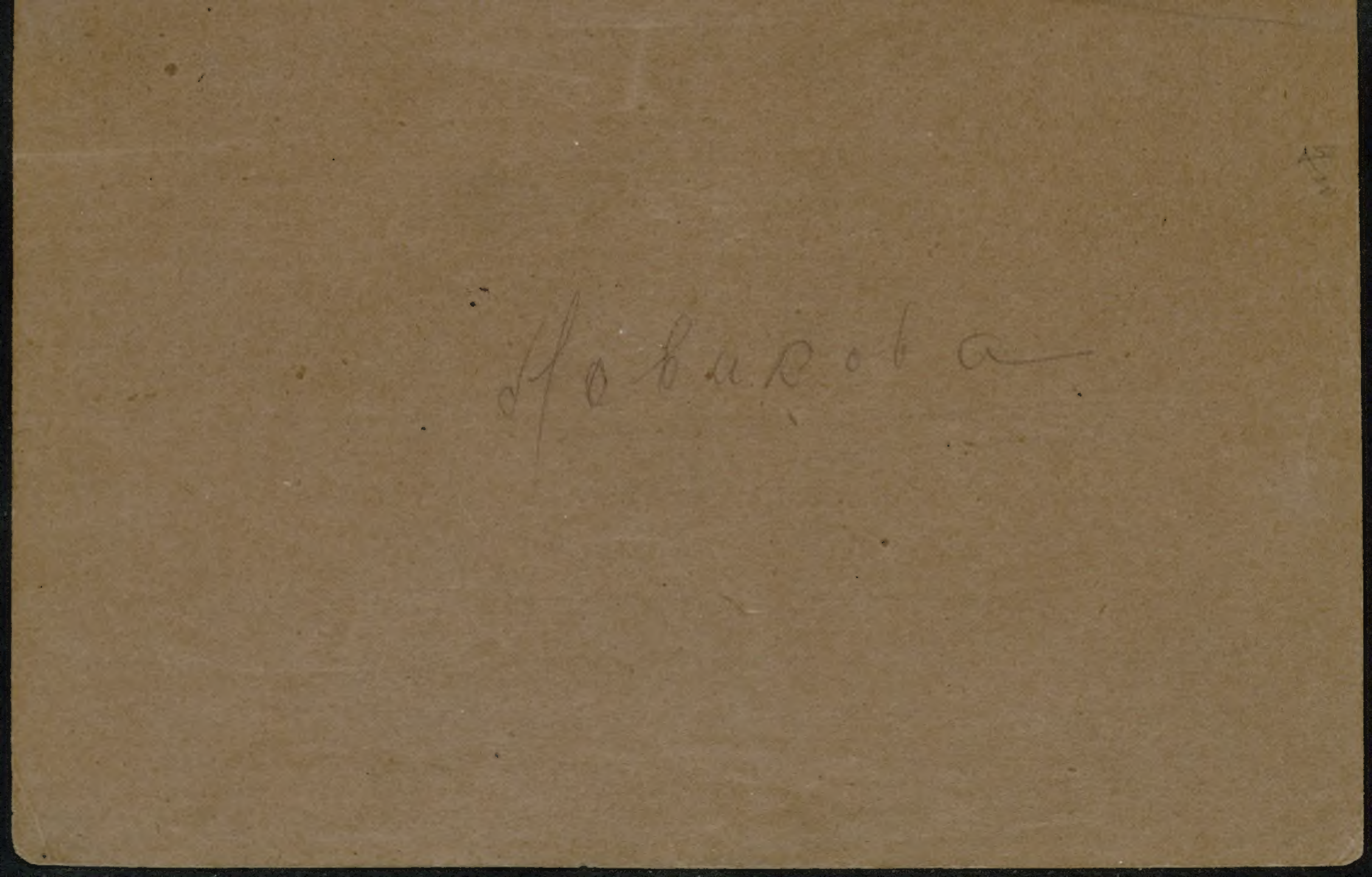
О

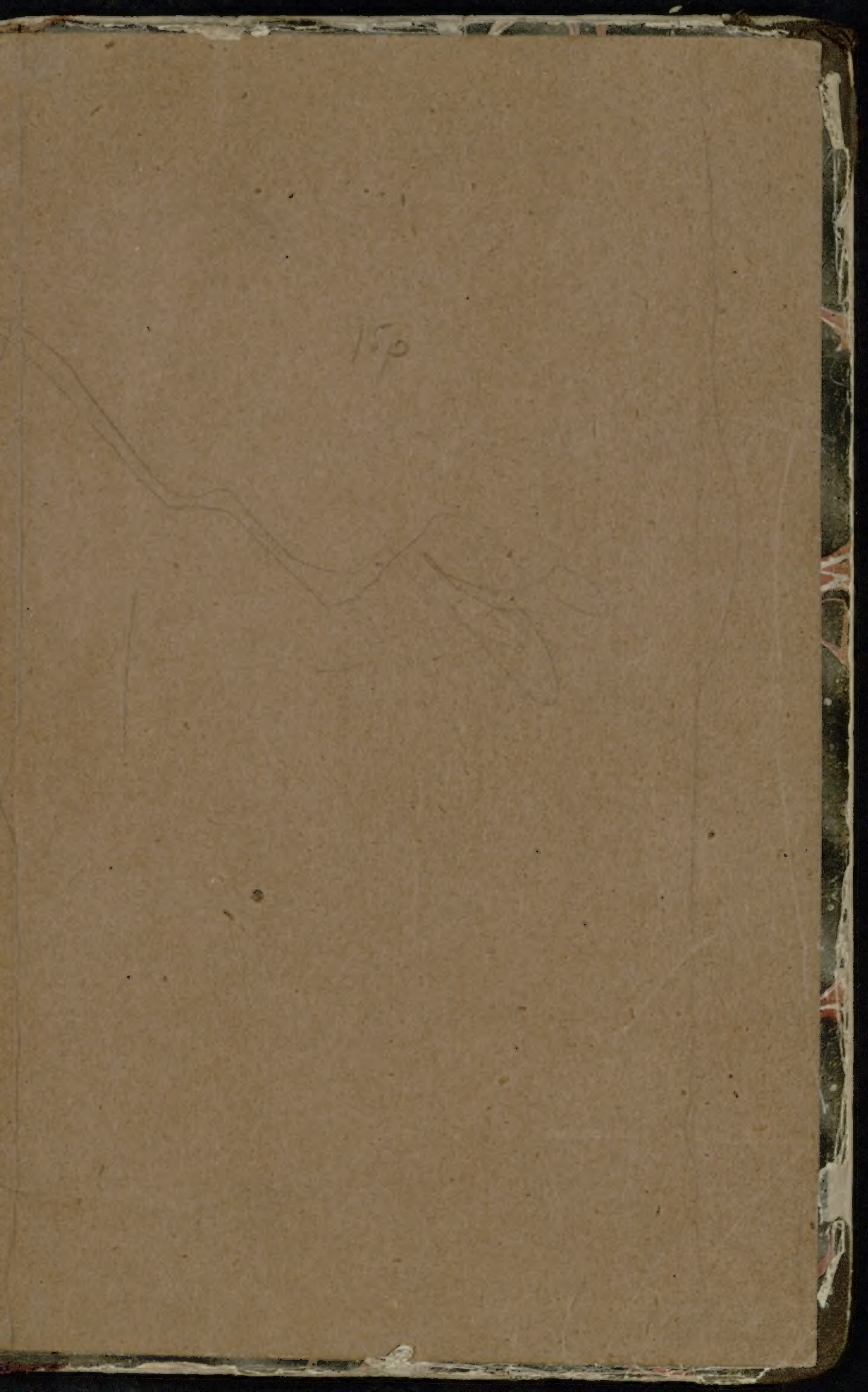
П

Р

С

Цена 5 руб.

Новикова

15p

